

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ФИЛИПЕНОК СТАНИСЛАВА АНДРЕЕВНА

ЛИЧНОСТНОЕ ЗНАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Специальность 09.00.01 – Онтология и теория познания

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук
Князева Елена Николаевна

МОСКВА 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА I. Историко-философские предпосылки возникновения и развития проблемы личностного знания и самосознания человека.....	21
§ 1. Начала исследования проблемы личностного знания в восточной философии.....	21
§ 2. Предпосылки формирования проблемы личностного знания в классической западной философии	36
§ 3. Формирование в неклассической западной философии направлений, актуальных для анализа проблемы личностного знания	51
§ 4 История проблемы личностного знания в русской философии: проблема самосознания у С.Л. Франка и проблема самопознания и экзистенциального познания у Н.А. Бердяева	69
ГЛАВА II. Личностное знание в когнитивной деятельности.....	76
§ 1. Концепция личностного знания М. Полани и ее значимость для современной эпистемологии.....	76
§ 2. Личностный опыт как основа личностного знания.....	93
§ 3. Развитие личностного знания в процессе становления личности: современное звучание концепции Ж. Пиаже.....	99
§ 4. Роль личностного знания в самосознании.....	107
§ 5. Личностное знание в творчестве.....	125
Заключение.....	145
Список литературы.....	150

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Понятие личностного знания, предложенное в 50-х годах XX века философом науки и ученым М. Полани, получило развитие в виде целостной концепции, которая сохраняет свою актуальность до настоящего времени и породила самостоятельное направление в философии науки, изучающее роль неявного знания в познавательном процессе.

Важную роль в решении актуальных эпистемологических проблем может сыграть концепция личностного знания. Эта концепция может дать целостное представление о процессе познания, поскольку личностное знание выражает собой сложный и многогранный уникальный опыт конкретной личности, охватывающий разные аспекты психической жизни человека и осуществляемой им когнитивной деятельности. Личностное знание, таким образом, формируется с помощью рациональных и иррациональных познавательных способностей человека, является результатом работы сознания и подсознания, определяется биологическими и социальными факторами познания, включает в себя знание универсальное и индивидуальное.

Анализ личностного знания осуществляется в парадигме рациональности постнеклассического типа, в терминологии В.С. Степина, ориентированной на осмысление роли субъекта и разделяемых им ценностных установок в познании. В неклассической эпистемологии изучаются различные аспекты человеческой субъективности, влияющие на когнитивную деятельность: природный, ценностный, социальный, культурно-исторический и другие аспекты. Как отмечает современный отечественный исследователь И.К. Лисеев, «от представлений о безусловной истинности научного знания, их автономности и независимости от других сфер человеческой деятельности происходит переход к пониманию социокультурной и личностной

детерминации научного знания»¹. Новые перспективы открывает исследование личностных факторов познания, так как всякая, в том числе и коллективная, познавательная деятельность осуществляется, в конечном счете, конкретными субъектами с их неповторимым личностным опытом. Научное познание не может рассматриваться отдельно от жизненной практики ученых, наделенных личностно окрашенными когнитивными установками. Особое значение имеет сфера неявного, неартикулированного знания, молчаливого (*tacit knowledge*), изучению которой и посвящены работы Полани. Концепция личностного знания потому широко обсуждается в современной философии науки, что в ней показана роль именно такого рода знания в научной деятельности.

Чтобы получить целостное представление о процессе познания как таковом, независимо от его конкретных форм, и о структуре знания индивидуального субъекта, необходимо переосмыслить понятие личностного знания, включив в него не только неявное знание, но и знание рациональное, общезначимое, также являющееся неотъемлемым компонентом системы наличного знания отдельно взятого человека. В структуре личностного знания можно выделить наряду с когнитивным аксиологический, праксеологический, эстетический и иные аспекты, что указывает на взаимосвязь собственно эпистемологической проблематики с проблематикой других разделов философского знания, а привлечение данных современных когнитивных наук придает исследованию междисциплинарный характер.

В эпистемологии расширение границ понятия личностного знания позволяет исследовать взаимосвязь и соотношение логического и интуитивного, сознательного и неосознанного, субъективного и объективного в структуре данного вида знания. Благодаря этому появляется возможность обратиться к столь важной проблеме эпистемологии, как проблема объективного и интерсубъективного характера приобретаемого

¹ Лисеев И.К. Становление новой парадигматики в биологических исследованиях // Философия науки. Вып. 7: Формирование современной естественнонаучной парадигмы. М., 2001. С. 107.

конкретным субъектом знания. Комплексное понимание личностного знания, содержащего в себе, в том числе, и общезначимые представления, порождает проблему соотношения в его структуре индивидуального и универсального аспектов знания: с одной стороны, как личностное, индивидуальное проявляется в общезначимом знании; с другой стороны, как общезначимые представления сохраняют свой универсальный и объективный характер в системе личностного знания и какие изменения в ней претерпевают? Проблемы объективности знания и соотношения субъективного и объективного компонентов знания, индивидуального и универсального являются, пожалуй, одними из фундаментальных проблем эпистемологии, сохраняющими свою актуальность во все времена. Кроме того, понятие личностного знания может использоваться и в анализе других актуальных эпистемологических проблем, в числе которых проблемы самосознания, творчества, телесных детерминантов в когнитивной деятельности и т.д.

Степень разработанности проблемы

Концепция М. Полани до сих пор вызывает бурные дискуссии в научной и философской среде, о чем можно судить по многочисленным работам, посвященным проблеме личностного и неявного знания. Сегодня на Западе функционирует Общество М. Полани (The Polanyi Society), регулярно выпускающее периодическое издание «Tradition and Discovery» и организующее конференции, на которых обсуждаются проблемы, так или иначе связанные с ключевыми идеями этого философа. На английском и венгерском языках выходит сборник «Polanyiana», в котором также рассматриваются различные аспекты концепции Полани. Среди наиболее значимых авторов публикаций о Полани можно назвать Ч. Лоуни (Ch. Lowney), Э. Гроссо (A. Grosso), С.Р. Джа (S.R. Jha), П. Хэммонда (P. Hammond) и др.

Несмотря на большую популярность идей Полани в отечественной философской среде, на русском языке существует лишь частичный перевод

основополагающего труда философа «Личностное знание»² с предисловием В.А. Лекторского. Тем не менее, и в России исследователи нередко обращаются к концепции личностного знания. Из русскоязычных сочинений, предметом рассмотрения которых является личностное или неявное знание, следует упомянуть работу В.А. Героименко «Личностное знание и научное творчество», статьи В.И. Аршинова «Личностное знание М. Полани как позиция синергетики»³, Н.М. Смирновой «Теоретико-познавательная концепция М. Полани»⁴, О.В. Летова «М. Полани о соотношении культуры, науки и религии»⁵, докторскую диссертацию О.В. Летова «Проблема научной объективности в постпозитивистской философии науки (концепции М. Полани и Н. Хэнсона)»⁶ и кандидатскую диссертацию Е.В. Котоминой «Концепции неявного знания в современной философии науки»⁷. Анализу концепции М. Полани посвящен целый раздел в учебном пособии В.С. Степина, В.Г. Горохова и М.А. Розова «Философия науки и техники»⁸.

Концепция личностного знания была создана, прежде всего, для осмысления научного познания. Проблемами научного познания и разработкой соответствующей методологии в отечественной философии занимаются В.С. Степин, А.Л. Никифоров, Е.А. Мамчур, Ф.Т. Михайлов, А.П. Огурцов, А.А. Печенкин, А.Ю. Севальников и др. Проблемой понимания и интерпретации как особых методов познания посвящены работы Е.Н. Шульги. В.М. Розин в основу своей методологии кладет принципы культурологии и гуманитарного подхода.

В данном исследовании ставится задача рассмотреть личностное знание в контексте не только научного познания, но и познавательной деятельности

² Полани М. Личностное знание. М., 1985.

³ Аршинов В.И. Личностное знание М. Полани как позиция синергетики // Философские исследования. 2000, № 1.

⁴ Смирнова Н.М. Теоретико-познавательная концепция М. Полани // Вопросы философии. ИФ РАН. 1986, № 2.

⁵ Летов О.В. М. Полани о соотношении культуры, науки и религии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. №1 (09) - www.sisp.nkras.ru.

⁶ Летов О.В. Проблема научной объективности в постпозитивистской философии науки (концепции М. Полани и Н. Хэнсона) // Дисс. на соискание ученой степени док. филос. наук. М., 2011.

⁷ Котомина Е.В. Концепции неявного знания в современной философии науки // Дис. на соискание ученой степени канд. филос. наук. Вологда, 2008.

⁸ Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1999.

как таковой, независимо от ее конкретных форм. Как следствие, в диссертации предполагается провести эпистемологический анализ понятия личностного знания, соответствующий установкам и основным принципам неклассической эпистемологии, особенности которой в сравнении с классической теорией познания выявлены в работах академика РАН В.А. Лекторского.

Процесс познания имеет множество аспектов, каждый из которых изучается теми или иными специалистами в области эпистемологии и философии науки. Все эти аспекты проявляются в личностном знании, объединяющем в себе разные стороны когнитивной деятельности субъекта и психической жизни человека в целом. Ценностный компонент знания, роль человека в познавательной деятельности рассматриваются членом-корреспондентом РАН Б.Г. Юдиным, Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко и др. Социальное происхождение и социальные функции знания обсуждаются в работах члена-корреспондента РАН И.Т. Касавина. В рамках социальной эпистемологии им исследуется взаимосвязь различных видов знания, значение обыденного опыта и социального контекста в познании. Существенный вклад в развитие эволюционно-эпистемологического подхода к человеческому знанию внес И.П. Меркулов. Этот подход развивается ныне Е.Н. Князевой, И.К. Лисеевым, И.А. Бесковой, И.А. Герасимовой, Н.М. Смирновой, Е.Н. Шульгой и др.

Предпосылки возникновения проблемы личностного знания в истории человеческой мысли выявляются в ходе историко-философского анализа данной проблемы. Для этой цели изучаются труды отечественных и зарубежных специалистов в области истории философии и истории мировой культуры. Основные принципы китайского мировоззрения выявляются на основе исследований А.И. Кобзева и В.В. Малявина. Важнейшие в плане диссертационного исследования работы по буддийской философии – это работы Ф.И. Щербатского, В.Г. Лысенко, В.И. Рудого и Е.П. Островской, А.К. Чаттерджи, С. Хэмилтон (S. Hamilton), А. Вэймана (A. Wayman), У.С.

Вэлдрона (W.S. Waldron). Особое внимание в диссертации уделяется феноменологическому направлению в истории западной мысли, как имеющему важное значение для осмысления проблемы личностного знания. Для анализа концепций основоположников данного направления используются работы Н.В. Мотрошиловой и Н.М. Смирновой. В наши дни феноменологический подход к человеческой субъективности и *Я* применяется в сочинениях западных философов Т. Метцингера и Д. Захави.

В качестве методологической основы в диссертации широко используется подход с точки зрения теории сложности, основные принципы которого развиваются в работах академика РАН В.С. Степина, члена-корреспондента РАН С.П. Курдюмова, Е.Н. Князевой, В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, К.Х. Делокарова, Л.П. Киященко, Я.И. Свирского, И.В. Мелик-Гайказян, И.В. Черниковой и др.

Генетический аспект личностного знания исследован в ходе рассмотрения генетической эпистемологии Ж. Пиаже, в которой анализируются когнитивные структуры и их формирование в онтогенезе. Появление предпосылок для возникновения личностного знания как особого вида знания в онто- и филогенезе стало предметом изучения в работах И.П. Меркулова.

При анализе проблемы самосознания особое внимание уделяется конструктивистскому подходу к *Я*. Данный подход развивается в сочинениях М. Бубера, П. Рикёра, Б. Дэвиса, Р. Харре и др. Анализ социального конструктивизма, или конструкционизма, проводится в работах Е.О. Труфановой. Исследование феномена самосознания основано не только на философских идеях, но и на данных когнитивных наук, приведенных в статьях Х.Л. Бермудеса. Эволюционно-эпистемологический подход к самосознанию применялся И.П. Меркуловым.

Проблеме творчества и научного открытия посвящены ставшие уже классическими работы ученых А. Пуанкаре, Ж. Адамара, Г. Селье. Современные когнитивные подходы к проблеме творчества развиваются В.П.

Зинченко, Е.Н. Князевой, И.А. Бесковой, Н.М. Смирновой, Е.Н. Шульгой, И.А. Герасимовой, Ю.С. Моркиной и др. В контексте научного познания творчество рассматривалось, в частности, Б.М. Кедровым, А.С. Майдановым и многими другими. Творчество в качестве измененного состояния сознания упоминается в основополагающем труде современного американского психолога Ч. Тарта «Измененные состояния сознания»⁹.

Объект исследования

Объектом исследования является личностное знание, в том числе в связи со становлением и развитием самосознания человека.

Предмет исследования

Предметом исследования является личностный аспект когнитивной деятельности.

Цель исследования

Основная цель исследования – провести эпистемологический анализ личностного знания.

Задачи исследования

1. Выявить историко-философские предпосылки формирования проблемы личностного знания, проанализировать идеи, выработанные в рамках восточной, западной и русской философии, которые сохраняют свою актуальность для решения данной проблемы в наши дни.
2. Провести анализ концепции личностного знания М. Полани, применяя современные перспективные подходы в эпистемологии. Показать роль ключевых идей этой концепции в решении проблем взаимосвязи сознания и тела в познании, соотношения субъективного и объективного в личностном знании, рутинного и творческого, логического и интуитивного и т.д.

⁹ Тарт Ч. Измененные состояния сознания. М., 2003.

3. Обосновать существование личностного знания как особого, самостоятельного вида знания. С этой целью вводится понятие личностного опыта, наделяющего личностное знание независимым статусом. Для решения данной задачи необходимо дать определение понятию личностного знания, раскрыть его эпистемологическое значение: показать соотношение личностного знания с другими видами знания, с объективным и субъективным знанием, выявить уровни и компоненты личностного знания.
4. Показать, как проявляется личностное знание в различных сферах деятельности человека: в науке, в искусстве, в философии, в сфере обыденного опыта и т.д. Такой анализ позволит выявить когнитивные особенности разных форм теоретического и практического освоения действительности.
5. На основе концепции генетической эпистемологии Ж. Пиаже проследить возникновение и развитие личностного знания в онтогенезе, в процессе становления и развития ребенка как личности.
6. Рассмотреть проблему самосознания в свете особенностей личностного знания:
 - а) исследовать роль личностного опыта и личностного знания в процессе самосознания, показать взаимосвязь личностного знания и самосознания.
 - б) исходя из представлений о неразрывной связи личностного знания и самосознания, раскрыть содержание понятия самосознания
 - в) в связи с проблемой самосознания исследовать проблему интроспекции;
 - г) выделить различные виды и уровни самосознания, в основе которых лежат разные аспекты личностного знания, и установить их взаимоотношение;
 - д) показать роль самосознания в познании субъектом окружающей действительности.

7. Исследовать роль личностного опыта и личностного знания в творчестве. Проследить, как проявляется личностное знание на разных этапах творческого процесса.

Теоретико-методологическая основа исследования

При исследовании концепции личностного знания применяются феноменологический, теоретико-системный, эволюционно-эпистемологический методы, а также конструктивистский подход. Феноменологический подход к личностному знанию позволяет рассматривать знание в структуре индивидуального опыта функционирования сознания субъекта. В качестве сопряженного с феноменологическим подходом выступает получивший широкое распространение в последние годы телесный подход к сознанию и опыту, в рамках которого телесность понимается как один из аспектов личностного знания. Системный подход сформировался на базе общей теории систем и получил развитие на основе современной теории сложных систем и нелинейной динамики. Он позволяет представить личностное знание как сложную и динамично развивающуюся систему знания, исследовать ее структурные уровни и компоненты, их взаимосвязь, а также принципы ее организации и развития. Конструктивистский подход сфокусирован на анализе активной, конструктивной роли познающей личности, не просто отражающей в своем сознании объективную действительность, но структурирующей знание исходя из собственного опыта и в соответствии с собственными познавательными принципами. Использование эволюционно-эпистемологического, генетического подхода направлено на изучение механизмов формирования и развития личностного знания в онто- и филогенезе человека.

С помощью историко-философского подхода проводится критический анализ учений мыслителей различных эпох, благодаря чему выявляются предпосылки возникновения проблемы личностного знания. При

исследовании различных проблем и концепций привлекается также метод сравнительного анализа.

Научная новизна исследования

Научная новизна заключается в следующем:

- в отличие от концепции М. Полани и ее традиционных трактовок, в диссертации личностное знание понимается в свете современных эпистемологических подходов более широко, в его сферу включается не только неявное, латентное, молчаливое, нерелексируемое, неартикулированное знание, но и знание рациональное, находящее выражение в языке;

- подобная трактовка понятия личностного знания позволяет не только показать значение скрытого, неартикулированного знания в научной деятельности, но и описать познание как целостный динамический процесс, регулируемый множеством факторов. Одними из основных проблем, возникающих при проведении эпистемологического анализа личностного знания, являются проблема взаимоотношения объективного и интерсубъективного в приобретаемом конкретным человеком знании и проблема взаимодействия различных видов и уровней знания в структуре личностного знания (индивидуального и универсального, субъективного и объективного, рационального и иррационального, логического и интуитивного и т.д.). Отдельно рассматривается вопрос, как, с одной стороны, через субъективное, личностное знание проявляется объективная логика развития научного знания и как, с другой стороны, в имеющих объективную ценность продуктах культуры сохраняется и воспроизводится личностное содержание, которое в них вложила сотворившая их личность;

- полученные в ходе этого исследования общие выводы о природе личностного знания использованы при решении таких вопросов эпистемологии, которые прежде не рассматривались в связи с проблемой личностного знания. Таковыми, например, являются вопрос о механизмах

формирования и развития когнитивных структур в фило- и онтогенезе человека и вопрос о когнитивной роли самосознания;

- для изучения данных проблем привлекается не только концепция Полани, но и разнообразные классические учения и современные философские и научные теории, позволяющие исследовать поставленные проблемы. С этой целью проводится анализ предпосылок возникновения и развития проблемы личностного знания в широком историко-философском контексте, в рамках как восточной, так и западной философии, а также и русской философии;

- новым является применение к личностному знанию современных эпистемологических подходов: телесного, ситуационного, динамического, конструктивистского и феноменологического. Использование названных подходов позволило рассмотреть понятие личностного знания и концепцию М. Полани в контексте актуальной эпистемологической проблематики. Исследована роль телесности как аспекта личностного знания и фактора познавательной активности, показано значение смыслового контекста в получении знания и раскрыт ситуативный характер личностного знания и личностного опыта, а также личностное знание представлено как продукт конструктивной познавательной деятельности субъекта. Кроме того, само личностное знание и его компоненты рассмотрены в их процессуальности и динамике.

Положения, выносимые на защиту

1. В диссертации обосновывается, что личностное знание представляет собой самостоятельный вид знания, в основе которого лежит непосредственно переживаемый субъектом личностный опыт.

2. Личностное знание является ситуативным и контекстуальным по своему характеру. Информация обрабатывается субъектом исходя из наличной системы личностного знания, которая формируется в результате взаимодействия в процессе становления личности множества факторов:

когнитивных, биологических, психологических, социокультурных и т.д. Как следствие, усваиваемые человеком общезначимые представления, встраиваясь в целостную систему личностного знания, окрашиваются субъективными переживаниями и смыслами, которые определяются их взаимосвязью с уже имеющимися у субъекта представлениями и компонентами опыта. Система личностного знания выступает основополагающим когнитивным контекстом, в котором разворачивается осуществляемая субъектом познавательная деятельность, и включает в себя другие контексты (природный, социальный, культурно-исторический и др.) в качестве собственных отдельных аспектов.

3. С ситуативностью личностного знания связан его динамический характер. Личностное знание следует представлять не как совокупность четких, жестких, неизменных и однозначных представлений, усвоенных субъектом, а как непрерывный процесс порождения и трансформации личностных смыслов. Включение в систему личностного знания нового знания приводит к возникновению новых структурных связей между существующими компонентами опыта, а значит, и к частичной, а иногда и более основательной или даже радикальной перестройке этой системы. Будучи сложной системой, личностное знание в то же время обладает динамической природой. Процессуальный и ситуативный характер личностного знания придает ему адаптивную ценность, позволяющую субъекту активно приспосабливаться к изменчивому окружающему миру и успешно усваивать и/или продуцировать новое знание.

4. Личностное знание является продуктом взаимодействия внерациональных, интуитивных способностей человека и его рациональных, аналитических, логических способностей. На основе анализа концепции генетической эпистемологии Ж. Пиаже показано, как формируются когнитивные способности на разных этапах становления ребенка как личности. Только гармоничное развитие разных когнитивных способностей позволяет говорить о возникновении полноценной личности и целостной

системы личностного знания. Основа личностного знания закладывается еще в дошкольном периоде и проявляется в спонтанном, интуитивном способе мышления ребенка, но получению объективного знания оно может способствовать только при развитии аналитических интеллектуальных способностей.

Исследование личностного знания в онтогенезе позволяет выявить эволюционно-эпистемологический аспект проблемы личностного знания, установить универсальные принципы формирования и развития системы личностного знания, показать роль и соотношение логических и интуитивных, аналитических и синтетических когнитивных способностей на разных этапах становления личности.

5. Личностное знание оказывается связующим звеном между субъективным и объективным аспектами знания. Личностное знание является проявлением неповторимой человеческой субъективности и в то же время выступает основой получения знания об объективном мире. Это отражает парадоксальный характер когнитивной деятельности субъекта, в которой субъективный и объективный аспекты представляют собой единство. Более того, субъективный опыт носит объективный характер, так как является частью объективного мира, встроен в существующую независимо от самого человека объективную реальность и выражает объективную логику разворачивания событий. В то же время объективное знание человека субъективно, так как дано в субъективном опыте самой личности, является продуктом познавательной активности субъекта и зависит от когнитивных установок субъекта.

6. Тезис о единстве субъективного и объективного аспектов знания как двух полюсов единого когнитивного процесса ложится в основу тезиса о единстве самосознания и познания субъектом объективного мира. В знание об объективной реальности субъектом привносится личностное содержание, и именно оно является основой осознания себя в мире в качестве неповторимой личности. Таким образом, самосознание не сводится лишь к

рефлексии, рациональному постижению своего Я, формированию Я-образа, но включает в себя также то неявное восприятие себя в качестве субъекта познания, которое сопровождает любой когнитивный акт.

7. Именно целостная система личностного знания, проявляющаяся в непосредственно данном феноменальном опыте конкретного человека, поддерживает идентичность Я, объединяет различные Я-образы и тем самым обеспечивает единство личности.

8. Личностное знание играет ключевую роль в творчестве. Момент творческого озарения сопровождается возникновением новой целостности в системе личностного знания, нового смыслового контекста, в котором устанавливается связь между разрозненными перцептивными и концептуальными компонентами опыта сознания. Исходя из подобного понимания творческой деятельности, можно сделать вывод о том, что она приводит не только к получению принципиально нового знания о реальности, но и к преобразованию личностного опыта человека, а следовательно, и самой личности. В творческом процессе в наибольшей степени проявляется подвижность и относительность границы между Я и миром: Я то полностью сливается с окружающей средой, то изолируется от внешней действительности, погружаясь в себя. Творчество, кроме того, наиболее ярко отражает парадоксальный характер личностного знания, где субъективность проглядывает через объективность знания: именно субъективный опыт творческой личности является основой получения нового культурно значимого объективного знания. Без объективных результатов творческая субъективная деятельность лишается своей значимости, а объективное знание непременно является продуктом субъективного опыта творческой личности. И чем более личностной, субъективной является позиция исследователя, тем более значимым, проникающим в глубины реальности может порой оказаться результат творчества.

Теоретическая значимость работы

Широкое понимание личностного знания, как включающего в себя не только неявное, «молчаливое» знание, но и рациональное, вербализованное, артикулированное знание, имеет большое эпистемологическое значение, так как позволяет поставить вопрос о взаимосвязи в системе личностного знания различных видов и уровней знания и описать осуществляемый конкретным субъектом процесс познания как целостный процесс, имеющий множество аспектов. Такой целостный, системный подход к личностному знанию позволяет исследовать актуальные проблемы эпистемологии, в первую очередь, проблемы объективности получаемого субъектом знания, интерсубъективности личностного знания и соотношения в его структуре субъективного и объективного аспектов. Кроме того, широкая трактовка понятия личностного знания дает возможность рассмотреть взаимодействие различных аспектов и уровней этого вида знания в таких когнитивных процессах, как самосознание, творчество и т.д. Следовательно, материалы диссертационного исследования могут использоваться не только при анализе самой концепции М. Полани, но и при решении некоторых проблем эпистемологии, философии науки, философии сознания, философии творчества, философских вопросов, поднимаемых в рамках когнитивных наук.

Практическая значимость работы

Анализ проблемы личностного знания в первую очередь может быть использован в тех разделах учебных курсов по философии науки и истории философии, которые посвящены концепции М. Полани. Кроме того, полученные результаты могут использоваться в курсах лекций по эпистемологии, при обсуждении многих актуальных проблем, так или иначе связанных с проблемой личностного знания. Принципы формирования и развития личностного знания в онто- и филогенезе могут стать предметом рассмотрения в курсах по эволюционной эпистемологии. Положения,

касающиеся структуры человеческого сознания и особенностей процесса самосознания, могут быть включены в спецкурс по философии сознания, а параграф, посвященный проблеме творчества, может стать разделом спецкурса по философии творчества.

Апробация результатов работы

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в публикациях автора, обсуждались на семинарах и заседаниях сектора эволюционной эпистемологии Института философии РАН, а также докладывались на конгрессах и конференциях: на Международном научном конгрессе «Глобалистика-2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства» (май 2009 года); на Международной научной конференции «Человек – объект и субъект глобальных процессов» (ноябрь 2009 года); на Международном молодежном научном форуме «ЛОМОНОСОВ-2011» (апрель 2011 года); на 5-ой Ежегодной научно-практической конференции «Философские проблемы биологии и медицины: Нормативное и дескриптивное» (октябрь 2011 года).

По теме диссертации было опубликовано 12 печатных работ, в том числе две из них в журналах, рекомендованных ВАК для публикации результатов кандидатских и докторских диссертаций.

Статьи в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Филипенко С.А. Личностное знание и личностный опыт в процессе самосознания // Философия и культура. 2012. № 11 (59). С. 109-119.
2. Филипенко С.А. Концепция личностного знания М. Полани в свете актуальных философских проблем: новые эпистемологические подходы // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2013. № 5 (133). С. 92-98.

Статьи и тезисы, опубликованные в других изданиях:

3. Филипенко С.А. Роль феномена самосознания в осмыслении специфики человеческого существования // Материалы докладов XVI

Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2009». М., 2009 (электронный ресурс).

4. Филипенко С.А. Когнитивные аспекты глобализации // Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика-2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства. Т.1. М. 2009. С. 144-146.

5. Филипенко С.А. Соотношение познавательных способностей в самопознании человека // Материалы V Российского философского конгресса «Наука. Философия. Общество» Т. 1. Новосибирск, 2009. С. 416-417.

6. Филипенко С.А. Личностный опыт в понимании человеческого бытия // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010». М., 2010 (электронный ресурс).

7. Филипенко С.А. Перестройка личностного опыта в процессе творчества // Творчество: эпистемологический анализ. М.: ИФ РАН, 2011. С. 113-123.

8. Филипенко С.А. Взаимодействие различных аспектов личностного опыта пациента в процессе самопознания и лечения // Философские проблемы биологии и медицины: Выпуск 5: Нормативное и дескриптивное: сборник статей. М., 2011. С. 127-129.

9. Филипенко С.А. Особенности самосознания человека в мире глобальных процессов // Материалы IV Международной научной конференции «Глобализация и проблемы мира: российский проект». СПб., 2011. С. 122-124.

10. Филипенко С.А. Концепция личностного знания М. Полани и ее значение для современной когнитивной науки // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы четвертой всероссийской

научно-практической конференции с международным участием (20-21 октября 2011 года). Иваново, 2011. С. 107-110.

11. Филипенко С.А. Личностный опыт в творческом процессе. Эпистемологический анализ // Эпистемология креативности. М., 2013. С. 272-288.

12. Филипенко С.А. Представления о личностном знании в концепции Ж. Пиаже // Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции. М., 2012. С. 137-151.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ГЛАВА I.
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНОГО
ЗНАНИЯ И САМОСОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА.

§ 1. Начала исследования проблемы личностного знания в восточной философии

Выявление историко-философских предпосылок становления и развития проблемы личностного знания и самосознания человека было бы неполным без обращения к многовековому наследию восточной философской мысли. Однако следует отметить, что для китайского и японского типов мировоззрения, в первую очередь, характерна ориентация на изучение внешних, социальных проявлений человеческого бытия, а не его внутреннего опыта, взятого в феноменальном плане. В китайской традиции идентичность каждой личности формируется через Другого, через уподобление окружающему миру. Человеческая телесность распространяется и сливается со всем миром, а конкретные действия оказываются предупреждением ожидаемой ситуации. Вместо представлений о самоидентичности и неизменности личности китайская традиция предлагает идею самоподобия, в соответствии с которой человек, в каждый момент времени уподобляясь самому себе, в то же время отличается от себя прежнего и становится иным.

Подобные мировоззренческие установки весьма интересны и актуальны для понимания феномена самосознания и осмысления проблемы идентичности. Как отмечает В.В. Малявин, такие антисубстанционалистские представления близки современной французской постмодернистской философии¹⁰. Кроме того, характерная для китайского мышления картина мира подчеркивает контекстуальный и динамический характер человеческой идентичности и индивидуального опыта, что имеет большое значение для понимания когнитивных процессов, происходящих в нашей психике. Не

¹⁰ *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М., 2001.

существуя отдельно от наличной ситуации, личность обязательно встраивает себя и свою телесность в окружающую реальность.

В данном параграфе основное внимание хотелось бы уделить буддийской философии. Такое решение обусловлено тем, что именно в раннем буддизме и его более поздних версиях была развита теория анализа непосредственного феноменального опыта человека. Психическая реальность была основным предметом рассмотрения и главным объектом преобразований последователей буддийского учения. Этим объясняется, почему данный обзор будет посвящен главным образом изучению идей этого направления восточной философии.

1.1. Становление проблемы в раннем буддизме

Как в подлинно религиозном учении, основная проблематика буддизма носит сотериологический характер, то есть высшей целью его последователей является освобождение от круговорота перерождений, сансары и достижение нирваны. Однако избавление от существования в эмпирическом мире невозможно без постижения собственного внутреннего опыта и осмысления тех механизмов, которые определяют функционирование нашего сознания в чувственной реальности. Лишь на основе понимания нашей психики можно осуществить ее коренную перестройку с помощью медитативных практик.

Важную роль при этом играют индивидуальные особенности человека, учет которых необходим для выработки конкретных действий по преобразованию собственного опыта и достижению нирваны. Будда подчеркивал важность познания всего в личном опыте, в том числе и нирваны, постижимой только на практике, а не в ходе рассуждений¹¹. Очевидно, что опыт каждого человека неповторим, и это отражается на индивидуальном познавательном процессе. Таким образом, Будда в своих

¹¹ Лысенко В.Г. Ранний буддизм: религия и философия. М., 2003. С. 174.

проповедях обязательно принимал во внимание личностные особенности каждого человека, с которым он разговаривал.

Подобная установка легла в основу принципа *упая каушалья* (в переводе с санскрита «искусные средства»), заключающемся «в том, чтобы, поняв характер конкретного человека и его проблем, облегчить его страдания с помощью изложения Дхармы, адаптированной к его уровню понимания... Поэтому его [Будды – С.Ф.] проповедь зависела от конкретной ситуации общения – от повода для нее, от заданной темы и от уровня духовного, умственного, эмоционального развития, характера, темперамента и убеждений его слушателей и собеседников»¹². Следовательно, даже понимание высшей истины носит контекстуальный характер, конкретное содержание слов Будды невозможно постичь без учета той ситуации, в которой они были произнесены. Каждый человек, исходя из своего уникального опыта, привносит собственные смыслы в Учение, тем самым встраивая его в свою систему личностного знания и в собственную жизненную практику.

Если абстрагироваться от сотериологического значения данного принципа, можно увидеть, насколько он важен для эпистемологии, для осмысления реального познавательного процесса. Будда и его последователи показали, что получение знания даже об абсолютной реальности в значительной степени зависит от того смыслового контекста, в котором оно происходит, от индивидуальных особенностей познающей личности и ее жизненных целей.

Помимо тезиса о большом значении личностного опыта в познании, актуальными для современных когнитивных наук и неклассической эпистемологии оказываются основополагающие метафизические концепции раннего буддизма: анатма-вада (санскр.), или анатта-вада (пали), пратитья-самутпада и теория дхарм. Доктрина анатма-вады, заключающаяся в отрицании существования у живых существ самотождественной и

¹² Лысенко В.Г. Упая каушалья // Индийская философия: энциклопедия. М., 2009. С. 823.

неизменной самости, Атмана, и отражающая антиэссенциалистский характер учения Будды, созвучна присущему современной, неклассической философии антисубстанциализму. При этом «на место атмана как статичного бытия, неспособного к изменению и развитию, а стало быть, и к моральной ответственности за проступки индивида, Будда поставил сам процесс изменения в виде континуума дискретных состояний (дхарм), чередование которых подчинено закону взаимозависимого происхождения [пратитья-самутпада – С.Ф.]»¹³.

Концепция взаимозависимого происхождения (пратитья-самутпада) является кондиционалистским вариантом концепции причинности. Согласно данной доктрине, между причиной и следствием нет отношения однозначного порождения одного другим, сущностной взаимосвязи, поскольку, как уже сказано, в буддизме вообще отрицается существование каких-либо сущностей. Скорее, можно говорить об условиях, сочетание которых делает возможным возникновение данного явления. Именно такое понимание причинно-следственных связей отражает суть кондиционалистской концепции причинности, в соответствии с которой любое взятое в отдельности явление действительности оказывается лишь необходимым, но не достаточным основанием для появления другого явления, выступая тем самым лишь одним из условий в ряду других.

Концепция пратитья-самутпады описывает взаимосвязь между дхармами, «атомарными событиями, составляющими опыт живых существ»¹⁴. Дхармы представляют собой возникающие и тут же исчезающие дискретные моменты нашего изменчивого внутреннего мира, образующие «истинную "фактуру" реальности, которая каждое мгновение уникальна и неповторима»¹⁵. Теория дхарм заслуживает особого внимания, потому что она указывает на динамический, целостный и контекстуальный характер нашего опыта. С помощью понятия дхарм психика описывается как

¹³ Лысенко В.Г. Указ. соч. С. 146.

¹⁴ Лысенко В.Г. Дхармы // Индийская философия: энциклопедия. С. 384.

¹⁵ Лысенко В.Г. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение текстов). М., 2011. С. 49.

объективный динамичный процесс, в основе которого лежит чередование дхарм. Целостность и ситуативность личностного опыта отражается в концепции взаимозависимого происхождения, согласно которой дхармы должны пониматься не как самодостаточные сущности, а как элементы причинных комплексов, являющиеся результатом взаимодействия различных условий. Набор условий, определяющий возникновение конкретной дхармы и являющийся продуктом всего субъективного опыта человека, выступает тем уникальным основополагающим когнитивным контекстом, в котором разворачивается психическая, в том числе познавательная жизнь индивида и в котором отдельные представления получают свое неповторимое содержание.

Каждый момент нашей психической жизни, каждое отдельное переживание оказываются не проявлением самотождественной, раз и навсегда заданной самости, не следствием некоей однозначно действующей причины, а продуктом взаимовлияния множества факторов, формирующих в совокупности неповторимый личностный опыт. Современные специалисты-буддологи Е.П. Островская и В.И. Рудой при анализе одного из фундаментальных классических трудов буддийской философии «Абхидхармакоши» показали, что его автор Васубандху использовал именно такой динамический, целостный подход и рассматривал отдельные когнитивные процессы не изолированно друг от друга, а в структуре сознания, «детерминирующего целостность индивидуальной психики»¹⁶. Благодаря этому различные аспекты человеческого сознания изучаются в единстве и взаимосвязи, как проявления целостной душевной жизни. Подобные представления о психике отражаются и в анализе познавательной деятельности, в результате чего ум, интеллект оказывается неотделимым от волевых, эмоциональных и моральных факторов.

Трактовка сознания как изменчивого потока дхарм, отражающая процессуальный и динамический характер личностного опыта, оказывается

¹⁶ *Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). М., 1998. Т. 1. С. 165.*

очень актуальной для современных когнитивных наук и эпистемологии, так как позволяет избежать субстанционального объяснения явлений действительности. У современных представителей философии сознания можно встретить взгляды, развиваемые в том же русле. Например, Т. Метцингер отрицает существование самости и отстаивает процессуальный и целостный характер нашего феноменального опыта: «В мире не существует никаких Я: никто никогда не был или не имел самость»¹⁷. Осознание иллюзорной природы нашего собственного Я и формирование понятия «бессамости» (selflessness) Т. Метцингер сравнивает с буддийским понятием нирваны¹⁸.

Таким образом, понимание личностного опыта как изменчивого потока дхарм является одним из способов решения проблемы идентичности человека при отрицании существования какого-либо субстанционального начала в человеке и в мире вообще. Согласно концепции анатма-вады и теории дхарм, идентичность личности обеспечивается не за счет некоей самотождественной сущности, а только путем постоянной смены отдельных событий психической жизни, связанных между собой отношениями взаимозависимого происхождения и формирующих в итоге непрерывный опыт как динамичное образование. Таким образом, источники стабильности личностного опыта и личностного знания при наличии изменчивости усматриваются в таком факторе, как чередование элементов опыта, связанных между собой отношениями взаимозависимого происхождения.

Стремление буддистов при помощи понятия дхарм описывать явления психической жизни как объективные процессы позволило снять резкое противопоставление между субъективной и объективной сторонами реальности, что имеет огромное значение для эпистемологии в целом и для осмысления феномена личностного знания в частности: «Речь идет не о противопоставлении "внутреннего" и "внешнего" как субъективного и

¹⁷ Metzinger T. Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity. Cambridge, Massachusetts, 2003. P. 1.

¹⁸ Metzinger T. Op. cit. P. 566.

объективного, а скорее, если можно так выразиться, о «субъективности» объективного и «объективности» субъективного. Ведь объектом является не просто предмет, а "видимое", "слышимое" и т.д., т. е. предмет "окрашенный" определенной чувственной способностью. Такой предмет и характеризуется "субъективно" - по органу его воспринимающему, сознание же, с другой стороны, описывается "объективно" - по его объекту. Наконец, единство "внутреннего" и "внешнего" в индивиде обеспечивается аналогичной "фактурой" - и то и другое состоит из дхарм»¹⁹. Как утверждает современный отечественный специалист по философии буддизма В.Г. Лысенко, буддистами исследуется не сама по себе психика и не объективная реальность, а система «психика-мир»²⁰, где одно не существует без другого. Система личностного знания, как целостное образование, оказывается именно такой системой «психика-мир».

Процессы, происходящие в объективной действительности, и субъективные когнитивные процессы на самом деле могут рассматриваться в качестве двух аспектов единого процесса, связанных между собой отношением взаимозависимого происхождения²¹. Признанием неразрывной связи «объективного» и «субъективного» в конкретном опыте объясняется особенность буддийской теории познания, заключающаяся в том, что анализ познавательных способностей (индрий: зрения, слуха и т.д.) обязательно предполагает учет соответствующих этим познавательным способностям объектов познания (видимого, слышимого и т.д.). Это можно продемонстрировать на примере фундаментального труда Васубандху «Абхидхармакоша»: проводя анализ когнитивных способностей человека, он рассматривает не только чувственные способности человека (так называемые индрии), но также и объекты познания, являющиеся равноправными источниками сознания (видимое, слышимое и т.д.)²². Шесть чувственных способностей вместе с шестью соответствующими объектами составляют

¹⁹ Лысенко В.Г. Указ. соч. С. 180-181.

²⁰ Там же. С. 179.

²¹ Hamilton S. Early Buddhism: A New Approach. Richmond: Curzon Press, 2000. P. 110.

²² Подобный анализ см., к примеру: Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 1.

двенадцать аятан («баз», или «опор», познания), выступающие факторами познавательной деятельности. Таким образом, механизм восприятия «имеет как "субъективный" (аятана органов чувств), так и "объективный" (аятана объекта) аспекты, и не требует допущения существования внешнего объекта»²³.

Предложенное буддистами решение проблемы соотношения «субъективного» и «объективного» в познании имеет исключительно важное значение для понимания феноменов личностного знания и личностного опыта. В современной эпистемологии считается общепризнанным, что граница между субъективным и объективным проводится весьма условно, в основном в познавательных целях. Характерное для классической философии жесткое противопоставление объективного и субъективного породило ряд проблем, которые оказались для нее трудно разрешимыми. Сегодня, в рамках неклассической эпистемологии, стала ясна невозможность этого противопоставления во многих случаях²⁴.

В эпистемологическом плане именно личностное знание выступает связующим звеном между объективным и субъективным знанием. С одной стороны, знание о любом объекте в системе внутреннего опыта имеет личностную окраску, определяемую участием чувственных и интеллектуальных способностей человека, и наделяется уникальными личностными смыслами. С другой стороны, субъективные представления человека о себе и внешнем мире так или иначе соотносятся с объектами окружающей реальности и в силу этого непременно содержат в себе компонент объективного знания. Кроме того, психическую жизнь индивида можно попытаться описать как объективный процесс, подчиняющийся некой всеобщей логике, подобно закону взаимозависимого происхождения.

Понимание «субъективного» и «объективного» как двух взаимосвязанных аспектов единого познавательного процесса также проливает свет на

²³ *Лысенко В.Г.* Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение текстов). С. 75.

²⁴ *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2006. С. 161.

проблему соотношения самосознания и познания объективного мира и порождает новую трактовку понятия самосознания. Поскольку реальная когнитивная деятельность представляет собой единство «субъективного» и «объективного», то следует соответственно признать единство самосознания, направленного на постижение «субъективной» стороны личностного опыта, и познания объективной реальности, неизменно сопутствующих друг другу во всяком познавательном акте. С одной стороны, изучение собственного внутреннего мира так или иначе предполагает учет его конкретного содержания, включающего в себя представления о конкретных объектах действительности. С другой стороны, знание объективной реальности непременно нагружено личностными, субъективными смыслами. Таким образом, указанные два вида познания можно понимать как два аспекта единого познавательного процесса, охватывающего всю систему личностного знания.

Представление о единстве субъективной и объективной сторон реальности объясняется тем, что, согласно буддийским мыслителям, познаваемый мир – это в первую очередь мир, данный в целостном и многогранном опыте отдельной личности²⁵ и являющийся продуктом непрекращающейся конструктивной деятельности нашего когнитивного аппарата: «Именно мы сами конструируем мир, каким мы его знаем, из множества непрерывно поступающих чувственных данных»²⁶. Следует уточнить, что конструктивная деятельность определяется структурами, сформированными в процессе бесчисленных жизней перерождающейся личности и постоянно обуславливающими наш опыт, данный в настоящем²⁷. Таким образом, в буддизме показана роль прошлого опыта и коренящихся в нем глубинных предпосылок когнитивной деятельности в каждом конкретном познавательном акте.

²⁵ *Hamilton S.* Op. cit. P. 93.

²⁶ *Ibidem.* P. 109.

²⁷ *Waldron W. S.* *The Buddhist Unconscious: The ālaya-vijñāna in the Context of Indian Buddhist Thought.* L. and N.Y., 2003. P. 44.

Итак, краткий обзор философии раннего буддизма показал, что ключевые идеи данной традиции оказываются весьма плодотворными для решения проблем неклассической эпистемологии, возникающих при анализе понятий личностного знания, личностного опыта и самосознания. Во-первых, личностный аспект познавательной деятельности раскрывается благодаря признанию значимости индивидуальных особенностей человека и его личных усилий при постижении реальности и перестройке собственного опыта. Кроме того, особую актуальность приобретает в современной эпистемологии антисубстанционалистская направленность буддийской мысли, выражающаяся в отрицании каких-либо самотождественных, неизменных сущностей и в обосновании динамической природы личностного опыта. Помимо этого, особое значение приобретают конструктивистские идеи в понимании работы нашего когнитивного аппарата и холистический подход к личностному опыту, отстаивающий единство психических способностей человека, а также субъективной и объективной сторон внутреннего мира индивида.

1.2. Развитие проблемы личностного знания в йогачаре

Ориентация буддийских мыслителей на постижение внутреннего опыта человека и рассмотрение мира именно как объекта этого опыта достигла апогея в школе йогачара, или виджнянавада. Многие современные специалисты называют йогачару древнеиндийским вариантом феноменологии или гносеологического идеализма, чем объясняется ее важность для исследования личностного знания в структуре феноменального опыта. Последователи йогачары занимались не столько вопросами онтологии и устройства мира, сколько эпистемологическими проблемами, связанными с исследованием внутреннего опыта субъекта и осуществляемой им познавательной деятельности.

Виджнянавадины пытались устранить возникающую в других буддийских школах трудность в объяснении идентичности опыта, обусловленную отрицанием единой сущности, при помощи понятия алая-виджняна

(«сокровищница сознания»), которым обозначался глубинный и основополагающий уровень сознания. При этом алая-виджняна понималась не как самость, а как «динамичный континуум дискретных состояний»²⁸, что отражает процессуальный характер нашего опыта.

Алая-виджняна потенциально содержит в себе все, что мы переживаем в опыте. В сознании-сокровищнице в «свернутом» виде хранятся представления об объектах, которые в соответствии с законом кармического воздаяния способны в определенный момент объективироваться на феноменальном уровне²⁹. Если отвлечься от метафизического учения о действии закона кармы, то можно признать важность для современной эпистемологии идеи о неких когнитивных предпосылках, выступающих продуктом индивидуального развития, присутствующих в нашем бессознательном опыте и некоторым образом проявляющихся в конкретной ситуации. Отталкиваясь от данных теоретических положений, можно представить динамику личностного опыта как постоянную реализацию познавательных предпосылок в новых ситуациях, неизбежно их преобразующих.

Понятие алая-виджняны расширяет представления о познавательных способностях человека и указывает на роль подсознательной сферы психики в познавательном процессе, содержащей предпосылки нашей когнитивной деятельности. Рассмотрение ментальных образов в качестве результатов созревания неких семян (биджа), хранящихся в алая-виджняне, или мысленных отпечатков наших предшествующих действий и намерений, подчеркивают важность неповторимого прошлого опыта личности в любом совершаемом ею когнитивном акте и придают познавательной активности человека этический характер. Кроме того, благодаря данной концепции философии виджнянавады источник творческих способностей человека можно усмотреть в глубинных слоях психики, в потенциальном виде

²⁸ Лысенко В.Г. Ранний буддизм: религия и философия. С. 217.

²⁹ Там же. С. 216-217.

содержащих основополагающие личностные смыслы, проявляющиеся в творческом акте.

В йогачаре также получает развитие конструктивистский подход к мыслительной деятельности. В процессе восприятия мы обязательно применяем к изучаемому объекту определенные ментальные конструкции (кальпана), поэтому в любое знание мы привносим собственное, личностное содержание, являющееся результатом нашей когнитивной активности. В соответствии с учением Васубандху-йогачарина, «в познании мы имеем дело лишь с ментальными отпечатками (васана), которые категоризируют все наше познание в терминах определенных схем (ср. современное понятие когнитивной карты)»³⁰. Речь не идет о том, что вне сознания не существует реальности. Обращаясь к классическим текстам йогачары, современный буддолог А.Вайман предостерегает против распространенной в литературе точки зрения, согласно которой Васубандху отрицает внешний мир³¹.

Необязательно отрицать существование объективной реальности, чтобы согласиться с тем, что знание субъекта непременно проникнуто личностным содержанием и включено в психический опыт человека. Предметы окружающей действительности недоступны субъекту сами по себе, вне сформированных им концептуальных схем. При этом конструктивный и динамичный характер присущ не только познанию внешних объектов действительности, но и самосознанию, познанию своего *Я*. *Я* как нечто единое, Эго, является мысленной конструкцией, позволяющей обобщить изменчивый поток алаи-виджняны и благодаря этому познать его как нечто устойчивое: «В йогачаре это конструкция, приписываемая постоянно изменяющимся состояниям моментов алаи... Эго маскируется под нечто постоянное и стабильное, тогда как на самом деле алая – это непрерывные изменения. Оно нереально, поскольку создает иллюзию постоянства

³⁰ Лысенко В.Г. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение текстов). С. 77.

³¹ Wayman A. A Defense of Yogācāra Buddhism // Philosophy East and West. Honolulu. 1996. Vol. 46. P. 447-476.

изменяющегося потока»³². Появление *Я*, объединяющего в себе и структурирующего неисчерпаемое содержание алаи-виджняны, обеспечивает познание объективной действительности, выступая в качестве предпосылки и неотъемлемого компонента любого познавательного акта, который, в свою очередь, заключается в синтезе и упорядочивании разрозненных моментов опыта и непременно основывается на субъект-объектной дихотомии.

В то же время в учении поздних буддистов самосознание не сводится только к формированию своего *Я* как неизменной конструкции, но и имеет содержательный аспект. Как утверждал буддийский философ и логик школы йогачары Дхармакирти в своем труде «Учебник логики» (или «Капля логики»), что «всякое восприятие (или ощущение) сопровождается непременно каким-либо чувствованием»³³ (удовольствия или неудовольствия, являющимися особыми субъективными состояниями интеллекта). Эти субъективные ощущения не тождественны представлениям о самих объектах. Поскольку они не относятся непосредственно к самому объекту, к его чувственной форме, а являются лишь сопутствующим компонентом знания, именно в них в чистом виде проявляется само познание и обнаруживает себя личность как познающий субъект. Таким образом, можно сказать, что эти субъективные психические состояния, присутствующие в каждом познавательном акте в качестве фона когнитивной деятельности, являются основой самосознания. Как следствие, «всякое сознание и всякое психическое явление самосознающи»³⁴.

И в самом деле, любое представление о внешнем объекте, находясь в контексте неповторимого личностного опыта, сопровождается определенным психическим состоянием самого субъекта, его переживаниями, какими-то образами и мыслями, возникающими у данного человека по поводу познаваемых явлений. Всякий объект действительности воспринимается

³² Чаттерджи А.К. Идеализм йогачары. М., 2004. С. 109.

³³ Щербатской Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 2. СПб., 1995. С. 199. О самосознании см.: Там же. С. 199-204.

³⁴ Цитата по: Щербатской Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1. СПб., 1995. С. 105.

каждым из нас на фоне субъективных когнитивных установок, переживаний, которые составляют неповторимый опыт личности и определяют уникальное видение ею конкретной ситуации и мира в целом. Именно эти субъективные психические состояния и являются основой самосознания и проявления личностного начала познающего субъекта. Таким образом, самосознание приобретает содержательный характер и оказывается неразрывно связанным с познанием окружающей действительности. Следовательно, в йогачаре сохраняется сформировавшееся еще в рамках раннего буддизма представление о единстве объективного и субъективного аспектов знания, а также познания объективной действительности и самосознания. Кроме того, указание на то, что всякое восприятие сопровождается чувством удовольствия или неудовольствия, подчеркивает роль эмоциональной сферы в когнитивной деятельности в целом и в самосознании в частности.

Идея самодостовренности сознания, уподобляемого Дхармакирти свету лампы, который освещает сам себя, указывает на непосредственный характер сознания. Однако сознание в своей непосредственной доступности самому субъекту не может существовать без конкретного содержания, относящегося как к внешним объектам, так и к субъективным состояниям познающей личности. Это содержание нашего сознания, объединяющее в себе неразрывно связанные друг с другом объективную и субъективную стороны опыта, и составляет основу личностного знания.

Пожалуй, ни одна из буддийских теорий сознания не зависела в такой степени от медитативной практики, как теория сознания йогачары (недаром название данной школы производно от слова «йога»). Этим объясняется, насколько большое значение, по мнению сторонников виджнянавады, имеют индивидуальный опыт и личные усилия в осмыслении сознания и способов его преобразования, а следовательно, теоретические положения данного учения вытекают из непосредственного опыта переживаний его последователей. С точки зрения французского буддолога Г. Бюго, «именно в опоре на индивидуальный медитативный опыт заключено основное отличие

индийских форм идеализма от европейских, где идеалистическая теория не является объектом верификации со стороны индивидуального человеческого сознания»³⁵.

Таким образом, в концепции виджнянавады получают развитие многие значимые идеи философии раннего буддизма. В йогачаре подчеркивается динамический и конструктивный характер нашего опыта и наших представлений о мире, утверждается активная позиция субъекта в когнитивном процессе. Кроме того, в данной школе определена роль индивидуальной медитативной практики и личных усилий в постижении реального положения вещей, а также показано значение потенциального, неосознаваемого знания в познавательной деятельности и в проявлении личностного начала. С помощью понятия алая-виджняна йогачары попытались найти основу идентичности человека и единства его личностного опыта, не прибегая при этом к субстанциалистским версиям решения данной проблемы.

§ 2. Предпосылки формирования проблемы личностного знания в классической западной философии

Понятие личностного знания было введено только в XX веке философом науки М. Полани, однако проблема самосознания и роли субъекта в познании стояла перед мыслителями на всем протяжении существования философии, начиная с Античности.

Что касается философии досократиков, она в первую очередь была ориентирована на постижение окружающей природы и на поиски первоначала бытия. Переориентация древнегреческой философии на изучение человеческой природы, самого процесса получения истинного знания и условий добродетельного и счастливого существования традиционно связывается с именем Сократа. Одним из основополагающих принципов его философской деятельности стал девиз «Познай самого себя!»,

³⁵ Лысенко В.Г. Йогачара // Индийская философия: энциклопедия. С. 421.

начертанный на храме Аполлона в Дельфах и приписываемый одному из семи мудрецов. Данное высказывание отражает установку античных мыслителей на самопознание как важнейшее условие постижения мира и самого себя. Применявшаяся Сократом майевтика (букв. «родовспоможение»), выражающая суть его диалектического метода, раскрывает личностный характер познавательной активности каждого человека. Философ не давал своим собеседникам готового знания, а помогал им пройти индивидуальный путь от имеющихся мнений о явлениях действительности к истине, побуждая их осознать свои заблуждения в представлениях о мире. Сократ тем самым показал, что знание является продуктом личных поисков каждого человека и добывается в процессе совместных размышлений и в живом опыте общения. Однако, хотя отыскание истины – это личностный путь, результатом должно оказаться надличностное, объективное знание, соответствующее действительности. Сократ был нацелен на получение общих понятий, интерсубъективного, истинного знания. Таким образом, в той модели познавательной деятельности, которую задал античный мыслитель, личностное и субъективное снимаются в результате, являясь в то же время основой его получения.

Кроме того, согласно Сократу, постижение своего внутреннего мира и окружающей реальности осуществляется благодаря разумной, сознательной деятельности субъекта, а это указывает на рационалистический характер учения древнегреческого мыслителя. Более того, идентичность мыслящей личности поддерживается именно за счет разума и даже моральное поведение основано в первую очередь на познании, что приводит к отождествлению знания и добродетели.

В отличие от Сократа, стремившегося к отысканию объективной и универсальной истины и осознававшего ограниченность человеческого знания, его современники, софисты, делали акцент на относительный и субъективный характер истины. Понимание значимости субъективного

фактора в познавательной деятельности нашло отражение в знаменитой фразе Протагора «Человек есть мера всем вещам – существованию существующих и несуществованию несуществующих»³⁶ (фр. В 1 DK). Последовательный релятивизм вынудил софистов признать, что знание определяется, в конечном счете, индивидуальным опытом познающей личности и является разным у различных людей: «...какой мне кажется каждая вещь, такова она для меня и есть, а какой тебе, такова же она в свою очередь для тебя»³⁷ (Теэтет, 152а). Переоценив роль субъекта, софисты не раскрыли взаимосвязи субъективного и объективного аспектов в когнитивном процессе, проигнорировав объективный и общезначимый характер получаемого знания.

Уравнивающий всех людей в обладании истиной релятивизм Протагора был подвергнут резкой критике Платоном в диалоге «Теэтет». Этот философ выявляет внутренние противоречия в позиции Протагора, в соответствии с которой субъекту приходится признавать истинным мнение любого человека по некоторому вопросу, даже если оно расходится с его собственными представлениями. Сам же Платон в трактовке знания придерживается знаменитой теории идей. Основа нашего знания закладывается еще до рождения, в мире идей. В «Федре» философ показывает, что истинное знание приобретается вследствие припоминания (анамнезиса) того подлинного бытия, которое созерцала вместе с богами наша душа до воплощения в теле. Более того, социальная роль, которую человеку суждено играть в обществе и которая определяет его конкретный опыт в земной жизни, в значительной степени зависит от того, что успела увидеть душа в «занебесной» области³⁸.

Таким образом, подлинное знание, по Платону, выходит за рамки уникального эмпирического опыта субъекта. Истина коренится в бессмертной душе человека, еще до его рождения приобщившейся к сфере объективных и сверхчувственных идей. Любые конкретные проявления

³⁶ Диоген Лаэртский. Жизнь, учения и изречения знаменитых философов. М., 1995. С. 381.

³⁷ Платон. Теэтет // Собрание сочинений: В 4 томах. Т.2. М., 1993. С. 203.

³⁸ Платон. Федр // Указ. соч. С. 155-159.

чувственного мира лишь привносят искажения в содержание идей, лежащих в основе знания общего и неизменного. Тело человека, наряду с другими явлениями эмпирической реальности, не способствует, а препятствует постижению истины, уводя человека от идеального мира: «...она [душа] вынуждена рассматривать и постигать сущее не сама по себе, но через тело, словно бы через решетки тюрьмы, и погрязает в глубочайшем невежестве»³⁹ (Федон; 82e).

В учении об истинном познании как анамнезисе и «умном созерцании» идей человеческое знание оказывается не столько продуктом активности автономной личности, действующей исходя из своего неповторимого жизненного опыта, сколько результатом приобщения ее души к божественной реальности. Здесь уместно вспомнить диалог Платона «Ион», где Сократ говорит о значении божественного вмешательства в творчество поэтов: «...не человеческие эти прекрасные творения и не людям они принадлежат; они - божественны и принадлежат богам, поэты же - не что иное, как толкователи воли богов, одержимые каждый тем богом, который им владеет» (Ион, 534e)⁴⁰. Вывод о несамостоятельности творческой личности и подчиненности ее высшим силам можно распространить и на сферу научного познания, учитывая близость науки и творчества поэтического в учении Платона⁴¹.

Характерная как для учения Платона, так и для всей древнегреческой философии ориентация на постижение сферы общего знания и неизменных сущностей нашла отражение и в поздней античности, в творчестве неоплатоников. Рассматривая самопознание как богоугодное занятие, Плотин приходит к выводу о первичности всеобщей души по отношению к конкретным человеческим душам, являющимся ее частными проявлениями⁴². Индивидуальные души существуют в той мере, в какой принадлежат

³⁹ Платон. Федон // Указ. соч. С. 39.

⁴⁰ Платон. Ион // Собрание сочинений: В 4 т. Т.1. М., 1990. С. 377.

⁴¹ Катасонов В.Н. Форма и формула (античная и картезианская геометрия) // Исторические типы рациональности. Т. 2. М., 1996. С. 60.

⁴² Плотин. Четвертая эннеада. СПб., 2004.

Мировой душе как единой субстанции и подчиняются универсальным законам высшей реальности. Приоритет общего над частным лишает неповторимые человеческие души и порождаемый ими личностный опыт собственной онтологической и эпистемологической ценности. Источником познавательной деятельности являются не отдельные индивидуумы, а Всеобщая Душа⁴³. Как полагал Плотин, личность достигает подлинного самосознания лишь в результате слияния с Единым, вследствие чего она постигает реальность в ее целостности.

При таком понимании устройства мира понятие личностного знания теряет всякий смысл, ибо любой познавательный акт оказывается проявлением единого субстанциального начала, действующего исходя из универсальных принципов бытия. Использование понятия личностного знания, однако, основано на идее существования уникального опыта личности как особой реальности. Хотя индивидуальное знание и является средством приобщения к объективному и общезначимому знанию, оно, тем не менее, обладает собственной ценностью и независимостью.

Проблема онтологического статуса личностной души и соотношения индивидуальной и универсальной форм проявления разума стала предметом обсуждения уже в рамках схоластики, вызвав спор между Фомой Аквинским и аверроистами. В своей философии Фома основывается на идеях Аристотеля, в частности, на концепции гилеморфизма, согласно которой любая вещь представляет собой нераздельное единство материи и формы. При этом, согласно древнегреческому мыслителю, форма определяет сущность вещи. Что касается живого организма, по мнению Аристотеля, его формой, или сущностью, выступает душа: «...душа необходимо есть сущность в смысле формы естественного тела, обладающего в возможности жизнью»⁴⁴. Развивая эти идеи античного философа, Фома Аквинский приходит к выводу, что, поскольку сущность человека заключается в

⁴³ Там же.

⁴⁴ Аристотель. О душе // Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1975. С. 394.

мышлении, осуществляемом посредством разума, который, в свою очередь, может рассматриваться в качестве способности души, то именно разум оказывается формой каждого из нас, соединяющейся с телом как материей. Как следствие, разум и основанные на нем познавательные способности неотделимы от являющегося их носителем конкретного субъекта, как неотделима в учении Аристотеля форма от самой вещи и материи. Подобные представления о человеке позволили Фоме Аквинскому выступить против аверроистов, по мнению которых начало мышления заключается в так называемом «возможностном разуме», являющемся отдельной субстанцией и соединяющемся с данным субъектом посредством фантазмов, имеющих в каждом индивидуе. Следовательно, по мнению аверроистов, мыслит не сам человек, а некий безличный разум⁴⁵.

Разгоревшийся в XIII веке спор между Фомой Аквинским и аверроистами выявляет важную эпистемологическую проблему, связанную с обоснованием личностного знания как особого вида знания, являющегося продуктом неповторимого опыта человека. Фома Аквинский показал невозможность рассматривать познавательные способности и осуществляемую на их основе когнитивную деятельность независимо от того уникального субъекта, который этими способностями обладает. Таким образом, позиция Фомы, в отличие от взглядов аверроистов, придает познавательному процессу личностный характер, поскольку мыслит всегда «этот вот» конкретный человек. Кроме того, благодаря идее психофизического единства познающий субъект предстает в своей целостности, как соединение материи, то есть тела, и формы, оказывающейся разумом, сознанием, то есть в духе Аристотеля.

Чтобы на частном примере понять истинное значение уникального личностного опыта и индивидуальной души в постижении подлинной реальности, следовало бы вернуться в эпоху раннего христианства и обратиться к творчеству Аврелия Августина. В своей «Исповеди»⁴⁶ он дает

⁴⁵ *Фома Аквинский. О единстве разума против аверроистов // Сочинения. М., 2002. С. 56-79.*

⁴⁶ *Августин А. Исповедь. М., 1991.*

пример глубокого самопознания, раскрывает перед читателями и самим Богом свой неповторимый внутренний мир и прослеживает собственную духовную эволюцию и пройденный им путь к высшей истине. Христианским мыслителем в данном сочинении показано, что любые представления, в том числе претендующее на объективность и всеобщность, в конечном счете являются продуктом длительных нравственных исканий и их значение невозможно оценить вне контекста многолетнего опыта самой личности. Более того, именно внутренний мир человека является источником подлинного знания, а самопознание оказывается главным способом постижения божественной Истины: «Не стремись к внешнему, возвратись в себя самого: истина обитает во внутреннем человеке... Стремись туда, откуда возгорается самый свет разума»⁴⁷ (Об истинной религии, 39, 72). Таким образом, знание приобретает неустранимую личностную окраску, в немалой степени определяющую его содержание и смысл, а познание объективного мира неразрывно связано с самопознанием. Как отмечает современный отечественный исследователь В.М. Розин, «...изучение реальности в трудах Августина все время перетекает в изучение себя (души) и наоборот»⁴⁸.

«Исповедь» Августина на многие века стала в Европе образцом детального самоанализа, выявляющего глубинные мотивы человеческого поведения и демонстрирующего сложный и противоречивый характер процесса приобщения к Истине. Впервые применив метод самонаблюдения, этот христианский мыслитель с полным правом может считаться родоначальником интроспективной психологии, получившей впоследствии научный статус: «Ведь анализируя, и очень основательно, состояния и метаморфозы собственной души, внимательно изучая многосложную ее структуру и очень непростые и неявные механизмы ее деятельности, Августин не столько желает изобразить себя самого в тот или иной момент

⁴⁷ Цит. по: *Августин А. Исповедь*. М., 1991. С. 33-34.

⁴⁸ *Розин В.М. Мышление и творчество*. М., 2006. С. 83.

жизни, сколько стремится по результатам интроспекции построить общезначимую этико-психологическую теорию; заглядывая в темные закоулки своей души, он хочет заглянуть в глубины общечеловеческой природы. При этом для концептуальных обобщений ему служит почти каждый факт его личного психологического опыта»⁴⁹. Насколько объективными ни были бы полученные им выводы, ориентация на постижение своего внутреннего мира представляется новаторской и сохраняющей свою значимость в рамках научной психологии и современной философии, в том числе для современных трендов развития эпистемологии.

В результате самонаблюдения Августин заметил, что, сомневаясь в чем-либо, невозможно усомниться в реальности самого сомневающегося субъекта и присущих ему психических состояний: «Ибо, даже если он сомневается, он живет; если он сомневается, он помнит, почему он сомневается; если он сомневается, он понимает, что он сомневается; если он сомневается, он желает быть уверенным; если он сомневается, он мыслит; если он сомневается, он знает, что он не знает; если он сомневается, он судит, что не должен необдуманно соглашаться. Следовательно, всякому, кто сомневается в чем-либо, не следует сомневаться во всем том, при отсутствии чего он не мог бы в чем-либо сомневаться»⁵⁰. Представление о несомненности самого сомнения и того, кто сомневается, легло в основу метода радикального сомнения Р. Декарта, направленного на поиск достоверного и безусловного начала познавательной деятельности. С помощью знаменитой фразы «Мыслю, следовательно, существую» (*Cogito ergo sum*) философ показывает, что в непосредственно данном и совершенно очевидном акте самосознания человек удостоверяется в собственном существовании в качестве мыслящей субстанции, что становится отправной точкой в обосновании реальности иных явлений действительности.

⁴⁹ Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. Опыт теоретические и исторические. М., 2004. С. 262.

⁵⁰ Августин А. О Троице: в пятнадцати книгах против ариан. Краснодар, 2004. С. 234-235.

Декарт является родоначальником новоевропейской традиции в объяснении феноменов сознания и познания, в соответствии с которой в результате рефлексии содержание сознания субъекта становится для него абсолютно прозрачным и обладающим большей достоверностью, чем знание материального мира. Подобная позиция вызвала гносеологический поворот к исследованию субъекта и его когнитивных способностей. В основу философии Нового времени, как пишет П.П. Гайденко, «Декарт положил не просто принцип мышления как объективного процесса, каким был античный Логос, а именно *субъективно переживаемый и сознаваемый* процесс мышления, такой, от которого невозможно отделить мыслящего...»⁵¹. Таким образом, Декарт показал значимость самого субъекта, являющегося источником познавательной активности и с помощью собственного разума дающего обоснование получаемому знанию.

Понимание рефлексии как основы познания вызывает серьезные эпистемологические проблемы, осознанные в полной мере в рамках неклассической теории познания. Как уже говорилось, в представлениях французского философа данные сознания абсолютно прозрачны для познающего их разума, благодаря чему они обладают наибольшей достоверностью. Однако это утверждение вызывает определенные сомнения. Получивший развитие в конце XIX века метод интроспекции помог выявить проблемы, связанные с самонаблюдением: в процессе рефлексии возникает совершенно новая познавательная ситуация, когда предшествующий опыт, выступавший фоном когнитивной деятельности, сам становится объектом познания, что ведет к неизбежной трансформации этого опыта. Следовательно, *Я*, включенное в процесс познания, интроспекции, изменяет само течение этого процесса. При этом содержание сознания оказывается опосредованным когнитивными установками познающего субъекта, как и в случае с познанием внешней реальности. В представлениях современных мыслителей данные сознания утрачивают свой непосредственный и

⁵¹ Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.-СПб., 2012. С. 116-117.

самоочевидный характер, вследствие чего они больше не могут рассматриваться в качестве надежной основы познавательной деятельности.

Ко всему сказанному следует добавить, что *Я* человека, с полной достоверностью обнаруживаемое в непосредственном акте самосознания в качестве мыслящей субстанции и субъекта познавательной деятельности, рассматривается без учета того конкретного содержания, которое определяет неповторимый опыт личности. Декарт заложил традицию трансцендентализма в европейской философии, направленную на поиск неких всеобщих когнитивных принципов, определяющих познавательную деятельность и не зависящих от частных, эмпирических проявлений личности. Отождествляя субъекта с постигающей саму себя в процессе рефлексии мыслящей субстанцией, философ ограничил внутренний мир человека сферой мышления и сознания, отрицая наличие у души бессознательных состояний: «Я есмь, я существую — это очевидно. Но сколь долго я существую? Столько, сколько я мыслю. Весьма возможно, если у меня прекратится всякая мысль, я сию же минуту полностью уйду в небытие. Итак, я допускаю лишь то, что по необходимости истинно. А именно, я лишь мыслящая вещь, иначе говоря, я — ум (*mens*), дух (*animus*), интеллект, разум (*ratio*)...»⁵². Современный отечественный исследователь А.Н. Павленко подчеркивает, что «сводя все богатство душевной жизни человека к субстанции мыслящей, Декарт, намеренно или ненамеренно, запустил механизм обезчеловечивания самого человека, изъяв из полноценного человеческого существования значительную часть его жизни (существования именно как человека) в пренатальный период, в бессознательный период (сна, состояния комы) и т.д.»⁵³. Приняв такую позицию, французский философ не учел роль неявных, ускользающих от рефлексии предпосылок когнитивной деятельности субъекта. Даже такая, казалось бы, внерациональная способность, как интуиция у Декарта оказывается

⁵² Декарт Р. Размышления о первой философии // Собрание сочинений: В 2 томах. Т. 2. М., 1994. С. 23.

⁵³ Павленко А.Н. Рационализм // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 42.

интеллектуальной, коренящейся в самом разуме: «Под интуицией я подразумеваю не зыбкое свидетельство чувств и не обманчивое суждение неправильно слагающего воображения, а понимание (*conceptum*) ясного и внимательного ума, настолько легкое и отчетливое, что не остается совершенно никакого сомнения относительно того, что мы разумеем...»⁵⁴.

Таким образом, с одной стороны, заслуга Декарта заключается в том, что он обратился к рассмотрению самого субъекта, благодаря естественному свету разума удостоверяющего любое знание о мире. Однако сведение всего познания в целом и самосознания в частности к постигаемой в рефлексии деятельности разума не позволило принять во внимание многогранный и неисчерпаемый личностный опыт во всем богатстве его проявлений в качестве основы знания. Сознание на самом деле не обладает полной автономией, поскольку гарантом объективной истины, ясного и отчетливого знания является, в конечном счете, не сам субъект, а всемогущий Бог, наделяющий человека естественным светом разума: «Всемогущество Бога и его субъективный коррелят, - делает вывод Гайденко, - принцип очевидности - вот что является у Декарта залогом объективной значимости человеческого мышления, противоядием против психологизма. Все смутные идеи суть продукты моей субъективности, а потому ложны; напротив, все ясные выражают не мое состояние, а нечто большее, чем я сам, а потому могут быть взяты "в объективном смысле"»⁵⁵.

Против представления о непосредственности *Я* как наиболее простой и неизменной идеи выступил британский философ-эмпирик XVIII века Д. Юм. В «Трактате о человеческой природе» представляя опыт как совокупность ощущений, называемых им перцепциями и подразделяемых на впечатления и идеи, философ утверждает, что человеку не может быть дано единичное впечатление, которое соответствовало бы понятию *Я* или личности. Отрицая существование *Я* как некоей данности, Юм предлагает рассматривать его как

⁵⁴ Декарт Р. Правила для руководства ума // Собрание сочинений: В 2 томах. Т. 1. М., 1989. С. 84.

⁵⁵ Гайденко П.П. Указ. соч. С. 118.

«связку или пучок (bundle or collection) различных восприятий, следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном течении, в постоянном движении»⁵⁶.

Таким образом, Юм отстаивает антисубстанциалистский и конструктивистский взгляд на проблему *Я* и показывает, что образ самого себя не сводится к получаемой путем рефлексии идее своего *Я*, а основывается на многообразии постоянно сменяющихся друг друга впечатлений, образующих неисчерпаемый личностный опыт. Наши непосредственные переживания, следовательно, первичны по отношению к завершённому образу своего *Я*. Так как, согласно британскому философу, отдельные впечатления постоянно сменяют друг друга, представление о неизменном *Я* не отражает динамичный характер нашего опыта. В действительности существуют только изменчивые перцепции, которые и составляют основу нашей личности.

Подобное понимание *Я* и опыта является одним из способов решения проблемы идентичности личности. Юм утверждает, что на самом деле нет никакого *Я* как реальной сущности, а представление о нем оказывается лишь продуктом человеческого разума, конструирующего его путем отождествления и связывания вместе по законам ассоциации разрозненных идей и впечатлений. В основе идентичности личности оказывается непрерывный поток конкретных перцепций, сам процесс постоянной смены этих отдельных ощущений, непосредственно данных нашему сознанию.

Подобные идеи получают свое развитие в концепциях неклассической философии, отвергающих субстанциалистские способы объяснения явлений действительности и делающих акцент на изменчивой природе человеческого сознания и *Я*, а также на конструктивной роли субъекта в познании. Однако более актуальным представляется не сенсуализм Юма, а системный подход к личностному опыту и сознанию, утверждающий приоритет целостного опыта по отношению к его отдельным элементам. Британский философ

⁵⁶ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения: В 2 томах. Т. 1. М., 1965. С. 367.

рассматривает перцепции в качестве самостоятельных единиц опыта, в то время как выделение конкретных ощущений, пожалуй, носит условный характер и осуществляется лишь применительно к прошлым переживаниям человека. Юм считает представление о непрерывном и независимом существовании объектов, а соответственно, и идею тождества *Я* и личности порождаемыми человеческим разумом фикциями. Однако, даже отрицая существование *Я* как неизменной данности, сложно подвергать сомнению целостность опыта и существование преемственности между его отдельными моментами. Идентичность личности поддерживается за счет постоянных изменений, происходящих в нашем внутреннем мире, и все же психическая реальность должна обладать единством, обеспечивающим автономию и уникальность каждого человека. Чувственные данные, вычлняемые из потока сознания в результате рефлексии, на самом деле не существуют вне контекста личностного опыта, наделяющего их неповторимым содержанием. Данное уточнение указывает на проблемы, возникающие в рамках сенсуализма как философского направления, пытающегося найти элементарные, ни к чему не сводимые единицы чувственного опыта.

Традиция трансцендентализма, основы которой были заложены еще Р. Декартом, достигла расцвета в немецкой классической философии. На неразрывную и сложную связь между *Я*, самосознанием и внутренним опытом указывал И. Кант. Кант различает *Я* трансцендентальное, являющееся условием всякого знания, и *Я* эмпирическое, индивидуальное, «*Я как субъект мышления (в логике), которое означает чистую апперцепцию (чисто рефлектирующее Я) и о котором мы ничего больше сказать не можем, так как это совершенно простое представление*» и «*Я как объект восприятия, стало быть внутреннего чувства, которое содержит в себе многообразие определений, делающих возможным внутренний опыт*»⁵⁷. Самосознание самотождественного трансцендентального *Я* обеспечивает так называемое трансцендентальное единство апперцепции и во многом обусловленное им

⁵⁷ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб., 1999. С. 150.

объективное познание. Однако само это интеллектуальное, трансцендентальное *Я*, будучи лишь связующим средством для всех понятий вообще, оказывается беспредметным и бессодержательным, а следовательно, и непознаваемым. В отличие от *Я* трансцендентального, эмпирическое *Я* выражает содержание того многообразного опыта, который определяет нашу индивидуальность.

Таким образом, кантовская философия содержит ряд важных идей для понимания феномена самосознания и осмысления осуществляемого субъектом познавательного процесса. Во-первых, представление о значимости априорных принципов мышления в структурировании опыта указывает на активную, конструктивную роль субъекта. Трансцендентальное *Я* является необходимым компонентом познавательного процесса, оказываясь его организующим и объединяющим началом. Благодаря понятию трансцендентального единства апперцепции Кант показывает, что самосознание обуславливает всякий познавательный акт, обеспечивая единство опыта и знания. Следовательно, самосознание выступает неявной предпосылкой всей когнитивной активности субъекта, а это, в свою очередь указывает на неразрывную связь нашего самосознания и познания объективной действительности, нашего *Я* и того многообразного опыта, которое этим *Я* связывается в единое целое. Однако, указывая на невозможность познать трансцендентальное *Я*, Кант ставит под сомнение классическое представление о непосредственности и достоверности нашего *Я*. *Я* включено во внутренний опыт в качестве связующего начала и лишено собственного содержания, выходящего за рамки этого опыта.

Всеобщий характер трансцендентального *Я* и отсутствие у него какого-либо содержания не позволяет, однако, показать значение неповторимых особенностей конкретной личности и ее когнитивных установок в познавательной деятельности. Как отмечает современный отечественный исследователь А.П. Огурцов, «Кант стремился освободиться от психологизма в теории познания, от обращения к психологическо-эмпирическим

представлениям о субъекте познания и осмыслить трансцендентальные условия возможности знания, одним из которых и является кантовское допущение трансцендентального, безличного субъекта»⁵⁸. Желание осмыслить уникальный внутренний опыт человека в качестве важного когнитивного фактора вынуждает обратиться к понятию эмпирического *Я*. Исследование роли субъективных представлений кажется не менее важной задачей наряду с выявлением априорных принципов познавательной деятельности.

Продолжателем трансценденталистской линии в философии является другой представитель немецкого классического идеализма И.Г. Фихте. Он уделял большое внимание феномену самосознания и роли *Я* в конструировании мира и себя. Благодаря своей активной деятельности *Я* выступает основанием как самого себя, так и внешнего мира. Кратким и наиболее четким выражением этой идеи являются три знаменитых основоположения наукоучения Фихте, третье из которых опирается на два предыдущих: «Я противопоставляю в *Я* делимому *Я* – делимое не-*Я*»⁵⁹. С помощью данного тезиса философ указывает на наличие неразрывной связи между самосознанием и знанием объективной действительности, имеющими единый источник в самом *Я* и являющимися двумя полюсами единого сознания человека.

Таким образом, в философии Фихте отстаивается идея об активной, творческой роли субъекта в порождении и познании того мира, в котором он живет. Однако абстрактные формулировки немецкого мыслителя представляют субъекта в виде безличного абсолютного *Я* и не учитывают конкретных проявлений личности.

Краткий обзор классической западной философии помог установить, что осмыслением роли самосознания в познавательной деятельности мыслители занимались на всем протяжении существования классической философии.

⁵⁸ Огурцов А.П. Методология науки и ее антропологический ресурс (часть вторая) // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII. Вып. 4 (№№ 67-68). С. 41.

⁵⁹ Фихте И.Г. Основа общего наукоучения // Сочинения в двух томах. Т. 1. СПб., 1993. С. 95.

Однако в рамках классического типа рациональности уникальной личности уделялось мало внимания, поскольку считалось, что любые частные проявления субъекта вносят лишь искажения в познавательный процесс, направленный на поиск абсолютной и универсальной истины. Значимость неповторимого опыта конкретного человека в освоении мира в полной мере будет показана лишь в современной философии, в которой и сформировалось понятие личностного знания.

О крушении трансценденталистской философии, в центре внимания которой был безличный субъект, являющийся носителем всеобщих и безусловных принципов мышления, писал отечественный мыслитель М.К. Мамардашвили: «Пошло трещинами зеркало абсолютного и универсального сознания, врученное когда-то привилегированному и как бы бесплотному, безгранично самосознательно мыслящему индивиду, который занимал абсолютистскую позицию в мире и представлялся себе конечной, дальше не проясняемой точкой отсчета. Боле того, в некогда прозрачном – от точки до точки – отображении мира и самого себя в этом зеркале обнаружилась вообще непросматриваемая "мертвая зона"»⁶⁰. В неклассической философии была осознана роль конкретной личности в когнитивной деятельности, была показана зависимость процесса познания от особенностей телесной организации познающего субъекта, его психофизиологических качеств, усвоенного им социального и культурно-исторического опыта, разделяемых им ценностных установок. Неисчерпаемый опыт человека недоступен сознанию во всей своей полноте, в опыте содержится неявное, скрытое знание, выступающее в качестве нерелексируемой предпосылки познания. Для понимания процесса личностного познания необходимо обратиться к идеям западных мыслителей последних двух столетий.

⁶⁰ Цит. по: Кузнецов В.Ю. Взаимосвязь единства мира и единства культуры. М., 2013. С. 84.

§ 3. Формирование в неклассической западной философии направлений, актуальных для анализа проблемы личностного знания

Понятие личностного знания возникло в рамках постпозитивистской философии науки XX века. Именно в неклассической западной философии были созданы подходящие условия для разработки тех идей, которые важны для современного осмысления проблемы личностного знания и самосознания. Одним из определяющих факторов возникновения так называемой «современной философии» является смещение акцента с изучения универсальных, абсолютных принципов реальности и познания к исследованию особенностей индивидуального бытия человека. Рассмотрение личностного знания в структуре непосредственно данного неповторимого, целостного и многогранного опыта отдельно взятого человека становится возможным благодаря привлечению разработок столь важных философских направлений этого периода, как экзистенциализм, персонализм, философия жизни и феноменология.

Обращение к экзистенциальной философии позволяет учесть при анализе познавательной деятельности субъекта влияние личностных моментов, являющихся проявлением уникального бытия конкретного человека. У истоков экзистенциализма стоит датский философ С. Кьеркегор. Предметом рассмотрения философа оказывается своеобразный способ бытия человека как существа «экзистирующего», то есть находящегося в постоянном становлении, осознающего свою конечность и озабоченного, в первую очередь, обретением «собственного вечного блаженства». Следовательно, для каждого из нас, по мнению Кьеркегора, наибольшей значимостью обладает именно «субъективная истина», непосредственно касающаяся нашего собственного существования и связанная с такими экзистенциальными категориями, как вера, страх, отчаяние, абсурд и т.д. Кьеркегор обнаруживает экзистенциальное измерение истины, имеющее фундаментальное эпистемологическое значение для любого человека.

Исходя из этого мыслитель подвергает критике спекулятивное мышление, стремящееся к достижению объективного знания и считавшееся в то время образцом познавательной деятельности⁶¹. Этот вид мышления имеет ограниченную сферу применения, с помощью него невозможно передать своеобразие человеческого бытия и решить наиболее важные для каждой личности проблемы, связанные с ее собственным существованием и его конечностью. По мнению философа, спекулятивное мышление лишь уводит человека от себя самого, от тех вопросов, которые являются для него первостепенными в силу его экзистенциальной природы⁶². На основании этого Кьеркегор делает вывод, что «субъективность, внутреннее, и есть истина»⁶³ и «решающий фактор в вопросе об истине лежит внутри субъективности»⁶⁴.

Хотя в концепции Кьеркегора понятие субъективной истины прежде всего соотносится с феноменом религиозной веры и сделанные философом выводы направлены в основном на осмысление роли христианства в современном мире, представляется вполне допустимым трактовать данное понятие более широко, включив его в контекст и других форм познавательной деятельности, благодаря чему оно может быть сопоставлено с понятием личностного знания. Субъективная истина, раскрывающая содержание индивидуального опыта человека, является неотъемлемым компонентом системы личностного знания конкретного индивида. Субъективное знание и в самом деле имеет для каждого из нас не меньшее, а, может быть, большее эпистемологическое значение, чем познание объективной действительности, так как связано с проблемами, касающимися нашего собственного бытия.

Безусловно, личностные факторы, определяющие убеждения и установки субъекта, играют важную роль во всяком когнитивном акте. Постигание окружающего мира в значительной степени основано на вовлеченности человека как существа экзистирующего и лично заинтересованного в

⁶¹ Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». СПб., 2005.

⁶² Там же. С. 71.

⁶³ Там же. С. 225.

⁶⁴ Там же. С. 237.

получении истины в познавательный процесс. Стремление исследователя осмыслить собственное бытие и ту реальность, в которую он погружен, может выступать фоном осуществляемой им когнитивной деятельности. В свою очередь, субъективная истина приобретает подлинную ценность, если получаемые из нее выводы объективно и культурно значимы.

Изучение познания как целостного процесса предполагает анализ непосредственно данного внутреннего опыта человека как основы когнитивных процессов, протекающих в индивидуальном сознании. Важную роль в изучении внутреннего опыта человека сыграла так называемая описательная психология В. Дильтея, предметом которой стала «"душевная жизнь" личности, т. е. внутреннее бытие жизни личности, взятое в полноте и целостности всех своих проявлений»⁶⁵. Важно при этом применять системный, а не механистический подход к психической реальности, обладающей эмерджентными свойствами по отношению к образующим ее компонентам. Именно такое представление о человеческом сознании, отдельные психические функции которого должны рассматриваться не изолированно друг от друга, а в контексте всей душевной жизни, придающей им особый и неповторимый смысл, можно обнаружить в сочинении представителя философии жизни В. Дильтея «Описательная психология»: «Изначально и всюду, от элементарнейших до высших форм своих, психический жизненный процесс есть единство»⁶⁶.

Идею единства и слитности наших отдельных чувств данный философ выражает при помощи понятия переживания, применяемого к непосредственному опыту субъекта. Однако сложный комплекс явлений, лежащий в основе нашего переживания, воспринимается сознанием лишь частично, «ибо психическая сила, - как пишет Дильтей, - вследствие важной

⁶⁵ *Моисеев В.И.* Логика Открытого Синтеза: В 2 томах. Т. 1: Структура, Природа и Душа. Книга вторая. СПб., 2010. С. 531.

⁶⁶ *Дильтей В.* Описательная психология. М.1924. С. 89.

особенности ее доводит до сознания всегда лишь ограниченное число членов внутренней связи»⁶⁷.

Это значит, что наша сознательная интеллектуальная деятельность неизбежно ограничивает наш неисчерпаемый внутренний опыт некими концептуальными схемами, позволяющими, тем не менее, закрепить наблюдаемое «в описании, обозначить его наименованием и дать общий обзор его путем классификации»⁶⁸.

Таким образом, идеи Дильтея имеют важное эпистемологическое значение. Всякий когнитивный акт, как и любой другой психический процесс, разворачивается в непосредственно данном переживании, и наши индивидуальные представления обретают свой субъективный смысл исходя из контекста этого конкретного переживания и всего внутреннего опыта в целом. Рациональные конструкты, являющиеся результатом применения аналитических способностей, передают содержание нашего уникального опыта частично, фрагментарно, вычлняя и делая доступным для осознания лишь отдельные моменты изменчивого потока переживаний.

Предложенное Дильтеем понятие переживания позволяет рассматривать сознание и протекающие в нем когнитивные процессы на феноменальном уровне, так как с помощью данного понятия описывается непосредственно данный, не имеющий аналогии в природе⁶⁹ опыт человека в его целостности и нераздельности. Это позволяет сделать вывод, что именно неповторимые переживания выступают основой личностного знания и определяют его содержание.

Дильтей отмечает, что единство душевной жизни и тождество *Я* сохраняются в условиях постоянной смены психических состояний, что указывает на динамический характер сознания и его содержания. Этот аспект психической реальности раскрыт французским философом А. Бергсоном, также причисляемым к философии жизни, с помощью понятия длительности.

⁶⁷ Там же. С. 40.

⁶⁸ Там же. С. 43.

⁶⁹ Там же. С. 40.

Описывая сознание как процесс, он, подобно Дильтею, представляет внутренний опыт в качестве особой реальности, не имеющей аналогии в материальном мире. Каждый момент душевной жизни приобретает свое уникальное содержание исходя из контекста целостного и непрерывного психического процесса, в котором он образует неразрывное единство с предшествующими и последующими моментами. Как следствие, любой происходящий в нашем субъективном мире когнитивный акт – это «последовательность состояний, из которых каждое возвещает то, что за ним следует, и содержит то, что предшествует»⁷⁰. Душевная жизнь человека многогранна, изменчива и в то же время целостна, что выражает диалектику единства и множественности, изменчивости и преемственности. Описанная Бергсоном длительность постигается лишь в акте интуиции. Однако попытка зафиксировать содержание внутреннего опыта осуществима только при помощи однозначных понятий, выделяющих в потоке переживаний нечто устойчивое и неподвижное и не передающих вследствие этого динамики психической реальности⁷¹.

Представленная Бергсоном концепция длительности может лечь в основу понимания протекающего во внутреннем мире личности познавательного процесса, направленного на постижение как окружающей реальности, так и самого субъекта. Конкретные представления всегда включены в изменчивый и одновременно целостный поток переживаний, в каждый момент времени обогащаясь новым содержанием и в то же время сохраняя преемственность со всем предыдущим опытом человека. Неисчерпаемое содержание нашего личностного опыта может быть воспринято исключительно путем интуиции в непосредственном переживании. Стремление выразить это содержание, сделать его общедоступным предполагает использование понятий и определенных концептуальных схем, выделяющих лишь отдельные аспекты

⁷⁰ Бергсон А. Введение в метафизику. СПб., 1914. С. 8.

⁷¹ Там же. С. 25.

нашего многогранного опыта и согласующих их с устойчивыми и неизменными принципами мышления.

Кроме того, понятие длительности можно использовать в анализе проблемы идентичности. Тождество личности сохраняется в процессе непрерывных изменений, происходящих в нашем опыте и в то же время не нарушающих единства и взаимосвязи между отдельными моментами нашей психической жизни.

Идея динамичности и целостности сознания-процесса находит также отражение в понятии потока сознания, введенном американским философом и психологом, одним из основоположников прагматизма У. Джеймсом. Учение о всеобщей изменчивости явлений бытия было создано еще в Древней Греции Гераклитом Эфесским: «Гераклит говорит где-то, что все движется и ничто не остается на месте и, образно сравнивая сущее с течением реки, говорит, что дважды нельзя войти в одну и ту же реку»⁷² [40 (12 DK)]. Понятие потока сознания выражает эту идею о динамической природе реальности, распространенную на сферу человеческого сознания; «В сознании происходят непрерывные перемены... ни одно раз минувшее состояние сознания не может снова возникнуть и буквально повториться»⁷³.

Используя данное понятие, исследователь утверждает, что, несмотря на непрерывность и единство психической жизни, каждый ее отдельный момент абсолютно неповторим и обладает уникальным содержанием. Джеймс подчеркивает важность сферы неявного знания, порождающей тот контекст, в котором наши отчетливые представления обретают свой новый, субъективный смысл. Как полагает философ, образы сознания составляют единое целое с тем множеством окружающих их смутно воспринимаемых компонентов мысли, которые и придают им личностное содержание. Джеймс предлагает называть осознание «этих отношений, сопровождающее в виде деталей данный образ, психическими обертонами»⁷⁴. Бесконечное

⁷² Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 209.

⁷³ Джеймс У. Психология. М., 1991. С. 59.

⁷⁴ Там же. С. 71.

многообразие постоянно сменяющих друг друга оттенков этих отношений делает невозможным исчерпывающее выражение многогранного опыта человека ни в одном языке мира⁷⁵.

Таким образом, и в концепции Джеймса сознание и протекающие в нем когнитивные процессы приобретают динамический, системный и контекстуальный характер, благодаря чему личностное знание не сводится к совокупности отдельных представлений о мире и самом себе, а является постоянно трансформирующейся системой отношений между компонентами нашего целостного опыта.

Ввиду ориентации на изучение личностного знания в структуре непосредственно данного феноменального опыта человека необходимо обратиться к разработкам феноменологического направления, заложенного немецким философом Э. Гуссерлем. Значимость философии Гуссерля заключается в том, что в ней знание рассматривается как результат конструктивной деятельности субъекта по конституированию идеальных предметностей, или смыслов⁷⁶. Предметная сфера неотделима от опыта трансцендентального субъекта и им определяется, сознание же в силу интенциональности, являющейся его основополагающим свойством, непременно содержит в себе представление об объекте, на который оно направлено. Благодаря этому становятся очевидными единство и взаимосвязь знания о предмете и когнитивной активности самого субъекта, а следовательно, субъектной и объектной сторон познавательного процесса. Как следствие, «в таком когнитивном единстве "тает", обнаруживает пределы своей применимости присущее классической рациональности раздвоение познавательного отношения на противостоящие друг другу "субъект" и "объект". Свойственные же классической рациональности представления о том, что анализ наличного состава знания позволяет выявить в нем содержание, присущее объекту "как таковому" (путем выявления и

⁷⁵ Там же. С. 68.

⁷⁶ См.: Смирнова Н.М., Демченко Л.М. Творчество как процесс созидания смыслов // Творчество: эпистемологический анализ. М., 2011. С. 100-105.

элиминации свойств субъекта) и характеристик познавательной активности субъекта самих по себе, Э. Гуссерль считает объективистской иллюзией»⁷⁷. При таком понимании и личностное знание, как содержание непосредственно данного феноменального опыта, объединяет в себе субъектную и объектную стороны внутреннего опыта человека, являющиеся двумя полюсами единого сознания.

Следует, однако, указать, что анализ конститутивной активности познающего человека проводился Гуссерлем применительно к рефлексивной деятельности трансцендентального субъекта, чей опыт очищен от конкретного, эмпирического содержания. Следовательно, целью своего так называемого «сущностного» исследования феноменов сознания немецкий философ ставил «раскрытие универсального эйдоса "*трансцендентального ego вообще*", который содержит в себе все варианты чистых возможностей моего фактического *ego* и само это *ego* как возможность»⁷⁸. Основатель феноменологии стремился выявить фундаментальные, аподиктические принципы, обеспечивающие всеобщий и необходимый характер нашего трансцендентального *ego*. Таким образом, Гуссерль в своем философском анализе всячески стремился абстрагироваться от частных, личностных проявлений человеческой субъективности в познании, вследствие чего проблема личностного знания никак не могла для него возникнуть.

Нацеленность на изучение именно уникального опыта конкретной личности, выступающего основой личностного знания, а не всеобщих когнитивных структур трансцендентального субъекта побуждает обратиться к экзистенциальным и социально-философским версиям феноменологии, разработанным последователями Э. Гуссерля: А. Шюцем, М. Мерло-Понти, М. Хайдеггером, Ж.-П. Сартром, представителями экзистенциального психоанализа. «Специфическую структуру и генезис моего запаса наличного знания, который, конечно же, во многих отношениях является уникальным и

⁷⁷ Там же. С. 102-103.

⁷⁸ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. С. 155.

единственным» можно описывать при помощи введенного представителем социальной феноменологии А. Шюцем понятия «биографически детерминированной ситуации»⁷⁹. Благодаря этому понятию философ выявляет генетический аспект и раскрывает контекстуальный характер личностного знания, показывая, что человек во всякий момент своего существования занимает уникальное место как в физическом, так и в социокультурном пространстве. При этом положение субъекта в мире определяется всем предшествующим опытом, организованным «в привычные данности его наличного знания, и как таковые являющиеся исключительно его личной собственностью, данной ему и только ему»⁸⁰.

Шюц показывает, таким образом, что наши представления об окружающей реальности и те концептуальные схемы, которые задают способ восприятия ситуации, формируются в контексте неповторимого жизненного опыта. В соответствии со своей биографически детерминированной ситуацией субъект концептуализирует явления действительности, выделяя в них существенное и второстепенное, универсальное и уникальное, конструируя на основе этого объекты теоретической и практической деятельности. Кроме того, предложенное социальным феноменологом понимание познавательного процесса отражает целостный характер нашего опыта, во всей своей неповторимости определяющего конкретную биографическую ситуацию и включающего в себя предпосылки для ее возникновения. Биографическая ситуация является результатом взаимодействия множества факторов, порождающих в совокупности индивидуальный опыт. Огромное значение имеет исследование Шюцем структуры повседневного опыта, содержание которого составляет огромный пласт личностного знания и формирует основополагающие для субъекта познавательные конструкты и неявные установки, лежащие в основе самых разных форм теоретической и практической деятельности.

⁷⁹ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 372.

⁸⁰ Там же. С. 12.

Ввиду ориентации на социально-философскую проблематику, Шюц большое внимание уделяет проблеме intersубъективности, имеющей огромное значение для осмысления феномена личностного знания. Несмотря на уникальность нашего личностного опыта, мы все осознаем, что живем в intersубъективном мире культуры. В своем становлении мы усваиваем культурно-историческое наследие, разделяем с окружающими людьми общий социальный опыт, а при осуществлении своей практической деятельности согласуем свои действия с их действиями, интерпретируя их поведение с помощью неких обезличенных «типизируемых конструкторов». «Типизируемые конструкторы» в большой или меньшей степени схватывают индивидуальность конкретной личности, что соответствует частным задачам того, кто эти конструкторы формирует. Однако Шюц отмечает, что в любом случае эти конструкторы не могут передать личностный опыт Другого во всей его уникальности. Неповторимый опыт Другого остается недоступным в полной мере для взаимодействующего с ним субъекта и лишь частично выражается в обобщающих типизациях, которые применяются к нему в определенных жизненных целях. Более того, вступая в отношения с окружающими людьми, человек с помощью представлений о конкретных социальных ролях, выделяющих какой-то один аспект многогранной психической реальности, типизирует собственное социальное поведение⁸¹.

Таким образом, хотя уникальная система личностного знания, лежащая в основе биографически детерминированных ситуаций, обладает важнейшими когнитивными и социальными функциями и имеет своим источником культурно-исторический опыт предшествующих поколений и всего человечества в целом, в процессе intersубъективного социального взаимодействия она проявляется лишь фрагментарно, что вызывает проблемы исчерпывающего выражения своего опыта и понимания Другого.

Следовательно, Шюц, используя понятие «биографически детерминированной ситуации», указывает на ситуативный и динамический

⁸¹ Там же. С. 18-21.

характер личностного знания, являющегося продуктом индивидуального развития отдельного субъекта и отражающего уникальность занимаемого каждым человеком положения в мире. Социально-философские разработки феноменолога позволяет выявить социальный аспект личностного опыта и обратиться к проблемам соотношения универсального и индивидуального в личностном знании, intersубъективности знания, а также к проблеме понимания Другого.

Проблема intersубъективности неразрывно связана с идеей личностного знания как самостоятельного вида знания, несводимого целиком к универсальным формам мышления. Такое понимание личностного знания порождает онтологическую проблематику, побуждающую к обоснованию независимого статуса личностного опыта как особой реальности, доступной в своей уникальности лишь самому субъекту. С этой целью следует обратиться к разработкам фундаментальной онтологии немецкого философа М. Хайдеггера, представляющей собой развитие феноменологического и экзистенциального направлений и делающей предметом своего рассмотрения бытие конкретного человека. Для обозначения своеобразного способа существования отдельно взятой личности, существующей, осознающей собственное бытие и вопрошающей о нем, Хайдеггер использует введенный им термин *Dasein* (нем. «здесь-бытие»)⁸². В своем фундаментальном труде «Бытие и время» Хайдеггер детально рассматривает такие основополагающие модусы *Dasein*, называемые им экзистенциалами, как забота, временность, падение, расположение, страх и другие. С помощью понятия *Dasein* можно описывать внутренний опыт субъекта как непосредственно данную реальность, отражающую специфику человеческого бытия. Этот личностный опыт и является основой личностного знания и обеспечивает его независимый характер.

Одной из сущностных характеристик *Dasein* является бытие-в-мире. Хайдеггер уточняет, что бытие-в-мире означает не просто сосуществование

⁸² Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002.

Dasein как одного из видов сущего наряду с другими сущими. Бытие-в-мире является фундаментальной онтологической характеристикой Dasein, благодаря которой человек непременно обнаруживает себя погруженным в мир и вследствие этого не способен воспринимать себя и свой непосредственный опыт независимо от внешней реальности. Данное понятие имеет особое значение, поскольку оно может служить ключом к пониманию феномена самосознания и позволяет раскрыть взаимосвязь между самим субъектом и постигаемой им окружающей действительностью: бытие-в-мире является основой не только познания и практического освоения реальности, но и осознания себя в качестве неповторимой личности, обязательно вовлеченной в разворачивающиеся вокруг нее события. Мир, в свою очередь, познается лишь в той мере, в какой субъект причастен к нему, взаимодействуя с окружающими предметами. Следовательно, благодаря понятию бытия-в-мире обнаруживается единство субъекта и объекта, самосознания и познания внешней реальности.

Таким образом, хотя основополагающим вопросом для Хайдеггера был вопрос о бытии, то есть на первом плане у него стояла онтологическая проблематика, его идеи могут играть большую роль и в изучении проблем познания. Философия этого мыслителя дает онтологические предпосылки, которые могут лечь в основу исследования личностного знания. С помощью понятия Dasein как своеобразного способа существования человека можно описывать неповторимый личностный опыт как особую реальность, обладающую независимым от других видов сущего бытием и имеющую различные экзистенциальные измерения. Личностное знание можно рассматривать в качестве проявления этой самостоятельной реальности.

Идеи М. Хайдеггера оказали значительное влияние на сферу психологии и психиатрии и, в частности, воплотились в разработках одного из представителей экзистенциального психоанализа Л. Бинсвангера. Данное направление имеет большое значение для анализа личностного знания, поскольку его основоположники уделяли внимание именно уникальному

бытию человека. Бинсвангер широко использует введенное М. Хайдеггером понятие бытия-в-мире, призванное раскрыть взаимосвязь и единство субъекта и объекта в феноменальном опыте и выявить особенности этого опыта. Более того, психиатр утверждает, что содержание внутреннего мира конкретной личности в определенной степени является продуктом конструктивной деятельности самого субъекта, создающего из разрозненных представлений единую картину реальности. Идея целостности личностного опыта находит отражение у Бинсвангера в понятии миро-проекта, который задает своеобразный способ восприятия явлений действительности и в то же время лежит в основе индивидуального поведения человека. Таким образом, в построениях немецкого психиатра любой когнитивный процесс приобретает ярко выраженный контекстуальный характер, поскольку миро-проект может рассматриваться в качестве того общего познавательного контекста, исходя из которого отдельные моменты опыта приобретают свой неповторимый субъективный смысл.

Именно путем обнаружения миро-проекта как целостного образования Бинсвангер в своей психиатрической практике пытался объяснять частные проявления психических нарушений своих пациентов: «Мы не останавливаемся, подобно биологу и невропатологу, на единичном факте, единичном нарушении, симптоме, мы продолжаем искать то целое, внутри которого факт может быть понят как частный феномен... На самом деле оно вовсе не объективное целое, но целое в смысле единства миро-проекта»⁸³. Тем самым Бинсвангер отрицает механистический подход к исследованию душевных процессов и утверждает системный характер человеческой психики, первичность целостных структур по отношению к отдельным феноменам субъективной жизни.

Более того, ученый полагает, что человеческий опыт структурируется определенной категорией, идеей, обладающей для индивида приоритетным значением: «Все, что делает мир значимым, подчиняется правилу той

⁸³ Бинсвангер Л. Экзистенциально-аналитическая школа мысли - <http://www.gumer.info>.

единственной категории, которая одна поддерживает ее "мир" и бытие»⁸⁴. Подобный тезис может вызвать вопрос: насколько адекватно универсальные категории могут передать неисчерпаемый личностный опыт во всем его богатстве, не являются ли они результатом творческой работы интерпретатора, психоаналитика? Однако, даже если содержание внутреннего мира и не может быть сведено к какой-либо одной категории, все равно имеет большое значение идея о структурном единстве душевной жизни, обеспечивающем взаимосвязь и преемственность между отдельными представлениями, входящими в систему личностного знания. Скорее, можно говорить не об однозначных языковых категориях, а о неких неявных фундаментальных предпосылках, структурирующих наш опыт и определяющих видение конкретных ситуаций. Бинсвангер на практике показал важность рассмотрения частных проявлений психической жизни человека в контексте более общих когнитивных структур. Не теряют своей актуальности, тем не менее, вопросы о соотношении индивидуального миро-проекта и объективной реальности, о роли миро-проекта в постижении и освоении окружающей действительности.

Понятие миро-проекта Л. Бинсвангера перекликается с идеей Ж.-П. Сартра о проекте как выборе себя в мире. Именно этот французский философ является автором термина «экзистенциальный психоанализ»⁸⁵. Благодаря понятию проекта Сартр, как и Бинсвангер, развивает конструктивистский подход к сознанию, подчеркивая активную роль каждой личности в созидании своего *Я*. Идентичность *Я* сохраняется не за счет некоей изначально данной сущности, а за счет постоянной реализации собственного проекта. Подобное антиэссенциалистское понимание человеческой природы нашло отражение в знаменитом тезисе Сартра «существование предшествует сущности»⁸⁶. Идея проективности представляет каждого из нас в качестве

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М., 2000. С. 489.

⁸⁶ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 319-344.

существа, находящегося в вечном становлении, а это указывает на динамический характер *Я* и личностного опыта.

Несмотря на непрерывную смену проектов, обусловленную стремлением субъекта к осуществлению своей свободы, существует первичный, фундаментальный проект, интегрирующий все единичные проекты. Благодаря своей целостности он позволяет поддерживать идентичность личности и обеспечивает связь между разрозненными моментами изменчивого опыта. Глобальный проект и связанное с ним бытие-в-мире могут рассматриваться в качестве основополагающего когнитивного контекста, в котором происходят формирование и познание *Я* человека, а вместе с этим и освоение окружающей действительности: «...фундаментальный проект, которым я являюсь, есть проект, касающийся не моих отношений с тем или другим отдельным объектом мира, но моего бытия-в-мире в целом»⁸⁷. Таким образом, фундаментальный проект, содержащий глубинные предпосылки когнитивной деятельности, указывает на целостный характер опыта, порождающего общую картину мира субъекта, исходя из которой воспринимаются отдельные явления реальности. Идея единичных проектов, в свою очередь, раскрывает динамический аспект внутреннего опыта и протекающих в нем когнитивных процессов. Частные проекты являются «детализацией глобального проекта в связи с отдельными элементами ситуации».⁸⁸ Благодаря этому они трансформируют фундаментальный проект и адаптируют его к новым ситуациям, способствуя обогащению знания и становлению личности.

Предложенное Сартром понятие проекта может иметь важное эпистемологическое значение, так как рассмотрение личностного знания и индивидуальной познавательной деятельности в контексте фундаментального или единичных проектов выявляет целостный,

⁸⁷ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. С. 489.

⁸⁸ Там же. С. 490.

контекстуальный, конструктивный и процессуальный характер когнитивных структур, формирующих картину мира субъекта.

Применение системного подхода к сознанию основано на представлении о наличии взаимосвязи между различными аспектами человеческой психики. Одним из таких аспектов, без рассмотрения которого анализ личностного опыта и основанного на нем личностного знания был бы неполным, является человеческая телесность. Философское, и более того, когнитивное значение телесности было выявлено еще Э. Гуссерлем⁸⁹. Именно феноменологический подход к сознанию позволяет рассмотреть данный феномен в структуре опыта и осмыслить его эпистемологическую роль. Французский философ середины XX века М. Мерло-Понти в своем основополагающем труде «Феноменология восприятия» построил на основе этой идеи целостную и завершенную концепцию, применив к восприятию и сознанию телесно-феноменологический подход. Мерло-Понти рассмотрел телесный опыт человека в качестве важного фактора познавательной деятельности. Феноменологический анализ телесности позволил ему наиболее последовательно развить идею единства и взаимосвязи субъекта и окружающего мира, субъективной и объективной сторон опыта. Человеческое тело является посредником между окружающей реальностью и сознанием субъекта, обуславливая их взаимосвязь. Тело, наделенное органами чувств, с одной стороны, предоставляет субъекту перцептивный опыт, составляющий неотъемлемую сферу личностного знания и в то же время обеспечивающий доступ к объективной реальности. С другой стороны, благодаря своей телесной природе человек осознает свое бытие-в-мире, ощущает себя погруженным в окружающий мир и неразрывно связанным с ним. Таким образом, *Я* обнаруживает себя именно в бытии-в-мире, в осознании этого мира, а следовательно, постижение мира и самосознание предполагают друг друга: «Осознание мира не основано на самосознании. Однако оба сознания строго одновременны: для меня существует мир,

⁸⁹ Смирнова Н.М., Демченко Л.М. Указ. соч. // Творчество: эпистемологический анализ. С. 107.

потому что я не пребываю в неведении о самом себе, я не сокрыт от себя самого, потому что у меня есть мир»⁹⁰.

Исследование роли человеческой телесности в процессе восприятия и в целом в познавательной деятельности субъекта породило представления о феноменальном теле, отличающемся от объектов окружающей действительности и от физического человеческого тела, рассматриваемого в качестве одного из множества объектов реальности, существующего наряду с другими: «Посему тело – это не какой-то из внешних объектов, выделяющийся лишь особенностью быть всегда налицо. Оно постоянно, так сказать, абсолютным постоянством, служащим фоном относительному постоянству всегда готовых исчезнуть объектов, - объектов как таковых»⁹¹. Феноменологически понятое тело выступает не одним из объектов познания, а, скорее, универсальной предпосылкой когнитивной активности субъекта, определяющей его мировосприятие. Мы все непременно наделены телом и благодаря ему занимаем уникальное место в окружающей среде, что определяет способ нашего взаимодействия с внешним миром. При этом уникальное положение каждого из нас в пространстве и индивидуальные особенности нашей телесной организации в некоторой степени влияют на формирование неповторимого содержания личностного знания, незаменимого полностью опытом другого человека.

Таким образом, данный обзор ряда концепций современной западной философии, предметом рассмотрения которых являются внутренний опыт и сознание человека, показал, что в течение этих почти двухсот лет были разработаны многие идеи, актуальные для решения проблемы личностного знания и самосознания. Развитие экзистенциального и феноменологического направлений заложило основу для изучения личностного знания в структуре непосредственно данного уникального опыта человека. В этот период был сформирован понятийный аппарат, важный для исследования проблемы

⁹⁰ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 383.

⁹¹ Там же. С. 130.

личностного знания. Философами указанных направлений были выработаны такие понятия, как субъективная истина, сознание-процесс, биографически детерминированная ситуация, бытие-в-мире, Я как проект и т.д. Авторами современных философских концепций был проведен анализ личностного опыта как основы личностного знания, была предложена концепция проектирования (конструирования) себя и знания, а также рассмотрено влияние телесности на субъективный опыт и знание. В рамках этих и других философских традиций получили свое обоснование представления о единстве человеческого сознания и личностного опыта, их динамическом и контекстуальном характере. Кроме того, была показана активная и конструктивная роль познающего субъекта и выявлена взаимосвязь самосознания и познания объективной действительности, субъективной и объективной сторон когнитивного процесса.

§ 4 История проблемы личностного знания в русской философии: проблема самосознания у С.Л. Франка и проблема самопознания и экзистенциального познания у Н.А. Бердяева

Изучение роли личностных факторов в познавательной деятельности побуждает обратиться к русской философии, в рамках которой активно разрабатывалась антропологическая проблематика, направленная на осмысление человеческого бытия во всем богатстве его проявлений. В отечественной философии многие мыслители уделяли внимание личности, ее духовно-нравственным исканиям. В данном параграфе было решено остановиться на двух философах, чьи идеи имеют наибольшее значение именно для теории познания, - С.Л. Франка и Н.А. Бердяева. Разработки этих мыслителей позволяют рассмотреть знание и познавательный процесс в контексте непосредственного живого опыта конкретной неповторимой личности.

4.1. Проблема самосознания и личностного знания в философии С.Л. Франка

Одной из значимых фигур русской философии является С.Л. Франк. В работе «Душа человека» предметом анализа он делает индивидуальную душу как «внутреннее бытие человека». Собственный подход к сознанию Франк противопоставляет так называемой «эмпирической психологии», которая делает психическую жизнь объектом своего познания. В отличие от научной психологии, русский философ пытается познать "живого субъекта" непосредственно в его целостности, как он предстает в конкретном переживании.

Ориентация на постижение субъективного опыта человека позволяет по-новому осмыслить многие когнитивные процессы. В частности, Франк предлагает оригинальную трактовку понятия самосознания. Философ показывает, что не следует сводить самосознание к рефлексии, самонаблюдению и самопознанию, которые основаны на строгом противопоставлении субъекта и объекта и превращают самого субъекта в предмет познания. Франк критикует объективистский подход к внутреннему миру человека, полагая, что строящаяся по образцу естественных наук эмпирическая психология не способна познать «живого субъекта как такового»⁹². Она отчуждает человека от него самого, от его субъективного опыта. Следовательно, и рефлексия, выступающая формой предметного познания и заключающаяся в объективации нашего опыта, не является подлинным самосознанием. По мысли Франка, *Я* не есть «чистое, абсолютное единство, абстрактная, бессодержательная точка центра душевной жизни; оно сложно, изменчиво и имеет определенное содержание. Оно есть именно "ядро" душевной жизни <...> оно есть место, откуда ведется управление душевной жизни, где как бы хранится направляющая энергия сознания»⁹³.

⁹² Франк С.Л. Душа человека // Реальность и человек. М. 1997. С. 24.

⁹³ Там же. С. 55.

Истинное самосознание, как следствие, представляет собой непосредственное переживание собственного внутреннего опыта: «В самосознании нет двойственности между сознающим и сознаваемым и наше "я" не противостоит нам как предмет, на который мы направлены; напротив, сознание нашего "я" и есть не что иное, как его простое *переживание*. Мы сознаем наше "я", поскольку мы есмь "я"; и в этом сходство самосознания с сознанием как душевной жизнью: то и другое суть непосредственная самопроникнутость или самоявственность простого бытия»⁹⁴. Отличается самосознание от простого осознания душевной жизни лишь тем, что оно придает целостность всему опыту, что обеспечивается нашим *Я* как интегрирующим началом⁹⁵.

Таким образом, *Я* дано в самом опыте и неотделимо от него и его содержания. Благодаря неявному присутствию в каждом переживании нашего *Я* как объединяющего центра, отдельные представления включаются в общую систему личностного знания, приобретая в ней свой уникальный субъективный смысл. Следовательно, *Я* можно рассматривать как основу личностного опыта и личностного знания. Подобное представление указывает на тесную взаимосвязь самосознания, личностного опыта и личностного знания.

Таким образом, благодаря своему пониманию *Я* и самосознания Франк указывает на целостный характер личностного опыта и сознания.

Холистический подход к субъективной реальности находит отражение в используемом философом понятии души. Он критикует позицию «психической атомистики», применяющей механистический подход к явлениями сознания и полагающей, что «душевная жизнь складывается из обособленных, независимых друг от друга элементов»⁹⁶. В противовес подобной точке зрения, Франк утверждает приоритет душевной жизни как

⁹⁴ Там же. С. 57.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. С. 16.

целостного образования по отношению к отдельным представлениям и переживаниям.

Отличая переживание от познания, Франк тем не менее полагает, что наш внутренний мир можно постичь в его непосредственной данности. Однако в работе «Реальность и человек» не каждое переживание философ относит к области душевной жизни. Есть то интимное содержание человеческого опыта, которое относится к внутренней реальности моего *Я* и обозначается Франком как «духовная жизнь», в отличие от «душевной жизни»⁹⁷. Эта «духовная жизнь» проистекает, по мнению Франка, как будто из глубин самого нашего *Я*. Обычно это подлинное *Я* не замечается людьми, а обнаруживается лишь в особые моменты откровения. По мысли Франка, «"Я", как субъект самосознания, как изначальная точка, как автономное существо, в некотором смысле производно от той глубины моей души, в которой я слит с Богом»⁹⁸.

Таким образом, в представлениях Франка, в непосредственном опыте нам раскрывается некое абсолютное начало, являющееся основой нашей личности.

Дело в том, что русская философия строится на допущении существования некоего Абсолюта в виде Бога, души и возможности выйти к Нему, познать Его. Предполагается наличие глубинного личностного ядра, постижимого в «живом знании».

Подобные представления противоречат антисубстанционалистскому характеру современной философии. Можно усомниться, что возможен момент озарения, когда целиком раскрывается наше *Я* как нечто завершенное, как некая данность. Это исходит из изначальной концепции личностного опыта, который не является ни в коей мере никакой субстанцией, не связан с внешним Абсолютом, а зиждется только на конкретных условиях бытия данной личности. Однако, даже если не

⁹⁷ Франк С.Л. Реальность и человек // Реальность и человек. М., 1997. С. 227.

⁹⁸ Там же. С. 350.

существует *Я* как самостоятельной, отдельной сущности, имеется неповторимый личностный опыт, лежащий в основе индивидуальности человека и задающий определенное восприятие мира и себя. Этот опыт должен отличаться целостным характером, чтобы обеспечить единство личности и поддерживать ее идентичность. *Я*, пожалуй, можно понимать как организующее начало личностного опыта, которое не существует отдельно от него и выступает в качестве условия всякого познавательного акта, встраивая любое новое представление в систему личностного знания.

Таким образом, обращение к философии С.Л. Франка позволяет переосмыслить проблему *Я* и самосознания. Философ расширяет наши представления о самосознании, рассматривая данный феномен в контексте внутреннего опыта субъекта. Это, в свою очередь, обеспечивает целостное понимание когнитивной деятельности человека, а вместе с ней и личностного знания, как ее продукта.

4.2. Проблема личностного знания и самопознания в философии

Н.А. Бердяева

Попытка не только теоретически осмыслить феномен самосознания, но и осуществить познание собственного духовного опыта была предпринята другим русским философом Н.А. Бердяевым в его сочинении «Самопознание», являющемся, по мысли самого автора, «опытом вполне личной, экзистенциальной философии»⁹⁹. Бердяев отмечает, что на протяжении всей истории философии, начиная с античности, предметом самопознания в основном оказывалась не уникальная личность, а человек вообще, универсальный разум. Лишь отдельные мыслители занимались действительным самопознанием, прорывающимся к «экзистенциальной субъективности»¹⁰⁰. Бердяев придает наибольшее значение именно неповторимой личности и ее многогранному и изменчивому опыту, что дает определенные основания считать его основоположником

⁹⁹ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990. С. 298.

¹⁰⁰ Там же. С.297.

экзистенциалистской и персоналистской традиций в русской философии. Как утверждает сам мыслитель, «основной вопрос познания есть вопрос об отношении между трансцендентальным сознанием или гносеологическим субъектом и человеком, живой и конкретной человеческой личностью»¹⁰¹. Тем самым он ставит важнейшую для понимания личностного знания проблему соотношения априорных, универсальных принципов мышления и уникального опыта человека.

Как и С.Л. Франк, Бердяев критически относится к предметному познанию, объективирующему наш внутренний опыт и отчуждающему его от нас. Своеобразный способ бытия человека как существа экзистенциального накладывает отпечаток и на процесс самопознания, так как личность в своей неповторимости не может стать простым объектом познания: «В отношении ко мне самому, как познаваемому, исчезает объективация, отчуждение, поглощение индивидуального общим, и это великое преимущество, которое дает надежду, что познание будет экзистенциальным. Я сам, познающий – экзистенциален, и эта экзистенциальность есть вместе с тем не объективируемый предмет моего познания»¹⁰². Таким образом, самосознание оказывается особым видом знания, доступным лишь в непосредственном опыте самого субъекта.

Сам Бердяев, однако, признает, что с самопознанием, как и со всяким познанием, связаны определенные трудности. Попытка выразить с помощью слов собственный опыт неизбежно приводит к его объективации, идеализации, которых так стремился избежать философ. Стремление постичь свою или чужую душевную жизнь превращает ее в объект познания и тем самым искажает ее.

Бердяев подвергает критике характерное для рационалистической философии и научного познания противопоставление субъекта и объекта. По мнению философа, в результате этого противопоставления объект

¹⁰¹ Бердяев Н.А. О назначении человека - <http://www.klex.ru/28d>.

¹⁰² Бердяев Н.А. Самопознание. С. 298.

отчуждается от субъекта. В объективировании, являющемся основой познавательной деятельности, «умирает всякая жизнь, исчезает бытие»¹⁰³. Подлинное же познание происходит из непосредственного жизненного опыта личности: «...оно само изначала есть жизнь, порождено жизнью и отражает судьбы жизни... познание само есть бытие и происходит с бытием»¹⁰⁴. Таким образом, Бердяев указывает на ту важную и обширную сферу когнитивной деятельности, истоки которой берут свое начало в духовном опыте конкретной неповторимой личности. Экзистенциалистская ориентация мыслителя позволяет ему раскрыть личностный характер познавательной активности человека и выявить ее онтологические основания. Однако, несмотря на критику Бердяевым познания как объективирования, постижение нашего собственного опыта, его концептуализация в конечном счете основаны на выделении субъекта и объекта. Как ни относиться к предметному сознанию, субъект-объектный дуализм является неотъемлемой чертой рационального способа мышления.

Философские идеи Н.А. Бердяева имеют большое значение для эпистемологии в целом и для анализа личностного знания в частности, поскольку он указывает на роль духовного опыта уникальной личности в приобретении знания.

Итак, С.Л. Франк указывает на целостный характер личностного опыта, проявляющийся в отдельных переживаниях и обеспечивающий единство когнитивных способностей. При таком понимании психической реальности самосознание оказывается одним из аспектов внутреннего опыта, душевной жизни человека, выступающим основой личностного знания. Что касается Н.А. Бердяева, то он выделил экзистенциальный момент в когнитивной деятельности, рассматривая в качестве субъекта свободную творческую личность, уникальный духовный опыт которой является основой познания и приобщения к истине.

¹⁰³ Бердяев Н. А. О назначении человека.

¹⁰⁴ Там же.

ГЛАВА II.

ЛИЧНОСТНОЕ ЗНАНИЕ В КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. Концепция личностного знания М. Полани и ее значимость для современной эпистемологии

Предложенное философом науки Майклом Полани (1891-1976) в конце 1950-х годов понятие личностного знания до сих пор не утрачивает своей актуальности. Концепция М. Полани обогащает представления о познавательной деятельности, не сводя ее к действию только общих, объективных закономерностей, но учитывая также роль конкретной личности, наделенной личностно «окрашенными» когнитивными установками и включенной в уникальную научную практику. Широкое понимание личностного знания, пронизывающего различные уровни психики человека, дает возможность не ограничиваться исследованием лишь научного знания и изучить иные формы знания, являющиеся проявлением духовной жизни человека во всем ее многообразии. Рассмотрение личностного знания и познавательного процесса в структуре внутреннего опыта в последнее время приобретает особую актуальность, поскольку «в когнитивной науке и эпистемологии как ее философской составляющей происходит сдвиг к феноменологии, к изучению субъективных особенностей опыта сознания, к "методологии от первого лица"»¹⁰⁵. Данная задача может быть выполнена благодаря применению к анализу концепции личностного знания М. Полани актуальных методов интенсивно развивающихся когнитивных наук и неклассической эпистемологии: феноменологического, теоретико-системного, телесного, динамического и т.д.

¹⁰⁵ Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского Государственного Педагогического университета. 2011. № 10. С. 199.

1.1. Понятие неявного знания и структура сознания в концепции М. Полани: системный и феноменологический подходы к проблеме личностного знания

Одной из ключевых идей М. Полани является представление о том, что любое знание субъекта содержит личностный компонент. Познавательный акт всегда выполняется конкретным индивидом с неповторимым личностным опытом, с определенными установками сознания и неявными предпосылками осуществляемой им деятельности. Особое внимание Полани уделяет сфере неявного, молчаливого знания, в немалой степени влияющего на процесс познания. Для лучшего понимания этого вида знания необходимо рассмотреть предложенную Полани структуру сознания, включающую в себя два уровня: фокусное осознание и периферическое.

Неявное знание представляет собой сферу активности периферического сознания, то есть на нем не сконцентрировано внимание субъекта, однако именно благодаря ему мы воспринимаем находящийся в фокусе предмет. Корни личностного знания можно обнаружить именно в периферической области сознания, выступающей фоном для сознания, сфокусированного на внешних объектах¹⁰⁶. Присутствующие на периферии сознания данные опыта оказываются теми элементами, взаимодействие которых порождает новую целостность, являющуюся объектом фокусного сознания. Формируемое побочными данными опыта, образующими сферу неявного знания, целостное понимание есть гештальт, который нельзя понимать как простую сумму составляющих этот гештальт частей и правил¹⁰⁷.

Полани неоднократно ссылался в своих работах на достижения гештальт-психологии, однако его ключевые идеи созвучны не только разработкам этого уже ставшего классическим психологического направления, но и идеям современного системного подхода. Общая схема познавательного процесса, предложенная философом в его работах, и в самом деле отражает системный

¹⁰⁶ Полани М. Личностное знание. М., 1985. С. 96.

¹⁰⁷ Lowney Ch. Ineffable, Tacit, Explicable and Explicit: Qualifying Knowledge in the Age of "Intelligent" Machines // Tradition & Discovery. 2011-2012. Vol. 38, No 1. P. 29.

характер нашего личностного знания и позволяет раскрыть сложную взаимосвязь между различными уровнями сознания и психики в целом. Таким образом, личностное знание правильнее будет рассматривать не как набор конкретных представлений о явлениях действительности, оказывающихся в фокусе нашего внимания в качестве объектов познания, а как иерархическую организованную систему, обеспечивающую связь между разными уровнями и аспектами сознания и непременно включающую в себя неосознаваемые и неартикулированные моменты опыта. Система личностного знания может быть описана как целостное образование, элементы которого должны рассматриваться не изолированно, а во взаимодействии друг с другом.

Содержание личностного знания обладает эмерджентными свойствами, то есть не сводится к содержанию конкретных данных индивидуального опыта, а определяется их соотношением в структуре сознания и психики. Отдельные моменты опыта, в свою очередь, исходя из контекста неповторимого личностного опыта, приобретают новый смысл. Таким образом, можно предположить, что представления субъекта, включенные в его уникальную систему личностного знания, шире и богаче по содержанию знания, изначально заключенного в воспринимаемой человеком словесной форме. Как отмечает отечественный исследователь В.А. Героименко в работе «Личностное знание и научное творчество», между объективированным знанием и субъективированным социализированным значением, выступающим в качестве интерсубъективного компонента индивидуального значения существует сложная, неоднозначная связь, они не тождественны друг другу: «Иначе говоря, социально-объективированное значение превосходит соответствующее индивидуальное значение по многообразию концептуального содержания, но уступает ему по богатству уникальных аспектов понимания, ассоциаций и т. п.»¹⁰⁸. Эта особенность личностного

¹⁰⁸ Героименко В.А. Личностное знание и научное творчество. Мн., 1989. С. 80.

познания является основой творчества, способности конкретного человека привносить в представления о мире что-то новое.

Понимание сознания как структурно организованного образования отражает контекстуальный характер протекающих в нем познавательных процессов. Отдельные данные опыта приобретают свое уникальное значение именно в контексте смысловой целостности, порождаемой описанной выше структурой сознания: «Элементы, включенные в такого рода контекст, будь то молоток, зонд или изреченное слово, все указывают на что-то существующее помимо них и наполняются смыслом благодаря тому, что они включены в этот контекст»¹⁰⁹. Таким образом, непосредственно данное целостное видение ситуации оказывается основополагающим контекстом, в котором осуществляется когнитивная деятельность и в котором получают свой неповторимый смысл отдельные компоненты нашего сложного и многогранного личностного опыта. В данном вопросе обнаруживается приверженность Полани гештальт-теоретической парадигме, согласно которой «единичные элементы образуют изменчивые целостности и переживаются в контексте последних»¹¹⁰. Подобные представления философа о когнитивной деятельности показывают возможность применения контекстуализма как методологической программы к изучению процессов, разворачивающихся в человеческом сознании.

Полани предлагает функциональную трактовку неявного знания, то есть указывает на ту функцию, которую оно имеет в структуре сознания. Любой познавательный процесс может быть описан, как показал современный исследователь концепции Полани Ч. Лоуни, с помощью так называемой структуры «from-to»: любой неформализуемый вывод, осуществляемый субъектом, заключается в движении от данных опыта, осознаваемых нами на периферическом уровне, к оказывающемуся в фокусе целостному

¹⁰⁹ Полани М. Указ. соч. С. 102.

¹¹⁰ Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008. С. 184.

пониманию ¹¹¹. Стоящая перед исследователем задача структурирует наличный опыт, вследствие чего неявное знание обязательно приобретает некую функциональную роль, в качестве набора условий познавательной деятельности определяя содержание приобретаемого знания и формируя целостное понимание ситуации: «Когда мы сфокусированы на целом, мы осознаем части периферическим сознанием, причем эти два рода осознания имеют примерно одинаковую интенсивность... Если какая-то часть представляется периферической по отношению к целому, это означает, что она участвует в формировании целого и эту ее функцию мы можем рассматривать как ее *смысл* относительно целого»¹¹². Описанная Полани структура «from-to» является общей схемой любого познавательного акта, в соответствии с которой человеческая мысль движется от неявных предпосылок в сторону порождаемой их взаимодействием новой смысловой целостности, являющейся объектом познания.

Полани подчеркивает, что «фокус и периферия сознания являются взаимоисключающими»¹¹³. Содержание периферического сознания может оказаться в фокусе, что сразу меняет его место в структуре знания, лишает прежнего функционального значения и наделяет новым смыслом. Направленность внимания на имплицитное знание является уже совсем иным познавательным актом, меняющим прежнее соотношение данных опыта. Таким образом, содержание периферического сознания не может быть познано субъектом в его изначальном виде, без трансформаций, неизбежно происходящих при попытке сделать его объектом познания.

Видоизменение структуры предшествующего когнитивного акта, вследствие чего периферическое знание лишается своего инструментального значения, отражается и на практике, лишая человека способности совершать хорошо усвоенные действия. Это проявляется в тех случаях, когда человек, сосредоточившись на деталях, помогающих ему совершить некоторое

¹¹¹ Lowney Ch. Op. cit. P. 29.

¹¹² Полани М. Указ. соч. С. 92.

¹¹³ Там же. С. 90.

действие, оказывается не в состоянии его повторить. Однако новый познавательный акт, заключающийся в фокусном познании имплицитных сведений, также опирается на некие неявные предпосылки. А это значит, что, хотя многое из области периферического сознания можно выразить в языке, в любом случае сохраняется неустранимый остаток неявного знания, который поддерживает описанную Полани структуру сознания, имеющую принципиальное значение для понимания всякого познавательного процесса. Этой особенностью человеческого когнитивного аппарата объясняется «неисчерпаемость неявного знания» (*inexhaustibility of tacit knowledge*)¹¹⁴, обусловленная бесконечным многообразием непрерывно сменяющихся друг друга смысловых контекстов.

Как видно из проведенного анализа, в предложенной Полани модели сознания показана роль неявного, неартикулированного знания в познании. Традиционно концепция личностного знания ассоциируется с проблемой неявного знания в познавательной деятельности, в первую очередь, в процессе научного познания. Однако описанная философом науки структура сознания основана на идее равноценности и взаимодополнительности сознания фокусного и сознания периферического, знания рационального, вербализованного и знания неявного, «молчаливого». Неявные установки нашего сознания приобретают свое функциональное значение предпосылок когнитивной деятельности лишь в свете сознательно поставленной субъектом задачи, в контексте той смысловой целостности, которая оказывается объектом фокусного осознания. Неявное знание становится доступным нам только благодаря своим проявлениям в сфере знания явного, вербализуемого и общезначимого. Зачастую в литературе личностное знание отождествляется с неявным знанием. На неправомерность подобной редукции личностного знания к неявному компоненту указывал В.А. Героименко. Он отмечал, что «необъективированное явное знание по-прежнему личностно, поскольку оно все еще "погружено" в ценностно-

¹¹⁴ *Lowney Ch. Op. cit. P. 29.*

смысловую структуру субъективной реальности, внутреннего мира ученого»¹¹⁵. Личностное знание следует понимать шире знания неявного, оно представляет собой сложную систему, в которой наравне со смутно осознаваемыми представлениями сосуществуют выраженное в языке и четких образах знание. Более перспективным представляется изучение не самого по себе так называемого «молчаливого» знания, а его соотношения и взаимосвязи в структуре личностного знания со знанием рациональным и артикулированным. Подобное исследование позволит получить целостное понимание личностного знания и осуществляемой субъектом когнитивной деятельности.

1.2. Применение телесного подхода к познанию в концепции

М. Полани

Важнейшей сферой неявного познания является осознание собственного тела, исполняющего инструментальную роль в постижении окружающей действительности. Данное утверждение раскрывает значение телесности в качестве одного из ключевых факторов познавательного процесса, что находит отражение в актуальном сегодня телесном подходе. Телесные навыки, усвоенные нами в ходе практической деятельности в виде неосознаваемых автоматических действий, являются условиями нашей активности и составляют неотъемлемую сферу личностного знания. Участие телесных навыков в освоении действительности придает познавательному процессу практический характер и перекликается с современной концепцией «enacted cognition», суть которой заключается в том, что «познание осуществляется в действии и через действие. Через действия, двигательную активность формируются и когнитивные способности живого организма как в онтогенезе, так и в филогенезе»¹¹⁶. Телесные навыки определяют всякое совершаемое нами действие и включают в себя то содержание нашего

¹¹⁵ Героименко В.А. Указ. соч. С. 47.

¹¹⁶ Князева Е.Н. Автопоэзис мысли // Вестник Томского Государственного Педагогического университета. 2008. № 1. С. 47.

личностного знания, которое благодаря длительному опыту перешло в сферу подсознания.

Полани дает феноменологическую трактовку человеческой телесности, рассматривая ее в структуре сознания в качестве определенной сферы личностного знания. Телесность, переживаемая на феноменальном уровне, следовательно, не тождественна физическому, пространственно локализованному телу. Ее характеристики не сводятся к его физиологическим особенностям и внешним проявлениям, она преодолевает его границы, включая в себя представления об используемых нами инструментах, имеющих то же функциональное значение по отношению к изучаемым объектам, что и наши отдельные органы. Материальное тело (*corporeality*) оказывается необходимым условием опыта телесности (*embodiment*), но само при этом не является достаточным основанием для последнего¹¹⁷.

Применяемые нами инструменты осознаются точно таким же образом, что и части нашего тела при познании внешней реальности, на периферическом уровне сознания выступая в качестве предпосылок, определяющих взаимодействие с предметами окружающей действительности. Инструмент в структуре личностного опыта «всегда остается "по эту сторону", выступает как часть нас самих, часть оперирующей личности. Мы включаем инструмент в сферу нашего бытия; он служит нашим продолжением. Мы сливаемся с инструментом экзистенциально, существуем в нем»¹¹⁸. Применяемые Полани телесный и феноменологический подходы к познанию представляют человеческую телесность как набор неявных установок сознания, составляющих содержание внутреннего опыта и выступающих важнейшим фактором личностного знания и познавательной деятельности субъекта.

¹¹⁷ *Grosso A. Michael Polanyi Meets Abba Moses: Embodiment, Indwelling, and Interdisciplinarity // 2012 Polanyi Society Annual Meeting Program - <http://www.missouriwestern.edu/orgs/polanyi/2012pprs/2012PSPrg-11-3-12.pdf>. P. 7.*

¹¹⁸ *Полани М. Указ. соч. С. 94.*

Сочетание в концепции личностного знания телесного, системного и феноменологического подходов позволяет обратиться к проблеме взаимосвязи сознания и тела.

Идея об иерархической организованности реальности развивается Полани не только в эпистемологии, применительно к вопросу о структуре сознания, но и в онтологии, где рассматривается в свете проблемы соотношения сознания и тела. В теории Полани «физиологические принципы, управляющие деятельностью организма, выступают "ключевыми моментами и частями" [clues] по отношению к "целому", которым является воплощенный разум [embodied mind]»¹¹⁹. По аналогии с иерархической структурой сознания, само сознание, как целостное образование, можно представить в качестве *смысла*, значения тела¹²⁰, которое, в свою очередь, оказывается набором неявных данных, формирующих содержание опыта и играющих роль предпосылок познавательной деятельности. Подобная точка зрения находит отражение в получившем широкое распространение представлении о телесной природе сознания, в целостном подходе к человеку, рассматривающем его как единое сознание-тело.

Данное положение имеет не только большое теоретическое значение в эпистемологии, позволяя осмыслить познавательную активность субъекта, но также может быть рассмотрено в качестве фундаментальной мировоззренческой установки, реализуемой в практической деятельности, в частности, в медицине. В соответствии с методологическими принципами, лежащими в основе концепции Полани, лечащий врач должен видеть в своем пациенте не просто тело как механизм, а личность, иерархически организованную целостность тело-сознание, наделенную неповторимым личностным опытом. Следовательно, специалисту необходимо не только учесть физиологические изменения в организме больного, но также понять его жизненные установки, в определенной степени отражающиеся на

¹¹⁹ Jha S.R. The Tacit-Explicit Connection: Polanyian Integrative Philosophy and a Neo-Polanyian Medical Epistemology // Polanyiana. 1999. Vol. 8, No 1-2.

¹²⁰ Ibid.

самочувствию и влияющие на процесс лечения¹²¹. Терапевтическая практика определяется личностным опытом и врача, и пациента и является формой их межличностной коммуникации: «Дело в том, что лечение – это не только вмешательство в организм страдающего человека, но и часть жизни (эпизод биографии) как врача, так и пациента, причем их общая часть, которую они проживают, взаимодействуя друг с другом»¹²².

Применение идей Полани к проблемам медицины и биоэтики дает возможность рассмотреть основные эпистемологические положения концепции личностного знания в более широком философско-методологическом контексте, что придает этой концепции значимость для современных междисциплинарных исследований.

1.3. Соотношение субъективного и объективного в структуре личностного знания

Представление Полани о неотъемлемой роли личностного, неявного знания субъекта в научном познании порождает крайне важную для эпистемологии проблему объективности знания. Действительно, если личностный компонент неустраним, то каким образом исследовательская деятельность конкретного человека может привести его к объективному и истинному знанию? Полани пытается преодолеть субъективизм благодаря различению личностного и субъективного. Субъективное, по мнению философа, «всецело обусловлено характером того состояния, в котором находится данная личность»¹²³, то есть отражает исключительно индивидуальные особенности человека и его опыта, не имея никакого отношения к явлениям объективной действительности. В отличие от спонтанных субъективных психических процессов, описанная исследователем ситуация самоотдачи, характерная для настоящих ученых, соединяет в себе как субъективный, так и объективный моменты знания. Дело в том, что подлинно творческая личность с самого начала в своей

¹²¹ Подробнее о применении концепции Полани к проблемам медицины см.: Jha S.R. Op. cit.

¹²² Биоэтика: вопросы и ответы. М., 2005. С. 50.

¹²³ Полани М. Указ. соч. С. 303.

деятельности ориентируется на такие нормы и стандарты, которые воспринимаются ею как внеличные и заранее установленные. Именно благодаря принятию этих общезначимых принципов субъект ведет свой поиск в направлении, которое может привести его к знанию, имеющему объективную ценность.

Подчинение внеличным когнитивным установкам, тем не менее, не устраняет личностного компонента в познавательном процессе. Во-первых, свободный и ответственный человек самостоятельно признает эти принципы в качестве безусловных ориентиров в собственной познавательной деятельности, что, в конечном счете, соответствует его личным устремлениям. К тому же, сознательное подчинение независимым и всеобщим нормам не препятствует проявлению личностных, индивидуальных особенностей человека, оригинальности его мышления, а скорее, способствует этому, позволяя раскрыться различным сторонам человеческой психики и побуждая развивать многие важные когнитивные способности. Благодаря стремлению человека к получению объективного знания его интеллектуальная деятельность не сводится только к спонтанным психическим процессам, но также опирается на аналитические, рациональные способности. Можно даже сказать, что именно через личностное начало осуществляется прорыв к объективности. Именно творческое, нестандартное мышление личности позволяет выявить новые, никому ранее неизвестные грани реальности. Чем более сформировано это начало в человеке, тем более плодотворным будет научный поиск в заданном направлении.

Представление о роли личностных факторов познания, выступающих основой получения объективного знания является способом преодоления классического рационализма, во что бы то ни стало пытающегося исключить субъекта с его эмоциями, этическими установками и эстетическими предпочтениями из анализа познавательной деятельности. Лишь в XX веке с утверждением в философии науки образа неклассического субъекта пришло

осознание, что «субъективность, которую классическая рациональность всячески исключала, оказывается условием понимания объективности»¹²⁴. Более того, концепция личностного знания отражает установки не столько неклассического типа рациональности, утверждающего зависимость описания объекта от средств наблюдения, сколько постнеклассического типа рациональности, принимающего во внимание ценности и предпочтения «участного субъекта ответственности, уникальной личности, которая дает меру и единство миру в ответственном поступке...»¹²⁵. Представление об «участном субъекте ответственности» напоминает о выдвинутой Полани идее личного участия (*personal participation*¹²⁶) ученого в установлении знания.

Таким образом, в концепции личностного знания совершается попытка преодолеть противопоставление субъективного и объективного в познании, благодаря чему раскрывается существующая между ними неразрывная связь. Личностное знание, согласно Полани, «не есть ни субъективное, ни объективное. Поскольку личностное подчинено требованиям, которые оно само признает как нечто от него независимое, оно несубъективно; но поскольку оно есть действие, руководимое индивидуальными страстями, оно и необъективно»¹²⁷. Устремленность к истине дает возможность наиболее полно задействовать многогранный и уникальный личностный опыт, надлежащим образом его организовать в соответствии с поставленной целью, а не ограничиваться в своей познавательной активности лишь случайными проявлениями наиболее простых когнитивных способностей.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что в представлениях Полани объективное и субъективное являются двумя полюсами единого познавательного процесса, совершаемого субъектом. Познавательная деятельность непременно содержит в себе субъективный компонент,

¹²⁴ *Киященко Л.П., Тищенко П.Д.* Гуманитарная экспертиза: герменевтика субъективности // *Личность. Культура. Общество.* 2011. Т. XIII. Вып. 2. № 63-64. С. 161.

¹²⁵ Там же. С. 162.

¹²⁶ *Polanyi M.* *Personal knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy.* L., 1958, 1962. P. 66.

¹²⁷ *Полани М.* Указ. соч. С. 300.

включающий в себя принадлежащие самой познающей личности когнитивные установки. Такая позиция вынуждает отказаться от присущего классической эпистемологии объективизма, пытающегося рассматривать истинные суждения и определяющие их предпосылки независимо от субъекта: «В этом залог освобождения от объективизма — мы должны понять, что последним основанием наших убеждений является сама наша убежденность, вся система посылок, логически предшествующих всякому конкретному знанию»¹²⁸. Точка зрения Полани знаменует собой возникший в середине прошлого столетия кризис объективизма, достигшего апогея в философии логического позитивизма. Этот «кризис объективизма сопровождался осознанием роли субъектного, субъективного фактора в качестве фактора становления изучаемой предметной реальности, в качестве фактора, обеспечивающего научную объективность»¹²⁹. Подобная точка зрения позволяет учитывать активную роль субъекта, являющегося самостоятельным носителем определенных установок познавательной деятельности, воспринимаемых им в качестве универсальных и абсолютных. Сам процесс познания благодаря этому оказывается не чисто объективным процессом, точно отражающим реальность, он также содержит неустранимый субъективный компонент.

1.4. Взаимодействие различных уровней и аспектов психики в процессе личностного познания. Роль подсознательной и внерациональной сфер в познании

Нельзя не отметить, что концепция неявного знания расширяет наши представления о познавательных способностях человека, не сводя их только к работе вербального, фокусного сознания. Понятие периферического сознания отсылает к более глубоким слоям психики, чем привычное нам объектное сознание. Сфера неявного знания включает в себя автоматизмы, в результате длительной практики вытесненные из сознания в подсознание и

¹²⁸ Полани М. Указ. соч. С. 278.

¹²⁹ Метлов В.И. Проблемы взаимоотношения философского и научного (к опытам создания философии науки) // Философия и общество. 2010. № 3. С. 63.

ставшие условиями познавательной деятельности.

Описывая сознание как многоуровневую систему, Полани принимает во внимание не только осознанное, выраженное в языке знание, но и подсознательные факторы когнитивной активности, учитывает роль скрытых процессов, протекающих в психике человека и недоступных ему в явном виде. Признание такого положения вещей приводит к заключению о сложной организации нашей психики и основывающейся на ней когнитивной деятельности, которая заключается в кардинальных структурных изменениях личностного опыта на подсознательном уровне.

Благодаря системному и целостному характеру сознания, объединяющему различные уровни и аспекты человеческой психики, в познавательный процесс вовлекаются не только рациональные интеллектуальные способности, но и внерациональные факторы, отражающие иные стороны личностного опыта и также выступающие неявными предпосылками когнитивной деятельности. Как следствие, неотъемлемыми условиями познания окружающей реальности оказываются эмоциональный настрой субъекта, его ценностные установки, вера в возможность достичь истины. Как показал современный отечественный исследователь В.О. Летов, убеждение выступает у Полани в качестве необходимой предпосылки научного исследования, определяющей направление научного поиска и побуждающей ученого принять ту или иную точку зрения в качестве истинной¹³⁰.

Интеллектуальная страстность (*intellectual passions*) ученого пронизывает познавательный процесс на самых разных этапах¹³¹. Во-первых, интерес исследователя к проблеме и его уверенность в своей способности ее разрешить являются основополагающими стимулами к проведению научного поиска. Во-вторых, эмоциональный настрой лежит в основе отбора фактов и изучаемых проблем, выявляя, какие из них будут для субъекта значимыми и

¹³⁰ Летов В.О. М. Полани о соотношении культуры, науки и религии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 1 (09).

¹³¹ Полани М. Указ. соч. С. 193-252.

заслуживающими внимания. В-третьих, эстетическое переживание красоты и совершенства созданной теории или художественного произведения и сопровождающий творческий процесс эмоциональный подъем оказываются одним из критериев истины, играющим ключевую роль в момент озарения. Конечно, эмоции личности не дают гарантии правильности полученного результата и не выступают последним основанием познавательной деятельности, ученый должен уметь подчинить их некоей объективной логике исследования и культурно-историческим запросам, однако нельзя не признать, что они в значительной степени определяют направление научного поиска.

Эмоции являются не только факторами познавательной деятельности, задающими ее направление, но и неотъемлемыми компонентами самого знания, приобретенного в результате познания. Таким образом, эмоции обогащают и расширяют содержание наших артикулированных представлений о явлениях действительности, наделяют их новыми смыслами, выявляют оригинальные ассоциативные связи и отсылают к глубинным предпосылкам личностного опыта. Исследование роли интеллектуальных страстей в познании выявляет экзистенциальное измерение в эпистемологии.

1.5. Проблема интуиции и творчества в концепции личностного знания

В работах современных исследователей можно встретить точку зрения, согласно которой Полани недостаточно уделял внимание творчеству и процессу порождения новых сущностей: «Используя научное знание в качестве парадигмы для всего человеческого знания, Полани скорее говорит об открытии и решении проблем, чем о творчестве и возникновении нового»¹³². Однако даже если это замечание в целом справедливо, все же нельзя не отметить, что предложенная философом науки схема

¹³² *Hammond P. Personal Knowledge and Human Creativity // Tradition & Discovery: The Polanyi Society Periodical. 2003-2004. Vol. 30, № 2. Pp. 31-32.*

познавательного процесса, продемонстрированная им на примере осуществляемых в математике эвристических актов, содержит в себе потенциал для осмысления феномена творчества, приводящего к появлению принципиально нового, не существовавшего ранее знания. Понятие неявного знания позволяет рациональным способом объяснить явления интуиции и озарения.

Озарение происходит обычно после длительных и безуспешных попыток решить стоящую задачу с помощью хорошо усвоенных рациональных процедур, когда человек в итоге вынужден отказаться от сознательной работы над проблемой. Благодаря нацеленности человека на достижение результата осмысление проблемы не прекращается и переходит в сферу подсознания, где привлекается обширный пласт глубинного личного опыта, различные данные которого выступают неявными предпосылками латентно протекающего мыслительного процесса. В ходе интуитивного поиска нужного решения отдельные моменты личного знания осознаются периферическим образом в свете поставленной задачи, выступающей фокусом сознания. Большую роль на этом этапе играют поглощенность проблемой и вера в возможность ее разрешения, мобилизующие самые разные стороны личного опыта. В итоге любой элемент опыта может оказаться ключом к открытию, порождающим новое целостное видение ситуации: «...фиксируя внимание на фокусе, в котором мы периферийно сознаем данные, определяющие решение задачи, мы формируем концепцию этого решения»¹³³.

Именно новая смысловая целостность, о которой писал Полани, преодолевающая имеющиеся представления и приносящая оригинальное содержание в знание об известных явлениях, может считаться основным продуктом творчества. Применяя схему Полани, можно предположить, что в основе творческой деятельности и интуиции лежат коренные структурные изменения, происходящие с содержанием нашего личного знания,

¹³³ Полани М. Указ. соч. С. 187.

выявляющие новые ассоциативные связи между привычными явлениями действительности и наделяющие их уникальным смыслом.

Чтобы стать общезначимым, однако, приобретенное в результате озарения знание нуждается в концептуализации. Так как озарение происходит вследствие выхода за рамки усвоенных концептуальных схем и проявления недоступного ранее неявного знания, то подлинно эвристический акт характеризуется логическим разрывом, существующим между привычными рациональными представлениями и новым пониманием: «Подлинное открытие не есть строго логический акт, и соответственно препятствия, которые приходится преодолевать при решении задач, можно назвать "логическими разрывами", о величине каковых можно судить по степени изобретательности, требуемой для решения проблемы. В таком случае "озарение" — это скачок, посредством которого преодолевается логический пробел; это прыжок с целью захватить плацдарм на противоположном берегу действительности»¹³⁴. Хотя невозможно полностью вербализовать содержание, определяющее эвристический акт, именно воплощенное в языке знание придает творчеству объективную значимость. Зачастую стремление выразить приобретенный благодаря интуиции опыт порождает новые понятия и образы, а порой и целые теории и художественные произведения, имеющие неповторимую культурную ценность.

Подводя итог всему сказанному, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что концепция неявного знания М. Полани может применяться не только в философии науки для осмысления роли неявного знания в научном познании. Она позволяет более широко представить познавательный процесс и сохраняет свою актуальность для современной эпистемологии и интенсивно развивающихся когнитивных наук. В концепции личностного знания заложены и развиты принципы ставших популярными сегодня подходов к изучению сознания и познания: феноменологического, динамического, теоретико-системного, телесного. Кроме того, данная теория дает

¹³⁴ Полани М. Указ. соч. С. 180.

возможность учитывать разнообразные факторы познавательной деятельности, в том числе внерациональные и неосознаваемые в явном виде. Именно с их помощью можно понять такие сложные феномены когнитивной активности, как интуиция, озарение, кульминационные моменты творчества, связанные с прорывом к новому.

§ 2. Личностный опыт как основа личностного знания

Под личностным опытом понимается духовный мир отдельно взятого человека во всем богатстве его содержания, являющийся продуктом взаимодействия различных психических способностей и воплощающийся в конкретных переживаниях субъекта, наделенных особым личностным смыслом. Этот опыт предстает как непрерывный поток сменяющих друг друга в сознании субъекта переживаний, отражающих всю сложность внутренней жизни человека. Совмещая в себе различные аспекты душевной жизни человека, содержание личностного опыта не редуцируется к содержанию конкретных психических способностей и явлений объективного мира, которые, однако, лежат в его основе.

Следовательно, феноменологический анализ личностного опыта будет неполным без привлечения распространенного в современной эпистемологии системного подхода, в рамках которого получила развитие идея целостности познающего субъекта, единства в нем телесного и духовного, рационального и внерационального, логического и интуитивного, сознательного и бессознательного начал. Как отмечает Е.Н. Князева, «сознание холистично, целостно. Когнитивная архитектура воплощенного разума (отелесненного сознания) сложно организована: в ней переплетены уровень чувств и уровень рационального мышления, вербальное и образное, логика и интуиция, аналитические и синтетические способности восприятия и мышления, локальное и глобальное, аналоговое и цифровое, архаическое и постмодерновое»¹³⁵. Таким образом, психические способности человека

¹³⁵ Бескова И.А., Князева Е.Н., Бескова Д.А. Природа и образы телесности. М., 2011. С. 72.

проявляются не изолированно, а в сложном взаимодействии друг с другом. Идея единства в познании чувственных и интеллектуальных способностей человека и недостаточности аналитического мышления нашла отражение в представлениях о так называемой холистической чувствительности, «чувствознании», «об особых формах психической и духовной чувствительности холистического мировосприятия и мышления»¹³⁶, на высшем уровне обеспечивающих взаимосвязь интеллектуального, эмоционального, духовно-нравственного и эстетического способов постижения действительности.

При таком понимании человеческого сознания вербальное знание неразрывно связано с неартикулированным знанием, внутренними установками субъекта, его эмоциональным настроением, с особенностями телесной организации и т.д. В XX веке стало общепризнанным представление об относительности и обусловленности полученного рациональными средствами знания, его зависимости от внерациональных предпосылок: «В реальной жизни рациональность в смысле осознанного поиска позиции, адекватной действительности, не осуществляется в чистом виде, она охватывает лишь какие-то стороны человеческого мироотношения, переплетаясь с внерациональными его формами»¹³⁷. Абсолютизация каких-то определенных познавательных способностей ведет к одностороннему пониманию реальной теоретической и практической деятельности субъекта.

Как отмечает Т. Метцингер, всеобъемлющая целостность феноменального Я обусловлена тем фактом, что выделяемые в ходе интроспекции аспекты опыта не могут быть адекватно описаны как отдельно существующие элементы системы¹³⁸. Отношения между личностным опытом и лежащими в его основе компонентами, психическими способностями и конкретными переживаниями, можно описывать как отношения части и целого, когда

¹³⁶ Герасимова И.А. Проблема целостности мышления (эволюционно-эпистемологический анализ) // Эволюционная эпистемология. Антология. М.-СПб., 2012. С. 638-639.

¹³⁷ Швырев В.С. Рациональность в современной культуре // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 113.

¹³⁸ Metzinger T. Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity. P. 321.

свойства целого, хотя и образуются на основе свойств частей, но не сводятся к ним и при этом сами наделяют отдельные элементы новыми, эмерджентными свойствами. Следовательно, различные аспекты человеческой психики не существуют независимо от личностного опыта, их невозможно понять без учета тех связей, которые возникают между ними и личностным опытом как целым.

В основе личностного опыта как системы лежит взаимодействие между ней как целостностью и составляющими ее частями. При этом конкретная целостность моего собственного Я характеризуется многообразием внутренних связей, существующих между частями и целым¹³⁹. Под влиянием внешней реальности и в силу внутренней логики собственного развития отдельные компоненты нашего опыта, взаимодействуя друг с другом, непрерывно порождают новые структурные связи, лежащие в основе нашего опыта. Наш личностный опыт представляет собой иерархически организованную систему, и благодаря своему динамическому характеру он оказывается чрезвычайно гибким, что, в свою очередь, дает человеку возможность легче и быстрее приспосабливаться к изменчивой действительности.

Таким образом, ситуативность личностного опыта неразрывно связана с его динамическим характером. Окружающая реальность постоянно меняется, человек получает новую информацию, которая встраивается в наличную систему личностного знания, вынуждая ее в ответ видоизменяться. Новое знание, оказываясь в контексте личностного опыта, порождает новые смыслы, которые, однако, сохраняют преемственность с прошлым содержанием. Современный отечественный исследователь Б.Г. Юдин предлагает использовать для описания структуры объяснения-понимания понятие, близкое к введенному советским психологом А.Н. Леонтьевым понятию личностного смысла, но понимаемое не в психологическом плане, а как усвоение нового для познающего субъекта знания, которое при этом

¹³⁹ Metzinger T. Op. cit. P. 322.

вступает в определенные содержательные связи с уже наличествующим у данного субъекта знанием¹⁴⁰. Подобная трактовка личностного смысла указывает на системный и контекстуальный характер личностного знания, содержание которого определяется структурной взаимосвязью его отдельных компонентов. Личностное знание представляет собой целостную систему, включение в которую нового знания приводит к постоянному порождению новых личностных смыслов. Следовательно, личностный опыт правильнее понимать не как некую данность, а как непрекращающийся процесс конструирования и трансформации личностных смыслов, личностного знания, адаптации его к переживаемой ситуации.

При такой трактовке понятия личностного опыта личностное знание скорее оказывается не совокупностью неизменных и однозначных представлений и суждений субъекта о мире, а набором неких глубинных когнитивных предпосылок, основополагающих личностных смыслов, определяющих индивидуальный способ восприятия действительности. Эти фундаментальные мировоззренческие установки, формирующиеся уже в первые годы жизни человека, проявляются на протяжении всей жизни человека, порождая целостную картину мира, которая постоянно приобретает новое содержание под влиянием изменчивой реальности и вследствие этого непрерывно видоизменяется. Таким образом, личностное знание – это не только система наличного, готового знания, но это все то неисчерпаемое богатство смыслов, которые потенциально способна обнаружить данная личность в окружающем ее мире. Если использовать терминологию современного физика А.Д. Линде, личностный опыт можно назвать своеобразным когнитивным «Мультимиром (multiverse)», содержащем в себе «много возможностей»¹⁴¹ понимания мира конкретным индивидом. Далеко не все из этих возможностей реализуются в жизни

¹⁴⁰ Юдин Б.Г. Объяснение и понимание в научном познании // Вопросы философии. 1980. № 9. С. 56.

¹⁴¹ См.: Кузнецов В.Ю. Указ. соч. С. 43.

человека, однако все они в своей совокупности образуют творческий потенциал личности.

В связи с ситуативным характером личностного опыта вполне уместно сказать о получившей сегодня достаточно широкое распространение концепции «ситуативного познания» (*situated cognition*), согласно которой познавательная деятельность в значительной степени определяется природным, культурным и социальным контекстами. Одним из первых, кто осознал роль контекста в познании, был психолог К. Бюлер, разработавший «теорию окрестности»: «Не нужно быть специалистом, дабы понять, что важнейшая и наиболее значимая окрестность языкового знака представлено его контекстом; единичное являет себя в связи с другими себе подобными, и эта связь выступает в качестве окрестности, наполненной динамикой и влиянием»¹⁴². Однако, как мне представляется, основополагающим когнитивным контекстом выступает именно личностный опыт человека, «индивидуальный смысловой контекст, представляющий собой систему взаимосвязанных смысловых единиц»¹⁴³. Именно непосредственно в индивидуальном смысловом контексте происходит любой познавательный акт, осуществляемый субъектом. Социальная реальность является лишь одним из факторов формирования многогранного личностного опыта и может рассматриваться как один из его аспектов, существующий наряду с другими (физическим, биологическим и др.).

Сам личностный опыт, разумеется, опосредован в значительной степени социальной реальностью, является продуктом социокультурного влияния. Однако понимание данного феномена как процесса, интегрирующего различные стороны человеческого бытия в новую целостность, благодаря чему отдельные способности и представления приобретают новый смысл, вынуждает признать, что содержание личностного опыта не сводится полностью ни к каким внешним факторам, формирующим его.

¹⁴² Цит. по: *Касавин И.Т.* Указ. соч. С. 184.

¹⁴³ *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и методология. М., 1998. С. 205.

Представления, существующие в определенной социальной среде, оказываясь в уникальном контексте индивидуального опыта, могут получить совершенно иное звучание: «Люди всегда вкладывают в универсалии культуры свой личностный смысл соответственно накопленному опыту. В результате в их сознании картина человеческого мира обретает личностную окраску и выступает в качестве индивидуального мировоззрения»¹⁴⁴.

Для описания взаимосвязи знания общезначимого и знания индивидуального современный отечественный исследователь В.С. Степин предложил следующую идеализированную модель: весь культурно-исторический опыт можно уподобить воображаемой «ленте культуры», на которой записаны все выработанные человечеством «социокоды». Опыт отдельного человека при такой аналогии можно представить в качестве «индивидуальной информационной ленты», на которой, в свою очередь, будет храниться вся субъективно значимая информация конкретной личности. Эти две «ленты» постоянно взаимодействуют друг с другом: с одной стороны, информация из культуры перекодируется на «индивидуальную ленту» в ходе обучения и воспитания индивида; с другой стороны, прирост информации на «ленте культуры» происходит за счет перекодировки новой информации, добытой тем или иным субъектом в процессе творческой деятельности¹⁴⁵. Подобная модель позволяет показать соотношение знания общезначимого и знания индивидуального, сохранив при этом их независимый статус как двух самостоятельных видов знания. Личностное знание предстает как совокупность всей информации, записанной на «индивидуальной ленте», с той лишь оговоркой, что понимание знания как информации, фиксируемой с помощью неких кодов, ограничивает содержание опыта сферой рационального, вербализованного знания и не позволяет учесть знание неартикулируемое и нерелексируемое.

¹⁴⁴ Степин В.С. *Философская антропология и философия науки*. М., 1992. С. 44.

¹⁴⁵ Там же. С. 27-29.

Приведенная в данном параграфе общая характеристика личностного опыта и личностного знания как самостоятельного вида знания может стать основой решения частных эпистемологических проблем: проблемы генезиса личностного знания в процессе становления личности, проблемы взаимосвязи личностного знания и самосознания, проблемы личностного знания в творчестве.

§ 3. Развитие личностного знания в процессе становления личности: современное звучание концепции Ж. Пиаже

3.1. Применение генетического подхода к изучению процессов восприятия и мышления

Представление о динамическом и конструктивном характере личностного опыта и основанного на нем личностного знания порождает проблему возникновения и развития индивидуальных когнитивных структур на протяжении жизни человека. В качестве основы для подобного анализа будет выступать генетическая эпистемология Ж. Пиаже, являющаяся, пожалуй, самой известной концепцией, исследующей генезис интеллектуальных способностей у ребенка. С помощью данной концепции можно попытаться выяснить, какие механизмы лежат в основе формирования личностного знания в онтогенезе, какое место это знание занимает в общей структуре знания и в творческой деятельности, какую роль оно играет на разных этапах развития, как соотносится с общезначимыми представлениями.

Швейцарский психолог Ж. Пиаже, основоположник конструктивистского направления, рассматривал имеющиеся у субъекта познавательные схемы как продукт сложного и неоднозначного взаимодействия предшествующего опыта и настоящего момента: «Это взаимоотношение между настоящим и прошлым можно уточнить, сказав, что равновесие достигается тогда, когда все прошлые схемы включены в настоящие и когда, следовательно, интеллект может с равным успехом реконструировать схемы прошлого при

помощи настоящего, и наоборот»¹⁴⁶. В процессе этого взаимодействия сформированные ранее представления и схемы не просто применяются к изучаемому явлению в неизменном виде, а в свете получаемых фактов преобразуются и наделяются новым смыслом. Следовательно, не только опыт как целое определяет то неповторимое содержание, которое конкретные факты имеют в индивидуальном сознании, но и каждое новое переживание человека, в свою очередь, вносит нечто новое в привычные представления и выявляет оригинальные связи между известными явлениями, постепенно трансформируя и сам опыт. Как нынешнюю ситуацию нельзя рассматривать без учета всего предшествующего опыта, влияющего на ее восприятие конкретным субъектом, так и сам этот опыт не может быть понят надлежащим образом, если не принимать во внимание тех постоянных изменений, которые он претерпевает в процессе непрерывного освоения действительности. Следовательно, целостный личностный опыт сохраняет свою устойчивость лишь при условии непрекращающихся преобразований, происходящих под воздействием новых фактов.

Пиаже передал двойственный характер познавательного процесса с помощью терминов ассимиляции и аккомодации: если понятие ассимиляции подчеркивает преемственность и целостность предшествующего опыта, включающего приобретаемое знание в качестве одного из своих элементов, то благодаря термину «аккомодация» делается акцент на трансформации когнитивных схем, неизбежно происходящей при столкновении с незнакомыми прежде явлениями окружающей реальности. Под ассимиляцией Пиаже понимает *«интеграцию новых объектов или новых ситуаций и событий в предшествующие схемы»*¹⁴⁷. Аккомодацией, соответственно, является обратный процесс изменения схем при включении нового знания, процесс преобразования лежащих в их основе структурных связей.

¹⁴⁶ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969. С. 122-123.

¹⁴⁷ Пиаже Ж. Схемы действия и усвоение языка// Семиотика. М., 1983. С. 133.

Таким образом, ключевую роль в процессе мышления играют не столько конкретные представления субъекта сами по себе, сколько те структурные связи, которые определяют место изучаемого явления в системе всего личностного опыта и обеспечивают тем самым целостное понимание данной ситуации. На это в свое время указывали представители гештальт-психологии, в частности, М. Вертгеймер: «Короче говоря, прошлый опыт играет очень большую роль, но важно, *что* мы извлекли из опыта — слепые, непонятные связи или понимание внутренней структурной связи»¹⁴⁸.

Все вышесказанное подчеркивает важность применения к эпистемологической проблематике генетического и системного подходов. В частности, на динамический и активный характер восприятия и мышления неоднократно указывал Пиаже: «Сложившийся и развитый умственный опыт является воспроизведением в мысли не реальности, а действий или операций, направленных на эту реальность, и проблема генезиса этих действий или операций продолжает существовать в полном объеме»¹⁴⁹. На познавательный процесс влияет не только постигаемая объективная реальность, но и когнитивные принципы, определяющие активную позицию субъекта. Изучение происхождения и генезиса этих принципов поможет вскрыть глубинные основания познавательной деятельности, коренящиеся в многогранном опыте субъекта. Последовательное развитие динамического подхода побуждает Пиаже признать ограниченность предшествующих концепций, не принимающих во внимание генетического и конструктивного факторов и представляющих систему психики как неизменную целостность¹⁵⁰. Систему представлений и принципов мышления субъекта следует понимать не как данность, а скорее как процесс, как непрерывный поток преобразующихся друг в друга личностных смыслов.

Естественно предположить, что формирование и развитие мышления любого человека подчинено неким всеобщим закономерностям,

¹⁴⁸ Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987. С. 93

¹⁴⁹ Пиаже Ж. Избр. психол. тр. С. 149.

¹⁵⁰ Там же. С. 123.

определяющим особенности человеческого интеллекта вообще. Именно выявлению этих закономерностей и посвящено исследование Пиаже. В результате теоретического осмысления достаточно большого количества экспериментов, проводившихся с детьми дошкольного возраста, психолог выделил следующие стадии развития интеллекта, по очереди возникающие после появления сенсо-моторного интеллекта у новорожденного:

- 1) стадия символического и допонятийного мышления (от 1,5 до 4 лет);
- 2) стадия интуитивного (наглядного) мышления (от 4 до 7-8 лет);
- 3) стадия формирования конкретных операций (с 7-8 до 11-12 лет);
- 4) стадия развития формального мышления (с 11-12 лет и в течение всего юношеского периода)¹⁵¹.

В связи с этой общей характеристикой генезиса интеллектуальных способностей человека возникает вопрос о роли личностных факторов в данном процессе. Хотя описанные этапы, по мнению Пиаже, универсальны для всех людей, в онтогенезе, как уже говорилось, взаимодействуют разнообразные аспекты личностного бытия. Этим объясняется актуальность вопроса о роли личности и базирующегося на ее уникальном опыте знания в образовании «операциональных группировок мышления». Тезис о целостности личностного опыта как основы всякого переживания и действия человека ставит перед исследователями задачу изучить те реальные когнитивные механизмы, которые раскрывают в познавательном акте этот опыт во всем многообразии его проявлений. Данную проблему можно попытаться решить с помощью ряда более конкретных вопросов: какова доля личностного знания в наших целостных концептуальных схемах, какое значение оно имеет на разных стадиях развития мышления, каким образом различные особенности личности и ее непосредственного окружения определяют познавательные установки, какова взаимосвязь самосознания и

¹⁵¹ Пиаже Ж. Избр. психол. тр. С. 177.

мышления в онтогенезе? Ответы на эти вопросы помогут выявить динамический, эволюционно-эпистемологический аспект личностного знания.

2.2. «Эгоцентрическое» мышление ребенка как основа личностного знания

Детально рассматривая речь и мышление ребенка от четырех до семи лет, Пиаже характеризует их как «эгоцентрические», в отличие от социализированных речи и мышления взрослого человека. На ранних стадиях развития в наибольшей степени проявляются субъективизм и произвольность человеческого мышления, неспособность оперировать в достаточной степени всеобщими логическими принципами, отражающими объективную действительность: «Эгоцентризм — это отрицание объективной ситуации, следовательно, логического анализа. Он, напротив, влечет за собой субъективный синтез»¹⁵². Пожалуй, именно в дошкольном возрасте складываются индивидуальные, личностные установки, не ограниченные еще общепринятыми представлениями, усваиваемыми в процессе дальнейшей социализации, но проявляющиеся также и в творчестве взрослой личности. Содержание мышления ребенка на данной стадии является основой складывающейся в будущем системы личностного знания. И.А. Бескова предлагает рассматривать эгоцентрическое мышление детей как «этап на пути перехода от коммуникативного мышления (наиболее рано формирующегося типа мышления, обусловленного специфически человеческой практикой передачи информации в процессе вербальной коммуникации) к "личностному"»¹⁵³.

Пиаже выделяет следующие черты детского эгоцентрического мышления: 1) недискурсивный, интуитивный характер мысли; 2) употребление образных схем и 3) схем аналогии. Эти три качества, по мнению исследователя, характеризует явление синкретизма мысли. К перечисленным признакам

¹⁵² Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1999. С. 130.

¹⁵³ Бескова И.А. Как возможно творческое мышление? М., 1993. С. 124-125.

эгоцентрической мысли Пиаже предлагает добавить веру и убежденность, благодаря которым субъект не считает нужным прибегать к доказательству¹⁵⁴. Таким образом, восприятие и мышление ребенка целостны, они осуществляются с помощью «индивидуальных и произвольных схем целого», заменяющих собой логическое обоснование. В основе формирования целого лежит способность ребенка случайно, в силу его индивидуальных особенностей и своеобразия непосредственного окружения, выделять из неразличимой массы чувственных данных, служащей фоном его познавательной деятельности, некоторые подробности, вокруг которых и структурируется целостные познавательные схемы¹⁵⁵. Выбор деталей, составляющих основу формирующейся целостности, носит произвольный характер, и они могут показаться взрослому человеку малозначащими и вовсе не заслуживающими внимания. Однако именно способность замечать то, что игнорируется большинством людей, определяют альтернативное видение окружающей реальности и позволяют раскрывать новые необычные грани действительности, делая в конечном счете возможным оригинальное, творческое мышление.

Мир, в котором живет ребенок, с одной стороны, произволен, поскольку не подчиняется общезначимым рациональным принципам мышления, но, с другой стороны, упорядочен субъективными представлениями, внутренней логикой самого ребенка: «В этом отношении действительность для ребенка одновременно и более произвольна, и более урегулирована, чем для нас. Она более произвольна, потому что нет ничего невозможного и ничто не подчиняется законам причинности... Дети, как и первобытные люди, совершенно произвольно допускают существование намерений там, где их нет, но никогда не допускают случайности; значит, их действительность более урегулирована»¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. С. 105.

¹⁵⁵ Там же. С. 125.

¹⁵⁶ Там же. С. 169.

Пиаже указывает на наличие сходства, существующего между мышлением ребенка и мировосприятием первобытного человека, также упорядочивающего мир с помощью собственной, подчас непостижимой для современного человека логики. Исследователи в области эволюционной эпистемологии зачастую проводят аналогию между развитием познавательных способностей в онтогенезе и филогенезе. Анализ детского мышления, таким образом, может, помимо всего прочего, позволить вскрыть глубинные когнитивные механизмы, которые определили возникновение и развитие человеческого интеллекта в процессе биологической эволюции и антропогенеза. Как отмечают специалисты в области эволюционной эпистемологии, восприятию и мышлению древних людей, подобно восприятию и мышлению детей, присущи образность, синкретизм и интуитивный характер. Эти черты находят отражение в перцептивном сознании первобытного человека, обусловленном доминированием на ранних стадиях филогенеза правого полушария мозга: «Наше перцептивное сознание фундаментально в том смысле, что только при его наличии и наличии перцептивного самосознания возможно формирование и функционирование более высокоуровневого символического (вербального) сознания. Именно перцептивное сознание первоначально формируется в ходе когнитивного развития ребенка...»¹⁵⁷.

Перцептивное мышление детей, как и первобытных людей, в силу неразвитости аналитических, обусловленных работой левого полушария способностей, носит спонтанный, ситуативный характер. Знание ребенка является результатом непосредственного реагирования на наличную ситуацию. Таким образом, интуицию, лежащую в основе мышления ребенка дошкольного периода, характеризует не только эгоцентризм, но и «феноменалистическая» установка сознания, направленная на конкретную ситуацию и рассматривающая ее вне контекста всей психической жизни индивида: «Интуиция остается феноменалистической (ибо имитирует

¹⁵⁷ Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П. Феномен сознания. М., 2010. С. 99-100.

контуры реальности, не корректируя их) и эгоцентрической (ибо постоянно центрирована в соответствии с актуальным действием). Следовательно, ей не хватает равновесия между ассимиляцией объектов в схемы мышления и аккомодацией этих схем к реальной действительности»¹⁵⁸. Восприятие и мышление ребенка являются процессами спонтанного применения сформированных ранее объяснительных схем к новым явлениям действительности, без попытки привести эти схемы в логическое соответствие с полученными фактами. В результате интерпретация реальности детьми нередко носит случайный и неожиданный характер, не укладываясь в рациональные представления взрослых и расширяя тем самым познавательные способности человека.

Не выработав еще рациональных познавательных принципов, позволяющих систематизировать и логически упорядочить опыт и разрозненные представления, ребенок не способен также сформировать целостный и устойчивый образ своего Я, воплощающего особенности его мировоззрения, основополагающие ценности и установки сознания. Следовательно, у детей дошкольного возраста, несмотря на ярко выраженный субъективизм их мышления, самосознание еще не развилось в зрелые формы, не превратилось в рефлексию. Ребенок обладает лишь простейшим самосознанием, связанным с непосредственной включенностью в конкретную ситуацию, наличием личностного содержания в любом переживании.

Оказываясь не в состоянии критически, отстраненно, с помощью рациональных принципов посмотреть на существующее положение вещей, постигая внешнюю реальность интуитивно, дошкольник абсолютизирует собственное видение действительности, понимая его как единственно возможное. Ребенок включен в воспринимаемую им ситуацию, не обладая способностью провести четкую границу между миром субъективных представлений и миром объективных данностей. Слияние человека с

¹⁵⁸ Пиаже Ж. Избр. психол. тр. 158.

окружающей реальностью, характерное для данного этапа развития и обусловленное неумением вычлнить себя как носителя познавательных установок, связано также с непризнанием существования чужих равноправных точек зрения¹⁵⁹.

Таким образом, хотя о ребенке дошкольного периода нельзя говорить как о полноценной личности, обладающей сформировавшимися устойчивыми представлениями о себе и об окружающем мире, тем не менее именно в этом возрасте закладывается основа личностного знания, которое в дальнейшем будет определять мировосприятие человека и его творческие способности.

§ 4. Роль личностного знания в самосознании.

Поскольку личностное знание пронизывает различные уровни психики человека, становится ясным, почему данное знание имеет огромное значение в самоопределении личности. А это, в свою очередь, делает очевидной ту роль, которую личностное знание играет в самосознании человека. Именно личностное знание является основой осознания себя в этом мире в качестве самостоятельной личности, приносящей в знание о мире собственное уникальное содержание. Более того, сами представления человека о собственном Я, его Я-образы оказываются важнейшей сферой личностного знания, являющейся результатом индивидуального развития. Таким образом, знание о себе является неотъемлемым компонентом системы личностного знания, который в значительной степени определяет познавательный процесс в целом и отражается на конкретных представлениях об окружающих объектах, на ценностях субъекта и его поведении. С другой стороны, само личностное знание и основывающиеся на нем когнитивные установки сказываются на самосознании человека.

В данном параграфе предполагается провести эпистемологический анализ, нацеленный на обоснование и раскрытие тезиса о тесной связи личностного знания и самосознания, на установление того значения самосознания,

¹⁵⁹ Труфанова Е.О. Единство и множественность Я. М., 2010. С. 122-123.

которое оно имеет в структуре познавательной деятельности. Будет рассмотрен вопрос, как личностное знание проявляется в самосознании, какую роль играет в формировании образа Я, какое место образ своего Я занимает в системе личностного знания. Такое исследование призвано показать взаимосвязь, существующую между самосознанием и познанием окружающей действительности, что, в свою очередь, даст возможность выявить эпистемологическое содержание понятия самосознания. Решив эти проблемы, можно предложить собственную трактовку феномена самосознания, согласующуюся с тенденциями современной эпистемологии к целостному пониманию феноменов действительности.

4.1. Понятие самосознания в философии и психологии. Конструктивистский и нарративный подходы к самосознанию.

В первую очередь, необходимо представить ту трактовку понятия самосознания, которая является наиболее распространенной в современной философии, а также в психологической науке. В философии самосознание понимается как «важнейшая характеристика сознания», как особый вид познания, направленный на самого субъекта и делающий его объектом, и представляет собой «осознание субъектом самого себя: состояний своего тела, фактов сознания, своего Я (внешнего вида, особенностей личности, системы ценностей, предпочтений и стремлений). В некоторых случаях самосознание включает в себя самооценку»¹⁶⁰. Что касается психологии, то здесь, как правило, при осмыслении феномена самосознания акцент делается на рефлексии, вырабатывающей устойчивый и обобщенный образ своего Я, благодаря которому из потока непосредственно данного опыта в словесной форме вычленяются наиболее существенные характеристики самой личности. В целях детального научного описания самосознания вводится

¹⁶⁰ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 168.

понятие *Я*-концепции, выделяются уровни и стадии самосознания, вскрываются рациональные механизмы этого процесса¹⁶¹.

Как понимается процесс самосознания при подобной трактовке, можно увидеть, в частности, на основе работы советского психолога И.И. Чесноковой «Проблема самосознания в психологии». Данный исследователь показывает, что образ своего *Я* формируется из отдельных единичных, ситуативных образов путем выделения в них устойчивых и обобщенных характеристик личности и выражается в соответствующем понятии о себе¹⁶². При таком понимании самосознание выступает как самостоятельная интеллектуальная способность, заключающаяся в концептуализации собственных представлений и абстрагировании от конкретных переживаний в соответствии с некими общепринятыми нормами и установкой на сущностное познание. Данная трактовка самосознания вполне согласуется с конструктивистским подходом в современной эпистемологии. Согласно социальному конструктивизму, или социальному конструкционизму, как его предлагает обозначать современный отечественный исследователь Е.О. Труфанова, образ своего *Я* является продуктом активной конструктивной деятельности субъекта, включенного в определенные коммуникативные, социокультурные практики.

Социальная реальность в значительной степени влияет на процесс концептуализации представлений о самом себе, определяя способ их структурирования в завершенном образе: «*Я*, таким образом, - не нечто самоочевидное, дающееся с несомненностью в акте самосознания, а нечто, создаваемое в процессе отношения к себе в конкретных социально-культурных условиях, и только в этих условиях существующее»¹⁶³. Разумеется, этот рациональный образ *Я* имеет огромное значение в жизни человека. Поскольку при таком понимании процесс самосознания является продуктом социальных практик, он включает в себя определенный способ

¹⁶¹ См., к примеру: Столин В.В. Самосознание личности. М., 1983; Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977.

¹⁶² Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. С. 99.

¹⁶³ Лекторский В.А. Указ. соч. С. 169.

адаптации к окружающей действительности, оказывается основой взаимодействия людей, определяет нормы и ценности, играет роль «детерминирующего фактора, заставляющего человека выбирать ту или иную линию поведения на относительно длительный срок»¹⁶⁴.

Согласно конструктивистскому подходу и нарративной концепции, *Я* выступает продуктом определенных дискурсивных практик и персонажем различных жизненных историй, нарративов, которые он сам и окружающие его люди рассказывают. Благодаря само-нарративу (self-narrative) отдельные *Я*-образы обобщаются в целостном, завершенном представлении о самом себе, выявляющем наиболее устойчивые и существенные черты личности, о чем в свое время писала И.И. Чеснокова. Само-нарратив в конечном счете определенным образом систематизирует и концептуализирует наш опыт, «увязывает все события нашей жизни в единую систему, подобную логично построенной истории»¹⁶⁵. В своей активности любой из нас ориентируется на мировоззренческие и ценностные установки и на представления о самом себе, содержащиеся в подобных повествованиях. При общении с другими людьми каждый человек так или иначе учитывает мнения окружающих о нем и в соответствии с этим корректирует свое поведение. Многие поступки, таким образом, совершаются под влиянием наших жизненных историй, услышанных от других людей или придуманных нами самими. Следовательно, нарратив оказывается важным фактором, формирующим личность и ее мировоззрение, а также определяющим ее практическую деятельность.

4.2. Личностный опыт и личностное знание как основа самосознания.

Хотя в конструктивистских и постмодернистских подходах делается акцент на множественности *Я* и отстаивается идея о распаде и утрате человеком своего *Я* в современном мире, для Е.О. Труфановой принципиальное значение имеет единство *Я*, обеспечивающее

¹⁶⁴ Чеснокова И.И. Указ. соч. С. 99.

¹⁶⁵ Труфанова Е.О. Единство и множественность *Я*. М., 2010. С. 176.

преимущество опыта. Как представляется, с учетом присущей неклассической философии тенденции исключать из объяснительных схем субстанциальные начала, одним из способов решения проблемы единства и множественности *Я* оказывается феноменологический анализ личностного опыта, рассматриваемого как основа личностного знания и представляющего собой сложное системное и динамичное образование. Как отмечает современный датский исследователь Д. Захави, нарративный, или герменевтический, подход к проблеме *Я* обязательно должен быть дополнен эмпирическим, или феноменологическим, подходом: «Чтобы начать само-нарратив, повествователь должен быть способен проводить различие между *Я* и не-*Я*, приписывать себе действия и переживания и говорить о себе при помощи местоимения первого лица. Все это предполагает, что рассказчик обладает "перспективой от первого лица" (first-person perspective)»¹⁶⁶. Пожалуй, именно личностный опыт как непосредственно данный феноменальный опыт конкретного человека объединяет различные *Я*-образы и не приводит к распаду личности на отдельные жизненные сюжеты.

Идея личностного опыта как многогранной реальности, включающей разные слои психики и различные стороны бытия человека, предполагает широкое понимание феномена самосознания, несводимого только к рефлексии, нарративу. Некоторые философы полагают, что воплощенное в рациональной форме индивидуальное *Я* является только продуктом рефлексии и не существует до ее начала. Так, Ж.-П. Сартр полагал, что *Я* не выражает подлинной природы сознания: «Действительно, сознание *Я*, которое я имею, никогда его не исчерпывает, и не оно также вызывает его существование; оно всегда дается как *бывшее* здесь перед сознанием и в то же время как обладающее глубинами, которые должны раскрываться постепенно. Таким образом, Эго появляется для сознания как трансцендентное в-себе, как существующее в человеческом мире, а не как из

¹⁶⁶ Zahavi D. Subjectivity and Selfhood: Investigating the First-Person Perspective. MIT, 2005. P. 114.

сознания»¹⁶⁷. Однако всякое знание о мире предполагает неотрефлексированное представление о самом себе как субъекте познания, включает ценности и установки, определяющие идентичность человека. Согласно современному отечественному исследователю В.А. Лекторскому, любое познание субъекта сопровождается самосознанием, то есть неявным знанием о себе самом, тем и отличающимся от сознательной рефлексии¹⁶⁸. В каждое представление о действительности привносится личностное содержание, которое отражает особенности индивидуального мировоззрения. Данное положение вещей можно представить с помощью предложенной М. Полани дихотомии фокуса и периферии сознания. На периферии сознания находятся те личностные установки, которые наделяют уникальным смыслом познавательный процесс и определяют в значительной степени получаемый результат.

Именно личностное знание оказывается источником нашей индивидуальности, выражая неповторимый опыт каждого человека. Личностный опыт, обеспечивающий единство личностного знания, также обуславливает и единство *Я*, сохраняющего свою идентичность в разных ситуациях, в разных дискурсах. Ввиду динамического характера личностного опыта идентичность человека обеспечивается за счет постоянных преобразований системы личностного знания и приспособления ее к изменчивой реальности. Этот процесс имеет двусторонний характер: с одной стороны, уникальный опыт привносит оригинальное содержание в ассимилируемые им явления окружающего мира; с другой стороны, новая информация, включаясь в систему личностного знания, приводит к непрерывной перестройке самого опыта, его развитию. Идентичность человека – это то устойчивое ядро в человеке, которое поддерживается благодаря неизменной способности воспринимать свой опыт «от первого лица». Однако содержание этого опыта «от первого лица» постоянно

¹⁶⁷ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М., 2000. С. 135.

¹⁶⁸ Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980. С. 259.

трансформируется, поэтому сохраняется идентичность лишь путем непрекращающихся изменений, происходящих с личностным опытом и раскрывающих в нем новые грани. Человек вынужден постоянно пересматривать отношение к себе, в новой ситуации обнаруживая в самом себе нечто неизведанное.

Личностные смыслы, выступающие в качестве предпосылок всякой познавательной деятельности и в то же время лежащие в основе нашего самосознания, в дальнейшем могут быть концептуализированы, обобщены и, как следствие, включены в заверченный *Я*-образ. Однако рефлексия всегда является шагом, следующим за непосредственным переживанием, тем самым видоизменяя его и встраивая в определенный дискурс. Упомянутый ранее исследователь Д. Захави отстаивает идею первичности *Я*, данного в опыте (the experiential self), по отношению к *Я* нарративному: «Понятие *Я*, вводимое нарративной моделью, оказывается не только гораздо более сложным, оно также зависит в феноменологическом и онтологическом планах от *Я*, данного в опыте (the experiential self). Только с помощью овладения перспективой от первого лица (first-person perspective) можно понять античное изречение «Познай самого себя»; только благодаря перспективе от первого лица можно рассматривать свои собственные цели, идеалы и стремления именно как свои собственные и рассказывать о них историю»¹⁶⁹.

На основе всего сказанного можно заключить, что рефлексия, нарратив являются способом вычленения из неисчерпаемого личностного опыта определенного содержания и обобщения его с помощью языковых средств в концептуальном *Я*-образе. Рефлексия, таким образом, всегда ограничивает наш опыт, выделяя лишь те его моменты, которые в наибольшей степени помогают индивиду адаптироваться в конкретной социокультурной среде. Устойчивые представления о себе не могут в полной мере выразить изменчивый и многогранный опыт человека. Еще В. Дильтей в своей работе

¹⁶⁹ Zahavi D. Op. cit. P. 129.

«Построение исторического мира в науках о духе» отмечал, что «любое такое опредмечивание переживания схватывает лишь одну сторону психической действительности»¹⁷⁰. На основе этого философ делает вывод, что «ошибка психического постижения заключается, прежде всего, в иллюзорной надежде до конца исчерпать все содержание переживаний, двигаясь при образовании понятий в каком-то одном направлении»¹⁷¹.

Вот почему Е.О. Труфанова придает такое значение стремлению современного человека создавать как можно больше *Я*-образов, с помощью которых он пытается с разных сторон, в разных дискурсах передать свой многогранный личностный опыт¹⁷². Можно предположить, что именно целостность и многогранность личностного опыта обеспечивают целостность и многогранность *Я*: конкретный *Я*-образ фиксирует лишь определенный аспект опыта, соответствующий данной ситуации, а объединенные в завершённую *Я*-концепцию образы наиболее полно выражают этот опыт во всем богатстве его проявлений.

Труфанова показывает, что многообразие *Я*-образов, кроме того, позволяет сформировать наиболее полную картину окружающего мира, отдельные фрагменты которой увидены с различных *Я*-позиций¹⁷³. Это, в свою очередь, поднимает важную проблему соотношения и взаимодействия нашего *Я*-образа, самосознания человека и индивидуальных знаний о внешней действительности. Как утверждает Труфанова, познание объективного мира в значительной степени определяется той *Я*-позицией, которую человек занимает по отношению к окружающей реальности. Пожалуй, именно понятие личностного знания позволяет понять взаимосвязь, существующую между самосознанием и познанием объективной действительности. Личностное знание может быть понято как связующее звено между знанием о себе и знанием о мире, субъектом как

¹⁷⁰ Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // Собрание сочинений: В 6 томах. Т. 3. М., 2004. С. 74.

¹⁷¹ Там же. С. 75.

¹⁷² Труфанова Е.О. Указ. соч. С. 226-227.

¹⁷³ Там же.

носителем когнитивных установок и объектом его познавательной деятельности. С одной стороны, именно личностное знание лежит в основе нашей индивидуальности, нашего самосознания, отражая уникальный способ восприятия мира. С другой стороны, любое представление о реальности, возникающее в сознании конкретного субъекта, может расцениваться как личностное знание, включенное в индивидуальный опыт и благодаря этому получающее особую, личностную окраску.

Как уже говорилось, самосознание в качестве неявного осознания себя в качестве субъекта познавательной деятельности, носителя определенных когнитивных установок неизменно сопровождает всякий познавательный акт. Таким образом, самосознание является не неким самостоятельным, независимым типом познания, а оказывается неотъемлемым компонентом любого познавательного процесса, отражая специфику индивидуального познания. В.А. Лекторский предлагает различать «нечетко выраженные формы самосознания, сопровождающие течение всех психических переживаний и являющиеся условием их контролирования, и рефлексию как высшую форму самосознания»¹⁷⁴. Представление о самосознании как особом виде познания, формирующем четкие представления о себе, отражает суть рефлексии, являющейся наиболее развитой формой самосознания, вычленяющей устойчивые характеристики личности и вписывающей их в определенный дискурс.

4.3. Проблема интроспекции

Неисчерпаемость личностного опыта, его динамический и ситуативный характер, существование различных форм самосознания поднимают проблему возможности адекватного постижения внутреннего мира, проблему интроспекции как способа самопознания. Интроспекция как специальный метод психологической науки восходит к XIX веку, к разработкам психологов В. Вундта и Э. Титченера. Психологи того времени стремились

¹⁷⁴ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. С. 169.

развить интроспекцию как строгий экспериментальный метод, точно фиксирующий данные самонаблюдения. Они считали ее «единственным методом, которым мы можем исследовать факты и законы ощущения»¹⁷⁵. Применение данного метода в экспериментальных условиях, по мнению Э. Титченера, одного из родоначальников метода интроспекции и ученика В. Вундта, позволяет выполнить два условия, обязательные для получения подлинно научного результата: «1) сделать возможным для всякого, кто пожелает, повторение опыта, производя его совершенно таким же образом, как он был произведен раньше, и 2) помочь наблюдателю удалить на время наблюдения всякого рода мешающие влияния и таким образом получить желаемый результат в чистой форме»¹⁷⁶. Однако вскоре был обнаружен ряд проблем, связанных с применением метода интроспекции и приведших к отказу от него как от основополагающего метода психологии.

Выполнимость обоих условий, выдвинутых Э. Титченером, может быть поставлена под сомнение. Во-первых, понимание личностного опыта как неповторимой психической реальности, порождающей уникальный смысловой контекст, делает невозможным повторение конкретного опыта кем бы то ни было, в том числе самим носителем данных переживаний. Воспроизведение опыта в научных целях позволит выявить лишь наиболее общие черты психической жизни человека, но не даст возможности воссоздать изменчивый смысловой контекст личностного знания, который в экспериментальных условиях неминуемо видоизменится. Во-вторых, кажется нереализуемым тезис об устранении всех мешающих влияний и получении результата в чистой форме. Самонаблюдение как особый вид познавательной деятельности, делающий своим объектом психическую реальность самого субъекта, предстает в форме рефлексии. Рефлексия же, основывающаяся на определенных когнитивных предпосылках, обусловленных в числе прочего целями и установками экспериментатора, привносит нечто новое в

¹⁷⁵ Титченер Э. Б. Очерки психологии. СПб. - 1898/ <http://www.psychology.ru/library/00057.shtml>.

¹⁷⁶ Там же.

содержание изначально данного опыта и тем самым трансформирует его. Таким образом, получение «чистых» результатов представляется весьма проблематичным. Кроме того, стремление зафиксировать переживания с помощью устойчивых характеристик и понятий языка и построить в конечном счете обобщенный образ Я, как говорилось ранее, помогает вычленил лишь отдельные моменты нашего многогранного личностного опыта, многие же аспекты нашей психики ускользают от сознания. Также следует отметить, что концептуализация знания всегда обращена к прошлому переживанию, уже успевшему претерпеть некоторое изменение.

Все дело в том, что представления о сложной, иерархической организации сознания побуждают признать, что «сознание требует понимания также в пределе непрозрачности для самого себя, то есть включения в сознание наряду с собственно осознаваемым также неосознаваемого... <...> Иными словами, именно в самом сознании оказывается необходимым выделить собственно осознаваемые и неосознаваемые компоненты...»¹⁷⁷. Любой когнитивный акт строится на неких неявных предпосылках, поэтому сознание непременно включает в себя неосознаваемое, нерелексируемое содержание. Стремление осознать эти предпосылки порождает новую ситуацию, в основе которой также лежат определенные скрытые, недоступные осознанию предпосылки. Таким образом, неосознаваемое содержание неустранимо из сознания, оно выступает фоном всякого познавательного процесса и в то же время отражает «ограниченность дескриптивной компоненты рации»¹⁷⁸, направленной на исчерпывающее постижение внутреннего опыта.

Строго говоря, познание личностного опыта в его непосредственности представляет собой философскую проблему. Непосредственно переживаемый опыт на самом деле всегда опосредован какими-то познавательными установками, обусловленными включенностью субъекта в

¹⁷⁷ Кузнецов В.Ю. Указ. соч. С. 128-129.

¹⁷⁸ Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М., 2008. С. 98.

некоторый дискурс. Упомянутый нами ранее немецкий ученый Т. Метцингер указывает на логическую ошибку, заключающуюся в отождествлении феноменологического и эпистемологического понятий «непосредственности»: «Из того факта, что определенная информация появляется в сознании, казалось бы, моментально и непосредственно, не следует, что обусловленное этим потенциальное новое знание само есть знание прямое»¹⁷⁹. Непосредственная данность феноменального опыта сознанию не противоречит тому факту, что его существование и познание определяются когнитивными установками, которые необходимо принимать во внимание при анализе познавательной деятельности. Этот тезис раскрывает диалектический и парадоксальный характер личностного опыта: будучи непосредственно доступной реальностью в феноменальном плане, с эпистемологической точки зрения он всегда опосредован определенными предпосылками, является результатом конструктивной деятельности субъекта. Рефлексия, формирующая концептуальный образ *Я*, создает новый смысловой контекст, в котором оказываются данные опыта, относящиеся как к внутреннему миру самого субъекта, так и к объектам внешнего мира, и тем самым видоизменяет их.

4.4. Виды и уровни самосознания

Проведенный анализ показал возможность разных видов и уровней самосознания, в том числе и дорефлексивных форм самосознания. В общем виде можно говорить о существовании двух *Я*. А. Бергсон утверждал, что человеческое *Я* имеет два аспекта: первое, внутреннее *Я* - чувствующее, волнуемое, в котором последовательность предполагает слияние и организацию; второе же, разделенное на части *Я*, является тенью *Я* первого, отброшенной в пространство. Второе *Я* больше соответствует требованиям социальной жизни в целом и языка, в частности, потому первое, «основное» *Я* постепенно теряется из виду¹⁸⁰. Следовательно, заключает Бергсон, «наши

¹⁷⁹ Metzinger T. Op. cit. P. 92.

¹⁸⁰ Бергсон А. Собрание сочинений: В 4 томах. Т. 1. М., 1992. С. 104-105.

восприятия, ощущения, эмоции и идеи предстают нам в двойной форме: в ясной, точной, но безличной - и в смутной, бесконечно подвижной и невыразимой, ибо язык не в состоянии ее охватить, не остановив ее, не приспособив ее к своей обычной сфере и привычным формам»¹⁸¹. Если первое *Я* соответствует простому самосознанию и непосредственно включено в личностный опыт как поток переживаний, то второе *Я* – это продукт рефлексии и коммуникативной практики. Объектом нашего познания может быть только второе *Я*, хотя оно основывается на *Я* первом как своем источнике.

Существование двух типов самосознания и соответственно двух типов *Я*, доконцептуального и рефлексивного, подтверждается фактом наличия у человека функциональной асимметрии мозга. Как отмечает современный отечественный исследователь в области эволюционной эпистемологии И.П. Меркулов, дорефлексивное, пространственно-образное перцептивное сознание, за которое ответственно правое полушарие мозга, неизменно сопровождает наши когнитивные процессы и позволяет нам осознать себя в качестве самостоятельных, активных и уникальных субъектов: «Наше перцептивное сознание – это и осознаваемое самоощущение единства нашего физического и когнитивного существования и нашего обособленного, автономного бытия, нашей уникальности, нашей «самости» и себя как активного живого существа, которое остается идентичным самому себе во времени»¹⁸².

Существование перцептивного самосознания является необходимой предпосылкой для формирования более высокоуровневого символического, вербального сознания и основанного на нем вербализованного, рефлексивного самосознания. Символическое сознание, связанное с работой левого полушария и развитием аналитических способностей, вычленяет и концептуализирует отдельные элементы перцептивного самосознания,

¹⁸¹ Там же. С. 105.

¹⁸² Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П. Феномен сознания. М., 2010. С. 98.

востребованные для нужд межличностной речевой коммуникации и символической культуры¹⁸³. Однако следует учесть, что в силу межполушарной кооперации в норме сознание человека едино. Этот факт дает нейрофизиологическое обоснование единства личностного опыта и системы личностного знания, являющихся результатом взаимодействия различных психических способностей.

Перцептивное самосознание может быть обнаружено во всяком акте восприятия: «Любой акт восприятия предполагает перцептивное самовыделение и субъективное пространственно локализованное присутствие воспринимающего»¹⁸⁴. В восприятии всегда содержится информация, которая исходит от самого субъекта и определяется его активностью и уникальным положением в пространстве. Современный исследователь Х.Л. Бермудес на базе экологического подхода к восприятию известного американского психолога Дж.Дж. Гибсона продемонстрировал, каким образом доконцептуальное самосознание, основанное на проприоцептивной информации, идущей от внутренних органов, проявляется в простейших актах зрительного восприятия. Ссылаясь на Гибсона, Бермудес подчеркивает, что «сама структура визуального восприятия содержит поступающую проприоцептивную (*propriospecific*) информацию о себе, как и поступающую извне (*exterospecific*) информацию об окружающей среде... Я появляется в восприятии как граница визуального поля»¹⁸⁵. Следовательно, соматическая проприоцепция, заключающаяся в осознании пространственного положения своего тела, является основой остальных видов самосознания. Из проприоцептивной способности Х.Л. Бермудес предлагает выводить наиболее примитивные и фундаментальные формы самосознания и показывает, что уже на неконцептуальном уровне содержатся

¹⁸³ Там же. С. 102.

¹⁸⁴ Столин В.В. Самосознание личности. М., 1983. С. 13.

¹⁸⁵ *Bermúdez J.L.* Nonconceptual Self-Consciousness and Cognitive Science // *Synthese*. - Vol. 129, No. 1. - Perception, Action and Consciousness (Oct., 2001). P. 135.

предпосылки для формирования способности говорить от первого лица, лежащей в основе концептуальных форм самосознания¹⁸⁶.

Таким образом, концепция Х.Л. Бермудеса играет важную роль в осмыслении феномена самосознания, поскольку ею учитывается телесность как один из ключевых факторов нашей познавательной деятельности. Во-первых, исследователь демонстрирует неразрывную связь, существующую уже на уровне восприятия между знанием о внешних объектах и неявным осознанием себя в качестве активного субъекта. Занимая в пространстве определенное место, субъект неизменно присутствует в восприятии, задавая рамку визуальному полю и осознавая свою способность двигаться и взаимодействовать с предметами вокруг. Неконцептуальное знание о себе как о субъекте, занимающем уникальное положение, непременно содержит в себе также знание об окружающих предметах, с которыми происходит взаимодействие и которые организуют структуру внешнего пространства. Самосознание является неотъемлемым компонентом любых, даже простейших видов познавательной деятельности, в том числе и зрительного восприятия. Всякое знание о действительности обязательно включает в себя информацию о самом субъекте, его положении в среде, потребностях, установках и намерениях.

Кроме того, Х.Л. Бермудес показывает преемственность, существующую между разными уровнями самосознания, начиная от проприоцептивного, соматического самосознания и заканчивая развитыми концептуальными формами. Осознание себя в пространстве в качестве активного воспринимающего и действующего субъекта является обязательным условием формирования концептуального, рефлексивного самосознания, которое становится возможным благодаря возникновению более развитых и высокоорганизованных способностей. Проприоцептивная информация о собственном положении в пространстве, задающая уникальный способ восприятия действительности, оказывается одним из простейших факторов,

¹⁸⁶ Ibid.

который во взаимодействии с другими, более сложными когнитивными способностями человека организует неповторимый личностный опыт. Исследование неконцептуальных форм самосознания и перцептивного сознания позволяет учитывать телесную организацию человека в качестве важнейшего аспекта познавательной деятельности.

Разумеется, само по себе неконцептуальное, связанное с проприоцептивной информацией самосознание не является способом осознания себя в качестве полноценной личности и не порождает личностного опыта и личностного знания, предполагающих освоения культурно-исторического опыта. Однако в опыте сформированной человеческой личности это знание всегда сосуществует наравне с более развитыми интеллектуальными способностями, приобретаемыми в процессе социализации, и поэтому оно вполне может рассматриваться как необходимый компонент системы личностного знания. При этом, с одной стороны, перцептивное самосознание является необходимой предпосылкой знания вербального; с другой стороны, складывающиеся в результате социализации и развития аналитических способностей когнитивные установки и представления отражаются на содержании нашего пространственно-образного мышления, наполняя его культурными и личностными смыслами. Существование перцептивного сознания и неконцептуальных форм самосознания отражает многоуровневый характер личностного знания, обязательно включающего в себя знание неосознаваемое, невербализуемое.

4.5. Соотношение самосознания и познания объективного мира, взаимосвязь Я и окружающего мира

Уже на основе исследования зрительного восприятия становится очевидным, что в системе личностного знания *Я* и окружающий мир неразрывно связаны и проводимая между ними граница весьма условна. *Я* воспринимает себя через собственное отношение к объектам внешней реальности, образ своего *Я* формируется на базе того многообразия

личностных смыслов, которые опосредуют взаимодействие человека с миром. В то же время знание об объективной действительности непременно окрашивается личностным содержанием, отражает целостное мировоззрение субъекта, собственно говоря, и являющееся основой самосознания. Пожалуй, именно способность приносить личностное содержание в знание о внешней реальности и пристрастно относиться к окружающим объектам позволяет человеку осознавать себя в мире в качестве самостоятельной личности.

Психическая реальность, в которой разворачиваются субъективные когнитивные процессы, является частью объективного мира, составляющей единое целое с другими сферами бытия. Феноменальный опыт личности представляет собой единство субъективного и объективного аспектов реальности, «внутреннего» и «внешнего», что является продуктом естественной эволюции когнитивных способностей и позволяет успешно действовать в окружающем мире. Как отмечал родоначальник эволюционной эпистемологии К. Лоренц, переживаемый нами опыт – «это всегда соприкосновение, взаимодействие реального в нас с тем, что реально вне нас»¹⁸⁷. Осуществляемая субъектом когнитивная деятельность так же подчиняется неким универсальным, не зависящим полностью от воли конкретного индивида принципам, являющимся предметом изучения психологии, теории познания, логики и других дисциплин, как и любой процесс в окружающем мире. «Субъективная» реальность может рассматриваться в качестве неотъемлемой составляющей объективного мира, и в этом смысле она так же «объективна», как и любая область действительности. Исходя из натуралистических представлений о познании, можно утверждать, что «наш когнитивный аппарат сам представляет собой объективную реальность, которая обрела свою нынешнюю форму посредством контакта и адаптации к столь же реальным вещам во внешнем

¹⁸⁷ Лоренц К. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии / Пер. А.Б. Толстова // Эволюционная эпистемология. Антология. М., 2012. С. 50.

мире»¹⁸⁸. В то же время «объективный» мир, данный нам в опыте и познании, неотделим от самого субъекта и его конструктивной деятельности, так что содержание постигаемых нами «объективных» явлений нагружено субъективными смыслами и поэтому в определенной степени «субъективно». Таким образом, граница между объективной и субъективной сторонами реальности весьма условна, они взаимно переплетены и даны в неразрывной связи друг с другом.

Единство в индивидуальном опыте представлений о себе и знания объективной действительности делает очевидными условность и подвижность границы, разделяющей *Я* и окружающий мир в системе личностного знания. Привнося в представления о внешних объектах личностное содержание, человек способен отождествлять себя с этими объектами, ощущать себя сопричастным им и воспринимать их как неотъемлемый компонент своего субъективного опыта. Субъект может постоянно переосмысливать свое отношение с окружающей действительностью: то он резко противопоставляет себя ей, соотнося свой внутренний мир с конкретным *Я*-образом, воплощающим ряд существенных черт личности, то максимально расширяет границы своего *Я*, ощущая слитность с миром.

Наиболее ярко подвижность этой границы проявляется, пожалуй, в процессе творчества, позволяющем выйти за рамки выработанных концептуальных схем. В своей деятельности творческая личность переживает разные периоды. На некоторых стадиях творческой активности субъект открыт и восприимчив к окружающей действительности, он отождествляет себя с предметом творчества. Это позволяет ему наиболее глубоко проникнуть в суть постигаемых явлений и добиться необходимой объективности знания. На других же этапах человек стремится к уединению и изоляции от внешней реальности, погружается в свой внутренний мир, что,

¹⁸⁸ Лоренц К. По ту сторону зеркала / Выборочный перевод А.Б. Толстова // Эволюционная эпистемология. Антология. М., 2012. С. 82.

в свою очередь, дает ему возможность осмыслить и структурировать в соответствии со своими личностными установками полученный прежде опыт. Момент творческого озарения является моментом полного слияния с окружающей действительностью, когда вследствие целостности восприятия субъекта мир предстает ему как единое целое, как беспредельная реальность, а сам человек ощущает себя неотъемлемой частицей этой реальности. Однако такое вживание в объекты окружающей действительности возможно благодаря полноценному и всестороннему развитию личностного начала, определяющего отношения человека с миром и позволяющего извлекать из опыта новые смыслы.

Итак, применение понятий личностного знания и личностного опыта к проблеме самосознания было призвано расширить наши представления о феномене самосознания и раскрыть его эпистемологическое значение. Данный анализ показал неразрывную связь самосознания и личностного знания. Именно личностное знание в своей целостности и богатстве содержания является основой самосознания как сложного процесса, объединяющего различные аспекты человеческого бытия. Всякий познавательный акт проникнут осознанием себя в качестве носителя когнитивных предпосылок, в качестве активного субъекта, привносящего во всякое знание о мире собственное содержание.

§ 5. Личностное знание в творчестве

5.1. Роль личностного опыта в творческом процессе

Творчество имеет огромное значение в жизни человека, так как оно является основой культурно значимых открытий и влияет на внутренний мир самого субъекта творчества. Творческое озарение может рассматриваться как одна из разновидностей измененных состояний сознания (ИСС), имеющая некоторое сходство с такими состояниями, как сон, галлюцинация, гипнотический транс и т.д. Упоминание творчества в качестве ИСС можно

встретить в работе «Измененные состояния сознания»¹⁸⁹ современного американского психолога Ч. Тарта, получившего широкую известность именно благодаря своим исследованиям измененных состояний сознания, а также прославившегося в качестве одного из основателей трансперсональной психологии. В творческом акте наличная система представлений личности претерпевает глубинную трансформацию, в результате чего между известными явлениями действительности обнаруживаются новые структурные связи и образуется иная смысловая целостность, определяющая оригинальное восприятие субъектом мира и себя самого. Чтобы показать, на каком основании творчество может индуцировать измененные состояния сознания и каким образом в момент вдохновения происходит преобразование личностного опыта субъекта, необходимо провести эпистемологический анализ феномена творчества.

Творчество имеет не только объективное значение, способствуя появлению нового знания и порождению имеющих культурную ценность продуктов деятельности, но также оно приводит к существенным изменениям в субъективном мире творческой личности. В действительности объективная и субъективная стороны реальности взаимодействуют друг с другом, представляя собой единое целое. Любая, даже коллективная деятельность, подчиняющаяся неким общим закономерностям развития научного знания, предполагает личное участие каждого отдельного человека с его неповторимым индивидуальным опытом. Психологический, личностный фактор является неустранимым моментом в любом творческом процессе, выступая категорией единичного по отношению к логическому и социально-историческому моментам как к всеобщему и особенному соответственно и способствуя порождению знания объективного¹⁹⁰. Эпистемологический анализ познавательной деятельности был бы неполным без учета психологических факторов познания: «...реальный процесс познания осуществляется реальными людьми, обладающими самыми

¹⁸⁹ Тарт Ч. Измененные состояния сознания. М., 2003. С. 20.

¹⁹⁰ Кедров Б.М. О творчестве в науке и технике. М. 1987. С. 105.

разными склонностями, страстями и интересами, и что благодаря усилиям именно этих людей наука достигла столь впечатляющих успехов в познании природы»¹⁹¹. Тем не менее современный философ науки Е.А. Мамчур предостерегает против принятия позиции персоналистского релятивизма, абсолютизирующей значение психологических факторов в познании, и подчеркивает, что когнитивная деятельность эмпирического субъекта должна подчиняться неким всеобщим принципам и нормам, обеспечивающим объективный характер приобретаемого знания¹⁹².

В данном параграфе хотелось бы сосредоточить внимание именно на субъективном аспекте процесса творчества, как менее изученном в эпистемологии, но имеющем, тем не менее, огромное значение для исследования познавательной деятельности в целом. Состояние творческого вдохновения влияет в числе прочего на индивидуальный познавательный процесс и на систему представлений субъекта, упорядочивая ее по-новому и определяя получаемое в итоге знание. Эпистемологический анализ роли личностного опыта в творческом акте будет одним из способов постижения реального процесса познания в его единстве с другими сторонами психической жизни индивида.

Исходя из предложенного выше понимания личностного опыта, можно предположить, что в основе творчества лежит раскрытие в результате активной интеллектуальной деятельности и сопровождающего ее эмоционального напряжения глубинных личностных смыслов, за счет которых происходит коренная перестройка личностного опыта человека. Пожалуй, именно в состоянии творческого вдохновения в наибольшей степени отражаются целостность личностного опыта и единство психических способностей, взаимодействие которых и порождает уникальные личностные смыслы. В творческом акте совершается попытка выразить неартикулированные личностные смыслы в определенной рациональной

¹⁹¹ Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии). М., 2004. С. 141.

¹⁹² Там же. С. 156-157.

форме, что может иметь огромное практическое значение; кроме того, процесс творчества меняет структуру личностного опыта, структуру личности творца. Трансформируются сознание человека, восприятие индивидом реальности и самого себя, являющееся в значительной степени результатом конструктивной деятельности субъекта.

5.2. Перестройка личностного опыта и трансформация сознания в процессе творчества

Роль личностного опыта в обнаружении проблемы

В начале творческого процесса лежит столкновение с неразрешимой проблемой. Само обнаружение этой проблемы уже предполагает нестандартность мышления, выход за рамки стереотипов и раскрывает личностный характер процесса: «Распознать задачу, которую можно решить, если она того стоит, – это уже фактически есть своего рода открытие»¹⁹³. Творческий человек способен увидеть трудность в тех областях, на которые раньше никто не обращал внимание, он придает значение случайным и, казалось бы, малозначительным вещам, выявляет оригинальные связи между явлениями, не учитываемые имеющимися теориями. К примеру, молодой ученый Г. Селье, не усвоивший еще общепринятых объяснительных схем, уделял внимание тому, что опытным врачам представлялось несущественным. Если медики того времени искали специфические проявления конкретных болезней, считая их необходимыми для установления точного диагноза и выбора дальнейшего лечения, то юный Г. Селье заинтересовался наличием у всех больных неких общих симптомов, которые игнорировались остальными специалистами как не очень важные в терапевтической практике¹⁹⁴. Поставив перед собой задачу выявить и описать признаки «болезни как таковой», Г. Селье смог открыть и проанализировать синдром стресса¹⁹⁵.

¹⁹³ Полани М. Личностное знание. М., 1985. С. 176.

¹⁹⁴ Селье Г. От мечты к открытию. М., 1987. С. 68–72.

¹⁹⁵ Майданов А.С. Методология научного творчества. М., 2008. С. 32–33.

Таким образом, уже на стадии формулирования проблемы могут проявиться те личностные смыслы, которые отражают особенности индивидуального восприятия действительности. Постановка задачи при помощи четких, однозначных понятий и ясных образов может оказаться первым этапом концептуализации смутных установок сознания и неявных предпосылок познавательной деятельности конкретной личности.

Роль личностных смыслов на стадии вызревания решения проблемы

Решение любой проблемы начинается с сознательной работы над ней при помощи имеющихся рациональных средств. Уже на данном этапе у субъекта могут сформироваться уникальные представления, которые послужат основой дальнейшей познавательной деятельности. Однако, как правило, для решения творческой задачи одних только логических инструментов недостаточно, поэтому человек на время отказывается от каких бы то ни было активных действий в этой области. Мыслительный процесс, тем не менее, не прекращается и переходит в сферу подсознания, где привлекается обширный пласт индивидуального опыта. Наступает стадия инкубации, вызревания решения проблемы. Особую роль на этом этапе играют эмоциональный настрой человека, его увлеченность данным делом, одержимость проблемой¹⁹⁶. Непреодолимое желание разрешить возникшую трудность побуждает субъекта сконцентрировать на ней свое внимание, мобилизовать весь свой опыт, в том числе и неосознанный. Благодаря охваченности проблемой, человек, даже отвлекаясь на другие дела, все равно сохраняет установку на ее разрешение, которая направляет ход его мысли. Будучи нацеленной на получение ответа, творческая личность смотрит на известные данные как ключи к неизвестному, и это можно представить с помощью предложенной М. Полани оппозиции фокуса и периферии сознания.

¹⁹⁶ Полани М. Указ. соч. С. 186.

Эмоциональное напряжение предполагает личностное отношение к действительности; конкретная эмоция наделена личностным смыслом. Заинтересованный человек исходит в своей интеллектуальной деятельности из собственных представлений и пристрастий, отражающих его неповторимый опыт.

На стадии вызревания идеи происходит проработка огромного пласта глубинных личностных смыслов, неосознаваемых в обычном состоянии из-за ограниченности применяемых концептуальных схем. Как правило, субъект, осознав недостаточность имеющихся познавательных средств, на время отказывается от решения проблемы, расслабляется и переключает свое внимание на другие задачи, сохраняя, однако, внутреннюю нацеленность на достижение нужного результата. Содержание переживаний на этом этапе может иметь косвенное отношение к самой проблеме и к той области, в которой осуществляется творческая деятельность, что позволяет привлечь более обширный опыт: «Среди комбинаций, на которые падает выбор, часто наиболее плодотворными оказываются те, элементы которых взяты из наиболее удаленных друг от друга областей»¹⁹⁷. Психолог П. Сурье выразил это следующей фразой: «Чтобы изобретать, нужно думать около»¹⁹⁸. Зачастую решающую роль в открытии или изобретении играют явления действительности, не связанные непосредственно с поставленной целью и кажущиеся порой малозначимыми. Могут возникнуть неожиданные ассоциации между известными фактами и теми представлениями, которые возникли в сознании субъекта в процессе активного поиска правильного ответа.

Сколько далеки могут быть явления, служащие подсказкой в решении проблемы, от той области, в которой осуществляется творческая деятельность, можно увидеть на тех примерах, которые предлагаются отечественным ученым Б.М. Кедровым в его научно-популярных очерках для молодежи «О творчестве в науке и технике». В этой работе автор показывает

¹⁹⁷ Пуанкаре А. О науке. М., 1990. С. 403.

¹⁹⁸ Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970. С. 48.

на материале истории науки, а также на основании собственного опыта, как в процессе творчества преодолеваются «познавательные-психологические барьеры» (далее ППБ). В частности, исследователь описывает случай, произошедший с ним во время изучения «структурной вязкости» каучука-латекса. В этом примере не имеющий, казалось бы, особого значения бугор на клеенке в институтской столовой стал ключом к разгадке. Разглядывая этот бугор, молодой ученый обнаружил необычную связь между предметами обыденного опыта, которая и послужила основой для его открытия: видимая особенность клеенки, ее неровность, оказалась на самом деле проявлением иного объекта, отщепившейся фанеры стола. Благодаря своей одержимости научной проблемой, Б.М. Кедров смог мгновенно перенести в область химии данную объяснительную схему, в соответствии с которой свойства наблюдаемого явления в действительности представляют собой свойства совсем другого явления. На основе этого начинающий исследователь смог прийти к заключению, что никакой «структурной вязкости» у латекса нет, а за таковую приняли нечто совсем иное, что коренилось в процессах, совершавшихся в воде, а не в латексе¹⁹⁹.

Что касается истории науки, то здесь Б.М. Кедров особое внимание уделяет открытию Д.И. Менделеевым периодической системы. Исследователь отмечает, что одним из трамплинов, послуживших открытию, явилось увлечение Д.И. Менделеева игрой в пасьянс. Правила игры в пасьянс подсказали ученому, как легче и быстрее расположить химические элементы в таблице. Д.И. Менделеев сообразил, что удобнее каждый элемент записывать на отдельной карточке, а потом перекладывать в зависимости от атомного веса и его свойств²⁰⁰. Этим объясняется, почему так важно развивать в себе ассоциативное мышление, учиться не отбрасывать сразу случайные образы и мысли, возникающие в сознании, а по возможности обращать на них внимание и осмысливать их.

¹⁹⁹ Кедров Б.М. Указ. соч. С. 86–87.

²⁰⁰ Там же. С. 71–72. Открытию Д.И. Менделеевым периодического закона химических элементов посвящена отдельная работа Б.М. Кедрова. См.: Кедров Б.М. Микрoанатомия великого открытия. М., 1970.

Таким образом, любой факт может обрести новый смысл и помочь достижению нужного результата, если воспринимается в свете поставленной задачи, при помощи тех концептуальных схем и чувственных образов, которые сформировались еще на стадии логической проработки проблемы. Вот почему, как правило, наибольшего успеха достигают разносторонние и наблюдательные люди, открытые всякому новому опыту и способные в неважных, на первый взгляд, деталях обнаруживать глубокий смысл и источник для творчества. Приведенные выше примеры показывают, что даже приобретаемый во время отдыха опыт может стать толчком к открытию. Следующий за фазой подсознательной проработки проблемы момент творческого озарения можно уподобить описываемому в термодинамике фазовому переходу – быстротечному и нелинейному процессу, «характеризующемуся нестабильным состоянием системы»²⁰¹, в результате которого «относительно слабые воздействия могут вызывать весьма серьезные последствия, вести к кардинальным изменениям состояния системы»²⁰². Любая малозначащая деталь и несущественное, на первый взгляд, воздействие на психику человека, находящегося в напряженном творческом поиске, могут способствовать открытию и переосмыслению наличной ситуации, перестройке личности и ее личностного опыта. Более того, на определенном этапе творческого процесса все данные индивидуального опыта уравниваются в своей значимости для творческой личности, но лишь потому, что в дальнейшем они структурируются в соответствии с новыми личностными смыслами. В ходе творческого поиска субъект переключает внимание то на объекты вокруг себя, открываясь миру и расширяя свой опыт, то на собственные переживания и мысли, осмысляя полученное знание. В результате творческий человек то полностью растворяется во внешней реальности, то уходит в себя и отказывается от коммуникации с внешним миром.

²⁰¹ Юдин Б.Г. Идея пограничной ситуации // Инновации в корпусе гуманитарных идей. Ч. 1. М., 2012. С. 20.

²⁰² Там же.

Пожалуй, именно творческий процесс наиболее ярко демонстрирует относительность и подвижность границы между миром и Я. С одной стороны, именно слияние с окружающим миром, способствующее проникновению в суть различных явлений, обеспечивает подлинную объективность приобретаемого знания, но, с другой стороны, лишь уединение и изоляция могут породить то личностное содержание, которое позволяет организовать неисчерпаемый опыт в целостную систему знания, сделать познавательный процесс направленным и осмысленным.

Перестройка личностного опыта и изменение сознания в момент творческого озарения

В результате активизации личностного опыта во всем богатстве его содержания может наступить озарение, когда раскрытие недоступных ранее осознанию личностных смыслов и выявление фундаментальных связей между явлениями приводят к переструктурированию наличного опыта, концептуальной схемы, объясняющей ситуацию, а иногда и картины мира в целом. На базе личностных смыслов, всплывающих из глубин сознания и являющихся продуктом сложного взаимодействия различных аспектов психической жизни индивида, формируется новая целостность, посредством которой воспринимается и интерпретируется окружающая реальность. Таким образом, процесс творчества, имеющий на данном этапе интуитивный характер, можно трактовать как «механизм самодообраивания структуры (визуальных и мысленных образов, идей, представлений) на поле мозга и сознания»²⁰³. В основе творчества лежит «некий неосознаваемый, невербализуемый и некоммуницируемый, нерасчлененный "сгусток смысла", который выливается рано или поздно в выражение мыслей в вербализованной форме»²⁰⁴. Этот «сгусток смысла» может выступить основополагающим принципом, позволяющим выстроить на последующем

²⁰³ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодообраивание // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 112.

²⁰⁴ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. М., 2007. С. 61.

этапе разрозненные переживания личностного опыта в упорядоченную и рациональную систему представлений.

В силу динамической природы личностного опыта сформированная смысловая целостность не является чем-то неизменным, она постоянно преобразуется, делая творческий поиск бесконечным процессом. «Целостная структура личностного знания в качестве особого эпистемологического гештальта»²⁰⁵ в принципе не может быть завершена. Однако стремление к завершению гештальта, к достижению полной гармонии, обеспечивающей понимание окружающей действительности, оказывается одним из главных стимулов, побуждающих к творческой деятельности: «Чем более разнообразны, необычны и загадочны объекты, тем большее удовлетворение доставляет нам обнаружение закономерностей, в соответствии с которыми их можно размещать в удобном и гармоничном порядке, делающем их доступнее для понимания»²⁰⁶.

Присущая человеческой психике склонность к выявлению законосообразности и получению завершенной картины мира объясняет, почему формирование новой целостности сопровождается особым эстетическим переживанием гармонии и ясности. На это указывал А. Пуанкаре в своих трудах, посвященных математическому творчеству²⁰⁷. Это ощущение гармоничности теории не является гарантией ее правильности, однако оно свидетельствует о тех изменениях, которые происходят в сознании личности, расширяя ее представления о мире и самой себе. В такие моменты красота выступает одним из критериев истины, предваряющим последующую рациональную проверку.

Человек в момент озарения переживает просветление, ему кажется, что он постиг истину, подлинную реальность, и это сопровождается необычайным эмоциональным подъемом. Выход за пределы традиционных познавательных схем дает чувство открытости миру, новому опыту, вызывает ощущение

²⁰⁵ Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999. С. 25.

²⁰⁶ Селье Г. Указ. соч. С. 22.

²⁰⁷ Пуанкаре А. Указ. соч. С. 410.

бесконечного многообразия способов представления действительности, позволяет увидеть мир иначе. Индивид получает возможность на более глубоком уровне проникать в суть постигаемого явления. Охваченность процессом творчества приводит к появлению ощущения сопричастности человека окружающей реальности и возникновению внутренней связи между ним и внешним миром.

Творческое постижение действительности на этой стадии имеет интуитивный характер. В процессе творчества активизируются внерациональные способности, подключается интуитивное, неосознаваемое ранее знание. Как и всякое интуитивное познание, творчество предполагает целостность восприятия. Синкретизм мысли на данном этапе обеспечивает ощущение слияния с миром, единства с предметом творчества.

Интуитивный характер творческого процесса объясняет невыразимость переживаний творящей личности. Первоначально, в момент озарения субъект, как правило, не располагает готовыми концептуальными схемами, соответствующими приобретаемому опыту; на этой стадии он воспринимает лишь невербализованные «мыслеобразы», «нерасчлененный сгусток смысла». Неартикулированность, внелогичность личностного, всплывающего из подсознания знания объясняет его чувственно-эмоциональный характер, благодаря чему на данном этапе критерием правильности полученного результата может выступать не просто соответствие утвердившимся принципам, а эстетическое чувство гармонии и простоты и эмоциональное переживание удовлетворенности и внутреннего преображения.

Один из наиболее ярких и образных примеров творческого вдохновения, позволяющий обнаружить описанные характеристики этого феномена, был дан В.А. Моцартом: «Когда я чувствую себя хорошо и нахожусь в хорошем расположении духа, или же путешествую в экипаже, или прогуливаюсь после хорошего завтрака, или ночью, когда я не могу заснуть, – мысли приходят ко мне толпой и с необыкновенной легкостью. Откуда и как приходят они? Я ничего об этом не знаю. Те, которые мне нравятся, я держу в памяти,

напеваю; по крайней мере так мне говорят другие. После того, как я выбрал одну мелодию, к ней вскоре присоединяется, в соответствии с требованиями общей композиции, контрапункта и оркестровки, вторая, и все эти куски образуют "сырое тесто". Моя душа тогда воспламеняется, во всяком случае если что-нибудь мне не мешает. Произведение растет, я слышу его все более и более отчетливо, и сочинение завершается в моей голове, каким бы оно ни было длинным. Затем я его охватываю единым взором, как хорошую картину или красивого мальчика, я слышу его в своем воображении не последовательно, с деталями всех партий, как это должно звучать позже, но все целиком в ансамбле»²⁰⁸.

В приведенном здесь отрывке действительно находит отражение то, что говорилось об особенностях творческого озарения. Во-первых, композитор подчеркнул важность досуга и хорошего, спокойного настроения в обретении ценной идеи. Приходящие на ум в таком состоянии мысли не ограничены узкими рамками готовых концептуальных схем, они спонтанно возникают в сознании человека. В.А. Моцарт не смог объяснить происхождение собственных мыслей, но естественно предположить, что они всплывают из глубин подсознания, из сформированного ранее личностного опыта. Композитором произвольно выбирается отдельная мелодия, на основе которой формируется целостное произведение. Новая музыкальная композиция вся сразу предстает творящей личности в своей завершенности. Проработка отдельных партий, конкретных деталей осуществляется на следующем этапе, в результате применения аналитических, рациональных способностей. Момент озарения сопровождается чрезвычайно сильными эмоциями, душа автора «воспламеняется». Таким образом, слова В.А. Моцарта подтверждают целостный, интуитивный, спонтанный характер творческого озарения. Очень важны в этом процессе положительный настрой человека, спокойствие и расслабленность, когда ничто не мешает свободному потоку мыслей.

²⁰⁸ *Адамар Ж.* Указ. соч. С. 20.

Концептуализация личностных смыслов

Хотя на стадии озарения субъект и получает результат своей творческой деятельности, на этом процесс творчества не может быть закончен. Необходимость сохранить и передать новый опыт другим людям, подвергнуть его проверке заставляет искать рациональную форму выражения приобретенного посредством интуиции знания. Вслед за эмоционально заряженным моментом творческого озарения наступает порой длительный и мучительный этап концептуализации полученного опыта. Человек ищет наиболее адекватное выражение обнаруженным личностным смыслам. Как правило, это приводит к появлению новых понятий и образов, к изменению концептуальных схем, а порой и к преобразованию картины мира в целом. Разумеется, невозможно исчерпывающим образом выразить свой неповторимый опыт, однако именно то общезначимое содержание, которое фиксируется в рациональных конструктах, придает личностному творчеству объективное значение. Уникальный опыт человека, проявляющийся в творчестве, расширяет представления об окружающей реальности и указывает на иные способы понимания и объяснения мира, раскрывает неизвестные ранее связи между явлениями. Возможность получить важные теоретические и практические выводы из достигнутого результата определяет культурно-историческое значение конкретного творческого акта.

Как это ни странно, именно личностное содержание знания, лежащее в основе уникального восприятия реальности, придает творчеству общезначимую ценность, открывая новые перспективы для развития человеческой мысли. Мне представляется, что в этом в наибольшей степени проявляется парадоксальность творчества: будучи по своей сути личностным, творческий процесс может стать значимым лишь в том случае, если неповторимый опыт субъекта творческой деятельности удастся запечатлеть в форме общезначимого знания. Здесь перед нами встает, пожалуй, один из наиболее тонких вопросов, касающихся проблемы творчества: сохраняется ли в общезначимых представлениях лежащее в их

основе личностное содержание и каким образом во всеобщем передается особенное и неповторимое.

Различия в способах концептуализации готового знания определяют специфику существующих форм духовной деятельности. В художественном творчестве личностный момент принципиально неустраним, именно в нем заключаются неповторимая ценность и своеобразие каждого конкретного произведения. В научном творчестве личностный опыт, разумеется, также задействуется, однако для науки характерна нацеленность на фиксацию полученного знания в общезначимых представлениях и в конечном счете устранение личностного аспекта. Это объясняется традиционной для науки ориентацией на достижение объективного и общего знания, независимого от субъективных факторов.

5.3. Перестройка личности как результат творчества

Отталкиваясь от предложенной ранее трактовки понятия самосознания, можно допустить, что творческий процесс, приводящий к радикальному преобразованию структуры личностного знания, может также способствовать переосмыслению отношения к себе. Раскрытие глубинного личностного потенциала, наделяющее новым смыслом привычные явления и расширяющее представления о действительности, побуждает признать недостаточность и ограниченность сформированного образа собственного Я. В творческом акте в какой-то момент человек должен отказаться от себя, от своего Я, чтобы обрести себя вновь уже на ином, более глубоком уровне, обнаружив в себе то, что раньше было скрыто. Индивиду становится непосредственно доступен обширный пласт субъективного опыта, который прежде не осознавался в достаточной мере и не поддавался артикуляции. Таким образом, творчество можно трактовать как процесс проникновения в глубины собственного Я, преобразования себя и приобретения уникального личностного опыта. Творческое озарение можно назвать «опытом переживания тотальной захваченности процессом самоорганизации

личности. Причем таким опытом, который преобразует личность»²⁰⁹. Получение культурно значимых продуктов и нового знания вынуждает субъекта творчества по-иному воспринимать свой внутренний мир. Кроме того, артикуляция личностного знания может вести к изменению системы ценностей, установок, определяющих поведение человека, что подчеркивает жизненно-практическое значение происходящего с каждым индивидом в результате его творческой активности.

5.4. Проявление особенностей детского мышления в творческой деятельности взрослой личности

Последовательно рассмотрев основные черты мышления, присущего ребенку, и сравнив их с ключевыми характеристиками состояния творческого озарения, можно обнаружить сходство детского сознания с сознанием творческой личности.

Во-первых, интеллектуальная деятельность творческого человека в момент прозрения так же интуитивна, образна и целостна, как и у ребенка. В результате озарения решение проблемы предстает сразу во всей своей полноте. Во-вторых, существенную роль в открытии могут играть самые незначительные детали, позволяющие, тем не менее, выявить оригинальные структурные связи между привычными явлениями, не учитываемые усвоенными концептуальными схемами. Эти детали могут выступать фоном исследуемой проблемы и могут даже не быть в центре внимания человека. Однако вследствие внутренней настроенности творческой личности на получение нужного решения, мобилизующей самые разные психические способности, между второстепенными подробностями, случайно оказывающимися в поле сознания субъекта, и теми образами и представлениями, которые сформировались в процессе поиска решения, могут возникнуть плодотворные ассоциации, определяющие новое целостное видение ситуации и благодаря этому способные стать ключом к открытию.

²⁰⁹ Аршинов В.И. Указ. соч. С. 47.

Эта черта творческого мышления напоминает повышенный интерес ребенка к явлениям действительности, которые с позиции взрослого человека могут не иметь никакого значения. Как уже говорилось, для детской психики характерно воспринимать конкретную ситуацию с помощью целостных структур, основанных на выделении каких-то случайных, произвольных деталей.

Кроме всего сказанного, человек в момент озарения обычно испытывает чувство уверенности в правильности найденного решения, что тоже соответствует признакам синкретического мышления ребенка. Творческой личности кажется, что она постигла истину, подлинную реальность, а это, в свою очередь, сопровождается необычайным эмоциональным подъемом. Продолжая проводить параллели между детским и творческим типами мышления, можно увидеть, что для творческого сознания также характерно парадоксальное сочетание эгоцентризма и полного слияния с окружающей средой. Пожалуй, именно творческое мышление, как и детское, наиболее ярко демонстрирует относительность и подвижность границы между *Я* и миром. На разных этапах творческого процесса человек то совершенно обособляется от внешней действительности, сосредоточивается исключительно на своих собственных переживаниях и мыслях, то, наоборот, всецело растворяется и сливается с окружающей средой. Основу всякого открытия составляет уникальный личностный опыт человека, определяющий своеобразное видение действительности, однако сам момент открытия, как правило, сопровождается ощущением сопричастности человека внешней реальности, возникновением особой внутренней связи между личностью и объективным миром.

Зрелое творческое мышление непременно включает в себя личностный и всеобщий аспекты как два неразрывно связанных друг с другом полюса всякого знания, и в определенной степени они являются продуктом эволюции первоначальной детской субъективности, при которой граница между *Я* и миром еще размыта: «Поскольку самоотдача имеет два

соотнесенных друг с другом полюса, личностный и всеобщий, можно предположить, что они взаимосвязаны и возникают одновременно из некоторого предшествующего состояния субъективности, лишенной "я"²¹⁰.

Творческий акт взрослой личности не был бы плодотворным, если бы он не включал в себя рационализацию и концептуализацию личностного знания в общезначимой форме. Творческому озарению непременно предшествует сознательная рациональная работа субъекта по поиску решения проблемы, а за интуитивным прозрением следуют проверка и воплощение полученного результата в общедоступной форме. Творческая деятельность взрослой личности становится возможной благодаря формированию операционального интеллекта у детей школьного возраста, который позволяет подчинить поток нашей психической жизни рациональным общезначимым принципам. В возрасте от 7-8 лет до 11-12 лет развиваются конкретные операции, относящиеся к объектам манипулирования. С 11-12 лет складывается формальное мышление, знаменующее собой появление зрелого рефлексивного интеллекта²¹¹. Возникновение операционального, аналитического мышления позволяет вычленять отдельные элементы из целостных образов и обнаруживать логические связи между самыми разными данными опыта, что значительно расширяет познавательные возможности субъекта. Человек обретает способность обобщать и систематизировать огромные пласты личностного опыта, формировать завершенный образ своего Я, с которым соотносит свои отдельные представления. Субъект получает возможность выходить за рамки непосредственно данного чувственно опыта, предельно широко привлекать личностное знание, в том числе не имеющее, казалось бы, прямого отношения к конкретному переживанию и отдаленное во времени от настоящего момента.

Формирование операционального мышления не устраняет, тем не менее, выработанные ранее интеллектуальные навыки, а надстраивается над ними и

²¹⁰ Полани М. Личностное знание. М., 1985. С. 321.

²¹¹ Пиаже Ж. Избр. психол. тр. С. 177.

обогащает их. Личностные установки субъекта, закладываемые по преимуществу в первые годы жизни, лежат в основе уникального видения окружающей реальности, оказывающегося в дальнейшем под воздействием аналитических способностей. Полученные с помощью развитого операционального интеллекта рациональные конструкты сами становятся в неповторимом опыте человека объектом непосредственного, интуитивного восприятия, встраиваясь в своеобразный контекст психической жизни конкретного индивида и приобретая благодаря этому новое, личностное содержание.

Творческий познавательный акт взрослой личности предполагает гармоничное сочетание различных интеллектуальных способностей, сформировавшихся на разных этапах онтогенеза – наглядного, интуитивного мышления, возникающего еще в дошкольный период, и более позднего аналитического, логического мышления. Аналитические, рациональные познавательные навыки позволяют упорядочить опыт человека, выделить в любом переживании содержание, имеющее объективное значение, и облечь его в общедоступную форму. Однако ограниченность рациональных структур придает непреходящую ценность интуиции, преодолевающей рамки прежних концептуальных схем. И здесь огромную роль могут играть сформированные в детстве представления и установки сознания, сохраняющиеся в опыте взрослого в качестве альтернативного способа восприятия действительности²¹².

Основы личностного знания закладываются уже в первые годы жизни и заключаются в наглядном, интуитивном интеллекте ребенка. Индивидуальные особенности восприятия и мышления человека, проявляющиеся уже на этом этапе развития, могут играть существенную роль в творческой деятельности взрослой личности. Однако знание в таком возрасте носит еще случайный, спонтанный характер и направлено лишь на конкретную ситуацию. Подлинная личность как носительница неповторимой

²¹² Бескова И.А. Как возможно творческое мышление? С. 114.

системы представлений, объединяющей в единое целое различные моменты субъективного опыта, формируется только благодаря развитию более поздних, аналитических интеллектуальных способностей. Гармоничное сочетание познавательных способностей, появившихся в разные периоды онтогенеза, позволяет привести в соответствие индивидуальные представления человека с общезначимым знанием, что придает субъективному творчеству зрелой личности объективную ценность.

5.5. Творческое озарение как измененное состояние сознания

При таком понимании творчества можно прийти к выводу, что перестройка личностного опыта происходит на разных уровнях психики, видоизменяя и содержания сферы сознания, в том числе такие, которые были вовлечены в творческий поиск. Преодоление привычных концептуальных схем меняет восприятие и мышление субъекта, что отражается в конечном счете и на сознании в целом. Принимая во внимание главные теоретические положения концепции Ч. Тарта, можно показать, что творческий акт по ключевым параметрам весьма близок к измененным состояниям сознания. Среди выделенных Тартом основных признаков ИСС многие из них в действительности соответствуют тем особенностям состояния творческого вдохновения, которые были нами описаны выше, например:

- 1) изменения в мышлении;
- 2) нарушение чувства времени;
- 3) потеря контроля;
- 4) изменения в эмоциональном выражении (происходят внезапные, неожиданные вспышки более примитивных и интенсивных, чем в нормальном состоянии, эмоций);
- 5) изменения смысла или значения;
- 6) чувство невыразимости;
- 7) чувства возрождения²¹³.

²¹³ Тарт Ч. Указ. соч. С. 22–27.

На основе проведенного анализа можно показать, как перечисленные характеристики проявляются в творческом процессе:

1) изменения в мышлении представляют собой выход за рамки хорошо усвоенных познавательных процедур;

2) творчество объединяет в себе «замедленный темпомир подсознания, обычно текущий мир сознания и быстро развивающийся, вспыхивающий и угасающий темпомир сверхсознания»²¹⁴, что нарушает привычные представления о времени;

3) утрачивается контроль со стороны сознания и рациональных способностей; в момент озарения человек не контролирует рождение нового знания из глубин подсознания;

4) творческое озарение сопровождается эмоциональным подъемом, экстазом;

5) происходит реализация личностных смыслов, что сопровождается «чувством абсолютного понимания, озарения, инсайта»²¹⁵;

6) уникальное субъективное переживание невыразимо в момент озарения;

7) человек испытывает чувство перерождения собственного «Я».

Указанные особенности творческого процесса описывают момент озарения, так как предшествующий этап подготовки и последующая стадия концептуализации уникального опыта личности проходят в обычном состоянии сознания, с помощью привычных рациональных процедур.

Подводя итог, можно сказать, что в данном параграфе была сделана попытка показать роль личностного опыта в процессах, протекающих в сознании в период творчества: изменения в личностном опыте влияют не только на содержание и состояние сознания, но и на самосознание человека, его восприятие самого себя.

²¹⁴ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. С. 79–81.

²¹⁵ Тарт Ч. Указ. соч. С. 25.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании была предпринята попытка провести эпистемологический анализ проблемы личностного знания как одного из факторов любого познавательного процесса. При этом данное понятие трактовалось более широко, чем традиционно, оно не сводилось лишь к сфере неявного знания, но включало в себя также знание рациональное, вербализованное.

В работе исследуются предпосылки формирования проблемы личностного знания, причем используется материал как западной, так и восточной философии. Анализ восточных учений, особенно буддийских, показал, что на Востоке было выработано многих важных философских идей и концепций, сохраняющих свою актуальность для решения современной проблемы личностного знания. В раннем буддизме к таким значимым концепциям относятся доктрины анатма-вада (санскр.), или анатта-вада (пали), и пратитья-самутпада, а также теория дхарм. Благодаря им, во-первых, отвергается субстанциалистский способ объяснения психической жизни человека, его личностного опыта. Во-вторых, в буддийской философии показан динамичный, целостный и контекстуальный характер личностного опыта и, соответственно, системы личностного знания, подчеркивается конструктивная роль познающего субъекта. Большое значение имеет представление о единстве субъективной и объективной сторон реальности во внутреннем опыте человека. В школе йогачара не просто получают дальнейшее развитие эти идеи, но достигает апогея установка на изучение внутреннего опыта и сознания человека как основы всякого знания о внешнем мире. В этой школе наиболее важным является понятие алая-виджняны («сознание-сокровищница»), использование которого позволяет решить проблему идентичности личности, показать роль неявных глубинных установок сознания в когнитивной деятельности и дать объяснение феноменам творчества и интуиции.

Что касается западной философии, проблема самосознания и роли субъекта в познании ставилась ещё в Античности, начиная с Сократа, совершившего поворот к антропологической проблематике. Однако в классической философии уделялось мало внимания личностным факторам познавательной деятельности, так как считалось, что они лишь приносят искажения в процесс поиска универсальной и неизменной Истины.

Интерес к уникальному личностному опыту проявился в последние два столетия и нашел отражение, в частности, в экзистенциалистской проблематике, направленной на постижение индивидуального человеческого бытия. Из появившихся в это время философских направлений наибольшее значение для анализа проблемы личностного знания имеют экзистенциализм, феноменология и философия жизни. Предметом изучения экзистенциалистской философии является индивидуальное человеческое бытие, которое выступает основой личностного опыта и личностного знания конкретного человека. Применение феноменологического подхода позволяет рассматривать личностное знание в структуре непосредственно данного внутреннего опыта и сознания. Представителями философии жизни В. Дильтейем и А. Бергсоном, а также американским философом-прагматистом и психологом У. Джеймсом подчеркивается целостный, процессуальный и контекстуальный характер психической реальности и субъективных представлений. Философами указанных направлений был выработан ряд понятий, которые могут использоваться при анализе проблемы личностного знания: субъективная истина, сознание-процесс, биографически детерминированная ситуация, мир-проект, *Я* как проект и т.д. В неклассической философии исследовались роль телесности в познании, конструктивная (проективная) деятельность субъекта, взаимосвязь субъективного и объективного аспектов сознания, обсуждалась проблема интерсубъективности личностного знания.

Анализ предпосылок возникновения проблемы личностного знания был бы неполным без обращения к идеям русской философии, в которой всегда

большое значение имели проблемы личности и ее духовно-нравственного бытия. Из всех отечественных мыслителей выбор остановлен на С.Л. Франке и Н.А. Бердяеве, которые, пожалуй, больше остальных философов уделяли свое внимание проблемам познания в связи с проблемой личностного, духовного бытия. Франк благодаря оригинальной трактовке понятия самосознания указывает на целостный характер личностного опыта и знания субъекта. Бердяев подчеркивает важность непосредственно данного духовного опыта познающей личности в когнитивной деятельности.

Во второй главе проводится разработка общих положений диссертаций, их обоснование и конкретизация. В основе данного анализа лежит концепция личностного знания М. Полани. Применение современных подходов (феноменологического, телесного, системного) позволило использовать данную концепцию при решении актуальных эпистемологических проблем, не ограничиваясь, таким образом, лишь проблематикой философии науки. К этим проблемам относятся проблемы соотношения сознания и тела, роли телесности в познании, взаимосвязи периферической и фокусной форм сознания, явного и неявного видов знания и т.д. Перспективной представляется более широкая трактовка личностного знания, при которой оно не отождествляется с неявным знанием, а включает помимо него знание рациональное, вербализованное и четко осознаваемое. Комплексное понимание личностного знания, как объединяющего в себе различные виды и уровни знания, дает возможность найти объяснение таким сложным когнитивным процессам, как процесс интуитивного озарения и творчества.

На основе проведенного анализа концепции Полани дается характеристика личностного знания и лежащего в его основе личностного опыта. Утверждается, что личностный опыт, а соответственно, и система личностного знания, обладают системным, контекстуальным и процессуальным характером.

Полученные общие представления о личностном знании позволяют заняться решением проблем генезиса личностного знания, роли личностного

знания в самосознании и творчестве. Исследование возникновения и становления когнитивных способностей человека и системы личностного знания основано на концепции генетической эпистемологии швейцарского психолога Ж. Пиаже. Анализ так называемого «эгоцентрического» мышления детей от четырех до семи лет, носящего интуитивный и спонтанный характер, позволяет сделать вывод, что именно в этом возрасте закладывается основа личностного знания, однако в полной мере говорить о личности и личностном знании можно лишь применительно к взрослому человеку.

Исходя из тезиса о существовании неразрывной связи между личностным знанием и самосознанием, целостную систему личностного знания можно представить в качестве содержательной основы самосознания. При таком понимании самосознание приобретает более широкое значение, не ограничиваясь лишь рефлексией и формированием концептуального Я-образа. Содержание самосознания включает в себя не только представления о самом себе, но и представления об окружающей реальности, которые также проникнуты личностными смыслами и воплощают личностные особенности познающего субъекта.

Огромную роль личностное знание играет в творчестве. Именно проявление глубинных личностных смыслов, приводящее к трансформации выработанных концептуальных схем и к возникновению нового смыслового контекста, исходя из которого человек воспринимает конкретную ситуацию, лежит в основе творческой деятельности. Понимание познания как целостного процесса побуждает признать, что подлинно творческий акт способствует не только приобретению нового знания, но и преобразованию имеющейся системы личностного знания, личностного опыта в целом, а следовательно, и перестройке самой творческой личности.

В связи с ограниченностью объема диссертационного исследования, в нем рассмотрены далеко не все эпистемологические проблемы, возникающие в связи с проблемой личностного знания. При расширенной трактовке понятие

личностного знания может быть применено ко многим другим проблемам эпистемологии. Проблема личностного знания неизбежно порождает проблему понимания Другого, являющегося носителем неповторимой системы личностного знания, и эмпатии как вживания во внутренний мир Другого. Недостаточно внимания уделено социально-коммуникативному аспекту личностного знания, проблеме выражения и трансляции личностного знания в культуре. Эти и многие другие проблемы могут стать предметом дальнейшего анализа понятия личностного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Августин А.* Исповедь. М., 1991.
2. *Августин А.* О Троице: в пятнадцати книгах против ариан. Краснодар, 2004.
3. *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970.
4. *Аристотель.* О душе // Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1975.
5. *Аршинов В.И.* Личностное знание М. Полани как позиция синергетики // *Философские исследования.* 2000, № 1.
6. *Аршинов В.И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999.
7. *Бергсон А.* Введение в метафизику. СПб., 1914.
8. *Бергсон А.* Собрание сочинений: В 4 томах. Т. 1. М., 1992.
9. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Электронная ссылка: <http://www.klex.ru/28d>.
10. *Бердяев Н.А.* Самопознание. М., 1990.
11. *Бескова И.А.* Как возможно творческое мышление? М., 1993.
12. *Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П.* Феномен сознания. М., 2010.
13. *Бескова И.А., Князева Е.Н., Бескова Д.А.* Природа и образы телесности. М., 2011.
14. *Бинсвангер Л.* Экзистенциально-аналитическая школа мысли. Электронная ссылка: <http://www.gumer.info>.
15. *Биоэтика: вопросы и ответы.* М., 2005.
16. *Буданов В.Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М., 2008.
17. *Васубандху.* Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). М., 1998. Т. 1.
18. *Вертгеймер М.* Продуктивное мышление. М., 1987.

19. *Гайденко П.П.* История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.-СПб., 2012.
20. *Герасимова И.А.* Проблема целостности мышления (эволюционно-эпистемологический анализ) // Эволюционная эпистемология. Антология. М.-СПб., 2012.
21. *Героименко В.А.* Личностное знание и научное творчество. Мн., 1989.
22. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб, 1998.
23. *Декарт Р.* Правила для руководства ума // Собрание сочинений: В 2 томах. Т. 1. М., 1989.
24. *Декарт Р.* Размышления о первой философии // Собрание сочинений: В 2 томах. Т. 2. М., 1994.
25. *Джеймс У.* Психология. М., 1991.
26. *Дильтей В.* Описательная психология. М. 1924.
27. *Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе // Собрание сочинений: В 6 томах. Т. 3. М., 2004.
28. *Диоген Лаэртский.* Жизнь, учения и изречения знаменитых философов. М., 1995.
29. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М., 2010.
30. *Индийская философия: энциклопедия.* М., 2009.
31. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения. СПб., 1999.
32. *Касавин И.Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008.
33. *Катасонов В.Н.* Форма и формула (античная и картезианская геометрия) // Исторические типы рациональности. Т. 2. М., 1996.
34. *Кедров Б.М.* Микроанатомия великого открытия. М., 1970.
35. *Кедров Б.М.* О творчестве в науке и технике. М. 1987.
36. *Киященко Л.П., Тищенко П.Д.* Гуманитарная экспертиза: герменевтика субъективности // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII. Вып. 2. №№ 63-64.

37. *Князева Е.Н.* Автопоэзис мысли // Вестник Томского Государственного Педагогического университета. 2008. № 1. С. 46-55.
38. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Интуиция как самодообраивание // Вопросы философии. 1994. № 2.
39. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. М., 2007.
40. *Князева Е.Н.* Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского Государственного Педагогического университета. 2011. № 10. С. 193-201.
41. *Котомина Е.В.* Концепции неявного знания в современной философии науки // Дис. на соискание канд. филос. наук. Вологда, 2008.
42. *Кузнецов В.Ю.* Взаимосвязь единства мира и единства культуры. М., 2013.
43. *Кьеркегор С.* Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». СПб., 2005.
44. *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М., 1980.
45. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2006. С. 161.
46. *Летов О.В.* М. Полани о соотношении культуры, науки и религии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 1 (09). Электронная ссылка: www.sisp.nkras.ru.
47. *Летов О.В.* Проблема научной объективности в постпозитивистской философии науки (концепции М. Полани и Н. Хэнсона) // Дисс. на соискание док. филос. наук. М., 2011.
48. *Лисеев И.К.* Становление новой парадигматики в биологических исследованиях // Философия науки. Вып. 7: Формирование современной естественнонаучной парадигмы. М., 2001.

49. *Лоренц К.* Кантовская концепция а priori в свете современной биологии / Пер. А.Б. Толстова // Эволюционная эпистемология. Антология. М., 2012.
50. *Лоренц К.* По ту сторону зеркала / Выборочный перевод А.Б. Толстова // Эволюционная эпистемология. Антология. М., 2012.
51. *Лысенко В.Г.* Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение текстов). М., 2011.
52. *Лысенко В.Г.* Ранний буддизм: религия и философия. М., 2003.
53. *Майданов А.С.* Методология научного творчества. М., 2008.
54. *Майоров Г.Г.* Философия как искание Абсолюта. Опыт теоретические и исторические. М., 2004.
55. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М., 2001.
56. *Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии). М., 2004.
57. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб., 1999.
58. *Метлов В.И.* Проблемы взаимоотношения философского и научного (к опытам создания философии науки) // Философия и общество. 2010. № 3.
59. *Михайлов Ф.Т.* Загадка человеческого Я. М., 1976.
60. *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и методология. М., 1998.
61. *Огурицов А.П.* Методология науки и ее антропологический ресурс (часть вторая) // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII. Вып. 4. №№ 67-68.
62. *Павленко А.Н.* Рациофундаментализм // Вопросы философии. 2008, № 1.
63. *Печенкин А.А.* Объяснение как проблема философии науки XX века // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 16-21.
64. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М., 1969.
65. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М., 1999.

66. *Пиаже Ж.* Схемы действия и усвоение языка// Семиотика. М., 1983.
67. *Платон.* Ион // Собрание сочинений: В 4 томах. Т.1. М., 1990.
68. *Платон.* Теэтет // Собрание сочинений: В 4 томах. Т.2. М., 1993.
69. *Платон.* Федон // Собрание сочинений: В 4 томах. Т.2. М., 1993.
70. *Платон.* Федр // Собрание сочинений: В 4 томах. Т.2. М., 1993.
71. *Плотин.* Четвертая эннеада. СПб., 2004.
72. *Полани М.* Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.
73. *Пуанкаре А.* О науке. М., 1990.
74. *Розин В.М.* Мышление и творчество. М., 2006.
75. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. М., 2000.
76. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 319-344.
77. *Севальников А.Ю.* О некоторых тенденциях в интерпретации науки // Философия науки. Вып. 6. М., 2000.
78. *Селье Г.* От мечты к открытию. М., 1987.
79. *Смирнова Н.М.* Теоретико-познавательная концепция М. Полани // Вопросы философии. 1986. № 2. С. 136-144.
80. *Смирнова Н.М., Демченко Л.М.* Творчество как процесс созидания смыслов // Творчество: эпистемологический анализ. М., 2011.
81. *Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М., 1999.
82. *Степин В.С.* Философская антропология и философия науки. М., 1992.
83. *Столин В.В.* Самосознание личности. М., 1983.
84. *Тарт Ч.* Измененные состояния сознания. М., 2003.
85. *Титченер Э. Б.* Очерки психологии. С.-Пб, 1898. Электронная ссылка: <http://www.psychology.ru/library/00057.shtml>.
86. *Труфанова Е.О.* Единство и множественность Я. М., 2010.
87. *Фихте И. Г.* Основа общего наукоучения // Сочинения: В двух томах. Т. 1. СПб., 1993.

88. *Фома Аквинский*. О единстве разума против аверроистов // Сочинения. М., 2002.
89. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. М., 1989.
90. *Франк С.Л.* Душа человека // Реальность и человек. М., 1997.
91. *Франк С.Л.* Реальность и человек // Реальность и человек. М., 1997.
92. *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб., 2002.
93. *Чаттерджи А.К.* Идеализм йогачары. М., 2004.
94. *Чеснокова И.И.* Проблема самосознания в психологии. М., 1977.
95. *Швырев В.С.* Рациональность в современной культуре // Общественные науки и современность. 1997. № 1.
96. *Шульга Е.Н.* Метафизические границы и герменевтические горизонты эволюционной эпистемологии // Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции. М., 2012. С. 98-118.
97. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
98. *Щербатской Ф.И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. В двух частях. СПб., 1995.
99. *Юдин Б.Г.* Идея пограничной ситуации // Инновации в корпусе гуманитарных идей. Ч. 1. М., 2012.
100. *Юдин Б.Г.* Объяснение и понимание в научном познании // Вопросы философии. 1980. № 9.
101. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Сочинения: В 2 томах. Т. 1. М., 1965.
102. *Bermúdez J.L.* Nonconceptual Self-Consciousness and Cognitive Science // Synthese. - Vol. 129, No. 1. - Perception, Action and Consciousness (Oct., 2001).
103. *Grosso A.* Michael Polanyi Meets Abba Moses: Embodiment, Indwelling, and Interdisciplinarity // 2012 Polanyi Society Annual Meeting Program. Электронная ссылка:
<http://www.missouriwestern.edu/orgs/polanyi/2012pprs/2012PSPrg-11-3-12.pdf>.

104. *Hamilton S.* Early Buddhism: A New Approach. Richmond, 2000.
105. *Hammond P.* Personal Knowledge and Human Creativity // Tradition & Discovery: The Polanyi Society Periodical. 2003-2004. Vol. 30, № 2. Pp. 24-34.
106. *Jha S.R.* The Tacit-Explicit Connection: Polanyian Integrative Philosophy and a Neo-Polanyian Medical Epistemology // Polanyiana. 1999. Vol. 8, No 1-2.
107. *Lowney Ch.* Ineffable, Tacit, Explicable and Explicit: Qualifying Knowledge in the Age of “Intelligent” Machines // Tradition & Discovery. 2011-2012. Vol. 38, No 1. P. 18-37.
108. *Metzinger T.* Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity. Cambridge, Massachusetts, 2003.
109. *Polanyi M.* Personal knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy. L., 1958, 1962.
110. *Waldron W. S.* The Buddhist Unconscious: The ālaya-vijñāna in the Context of Indian Buddhist Thought. L. and N.-Y., 2003.
111. *Wayman A.* A Defense of Yogācāra Buddhism // Philosophy East and West. Honolulu. 1996. Vol. 46. P. 447-476.
112. *Zahavi D.* Subjectivity and Selfhood: Investigating the First-Person Perspective. MIT. 2005.